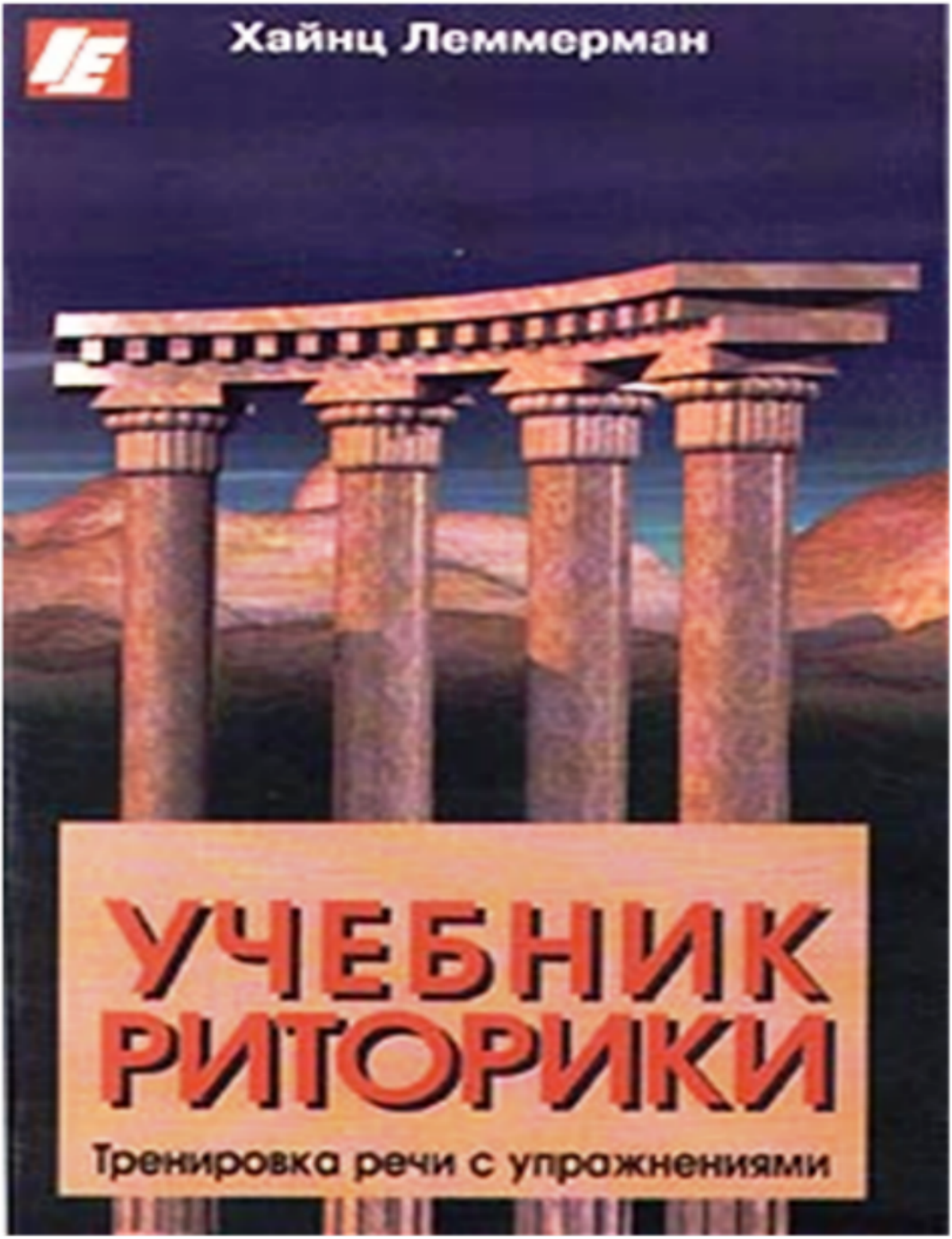
Хайнц Леммерман



УЧЕБНИК РИТОРИКИ

Тренировка речи с упражнениями

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемый учебник задуман как систематическое введение в современную риторику. Его назначение – помочь формированию навыков речи и ведению дискуссии; кратко, связно и в доступной форме раскрыть железные правила, доказавшие свою действенность в ораторской практике.Речь идет о наставлении не по художественному чтению, а по речевой практике, безразлично в какой жизненной сфере. Эта книга – в основном результат опыта и размышлений из педагогической, а также политической и повседневной жизни. Я также опрашивал всевозможные малые, средние и большие умы и был удивлен, что все они знали, что говорить на такую тему, как риторика. Каждый, в том числе и школьник, может освоить предлагаемый автором курс риторики и научиться говорить ярко и убедительно, говорить просто о сложном.. Для широкого круга читателей.

- Леммерман Х.
  - Перевод с немецкого С.Т.Бугло
  - 1.1.2 Речь
  - 1.7 0,9 1,7
  - Введение.
  - I
  - 244

Леммерман Х.

Учебник риторики. Тренировка речи с упражнениями

Перевод с немецкого С.Т.Бугло

Содержание

Предисловие к первому изданию (1962)
Предисловие к переработанному изданию (1986)
1. Вводные упражнения – вводные положения
1.1 Вводные упражнения
1.1.1 Дыхание
1.1.2 Речь Диалект
1.1.3 Упражнение в речи
1. Чтение текста
2. Передача смысла
3. Речевое мышление
4. Рассказ
5. Деловое сообщение
6. Речь, выражающая точку зрения
7. Изучение речей ораторов
8. Анализ речи
9. Дискуссии
10. Речь
1.1.4 Тренировка памяти
1.2 Предварительные положения
1.2.1 Главное о речи
1.2.2 Ответственность оратора-
опасности риторики
1.2.3 Цели речи – формы речи
2. Техника подготовки
2.1 Общие сведения
2.2 Специальные положения
2.2.1 Ступени подготовки
О сборе собственных материалов
Об отборе материала и его организации
Обдумывание материала
Первая редакция ключевых слов
Общий контроль
Окончательная редакция ключевых слов
2.2.2 Документ
3. Структура речи
3.1 Общие указания
3.1.1 Исторические сведения
3.1.2 Тема
3.1.3 Основное в содержании речи Объективность
Ясность Образность

Целеустремленность Повышение напряжения Повторение Неожиданность Смысловая насыщенность Лаконизм (краткость речи) Юмор, остроты, ирония

3.1.4 Стиль речи – стиль письма

3.2 О структуре (план речи)

3.3. О стиле речи (формулирование)

3.3.1 Общая часть

3.3.2 О стиле речи оратора

Слова иностранного происхождения а

3.3.3 О стиле предложений

3.4 Риторические средства выражения

Пример.

Подробность.

Сравнение

Образ (метафора),

Образный ряд

Разрушение образа

Короткие рассказы

Повтор

Разъяснение

Рафинирование

Призыв (восклицание)

Цитирование

Перекрещивание (хиазм)

Повышение напряжения (климакс)

Противопоставление (антитеза)

Цепь

Промедление (запаздывание)

Неожиданность (Sustentio)

Предуведомление

Игра слов

Намек

Описание (парафраза)

Преувеличение (гипербола)

Кажущееся противоречие (парадокс)

Вставка

Предупреждение (постановка возражений; пролепсис)

Мнимые вопросы (риторические)

Переименование (синекдоха)

3. 5 Вступление – заключение

3. 5.1 Вступление

Способ подкрепления

Техника использования повода

Техника возбуждения размышления

Прямая техника
3. 5. 2 Заключение
3. 6. Примеры речей с их анализом
3.7 Речь по специальному поводу
3.7.1 Рамочная речь
3.7.2 Траурная речь
3.7.3 Торжественная речь
3.7.4 Речь в дружеском кругу
Произнесение речи (как держать речь)
4.1 Оратор и помещение для выступления
4.1.1 Обзор помещения для выступления
4.1.2 Речь под открытым небом
4.1.3 Кафедра оратора
4.1.4 Пользование микрофоном
4.1.5 Упорядочение документации
4.2 Оратор и слушатели
4.2.1 Основная установка
4.2.2 Интонация
4.2.3 Начало речи
4.2.4 Обращение
4.2.5 Взаимодействие оратора со слушателями
4.2.6 Сопоставление слушателей
4.2.7 Позиция слушателей
4.2.8 О психологии масс
4.2.9 Документ: Фриц Эрлер об ораторе Фрице Эрлере
4.3 Общий опыт и размышления
4.3.1 Выступление оратора
4.3.2 Концентрация
4.3.3 Речевое мышление вместо чтения текста
4.3.4 Обмолвка
4.3.5 Особые приемы ораторского искусства
4.3.6 Помехи произнесению речи (актерская лихорадка)
4.3.7 Темп речи
4.3.8 Громкость речи
4.3.9 Поведение при произнесении речи
4.3.10 Визуальные вспомогательные средства
4.3.11 Критика речи
Заключительные замечания
Литература
Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте

Предисловие к первому изданию (1962)

В музыкальной среде ходит по кругу веселая шутка; играть на

рояле совсем не трудно: нажимайте только нужным пальцем в нужное время на нужную клавишу.

Эта шутка применима и к риторике; речь произнести совсем не трудно: говорите только нужные слова в нужное время по нужному адресу. Но легче сказать, чем сделать. Пианистом или оратором не станешь за один день. Пианист бесконечно тренирует пальцы, пока не овладеет беглой игрой на клавиатуре; овладеть ораторским искусством позволит только длительная и упорная тренировка речи и мышления.

Возможно, вы слышали о ком-либо из знакомых: он знает, но плохо выражает свои мысли.

Многие люди искренне убеждены, что не могут произносить речи. «Мне это не дано. Это дар, которого я лишен». И при этом произнесут небольшую речь о том, что не могут произносить речи. Какой парадокс! Кто может говорить, тот сможет овладеть искусством речи: важно знать основные правила и, конечно, потренироваться. Каждый вопрос, каждое предложение и каждая беседа -это речь в миниатюре. Почему же нельзя произнести более длинную речь, а также в присутствии слушателей? Предлагаемый учебник задуман как систематическое введение в современную риторику. Его назначение – помочь формированию навыков речи и ведению дискуссии; кратко, связно и в доступной форме раскрыть «железные» правила, доказавшие свою действенность в ораторской практике. Речь идет о наставлении не по художественному чтению, а по речевой практике, безразлично в какой жизненной сфере. Эта книга – в основном результат опыта и размышлений из педагогической, а также политической и повседневной жизни. Я также опрашивал всевозможные малые, средние и большие «умы» и был удивлен, что все они знали, что говорить на такую тему, как риторика.

Задача обучающегося ораторскому искусству – не в том, чтобы бегло пролистать эту книгу и ухватить несколько забавных примеров, а в ежедневных (!) по нескольку минут речевых упражнениях. Кто не готов тщательно и не торопясь прорабатывать важнейшие положения, предложенные в учебнике, не стоит и начинать. Жаждущим обучения новичкам эту нелегкую пищу рекомендую принимать в гомеопатических дозах, чтобы не страдать от духовного «нарушения пищеварения». Выполнять упражнения лучше всего вместе с друзьями. Тогда каждый контролирует другого и, кроме того, представляет публику.

Всегда что-нибудь получится, если добавить настойчивость и терпение.

Я благодарен за критические замечания и дополнения.

Однако подумаем о следующем: умение говорить не

предполагает говорить без умолку.

Именно сегодня, благодаря газетам и радио, а также эпидемии различных мероприятий в современной индустрии всевозможных контактов, мы переживаем *инфляцию слова.* Со словом надо обращаться осторожно и с чувством ответственности. Хороший оратор говорит меньше, зато лучше.

Слово не является ни добром, ни злом; оно может помочь, но может навредить или уничтожить.

«Слово должно быть мостом. Но может быть и стеной» – говорил Альбрехт Геэс.

При работе над этой книгой я соблюдал три принципа, на которые обращали внимание еще античные знатоки риторики: «docere, delectare, movere» – учить, радовать, побуждать.

Не каждый, кто проработает эту книгу, станет хорошим оратором, но надеюсь, будет в риторике сильнее, чем прежде.

Лилиенталь-Трупе близ Бремена
май 1962 *Хайнц Леммерман*

Предисловие к переработанному изданию (1986)

Этот учебник написан для школьников, для обучающихся самостоятельно и просто для заинтересованных лиц, то есть для представителей различных профессий и занятий, желающих освоить риторику. Предложенный учебник не научный трактат, не книга рецептов на все случаи риторики, – а своего рода полезный справочник, обеспечивающий «страховку» в практической риторике.

Эта книга хорошо принимается читателем уже около 24 лет и выдержала много изданий. Меня радует, что некоторые ее идеи и новые понятия вошли в специальную литературу.

Структура книги в значительной мере сохранена. В содержание внесены изменения и дополнения, продиктованные временем. При этом учтены итоги опыта, выводов науки и размышлений последних лет.

Сегодня важная сторона любой деятельности – дискуссии, дебаты и переговоры. Этот круг тем охвачен мной в книге «Школа дебатов. Статьи по диалогической риторике». Книга вышла в 1986 г. в издательстве «Олцог», задумана как дополнение к настоящей, как» Учебник, часть 2".

Что относится к речи, справедливо и для написанного: ни одна книга не является настолько хорошей, чтобы ее нельзя было улучшить. Поэтому я надеюсь и в дальнейшем на конструктивную критику.

От всего сердца благодарю мою жену Руфь, которая

отпечатала текст и критически его просмотрела.

Лилиенталь-Трупе близ Бремена май 1986 г.
Хайнц Леммерман

1. Вводные упражнения – вводные положения

1.1 Вводные упражнения

Если Вы полистали эту книгу или прочли ее по диагонали, сразу же начинайте упражнения в речи, всевозможные указания по которым даны в разделе 3 этой главы. Например, можно прочитать вслух короткие газетные статьи (перед воображаемыми слушателями) и сразу же пересказать их содержание собственными словами.

Разделы «Дыхание» и «Речь» можно освоить постепенно, в процессе изучения книги, потому что хорошее управление дыханием, четкое произношение и эффективное речевое мышление – фундамент свободной речи. Постоянная тренировка памяти также представляет огромную ценность для каждого оратора.

1.1.1 Дыхание

«Дыхание правит всем» (индийская пословица). Мы дышим от рождения до смерти. И это стоит того, чтобы делать правильно. Для поддержания жизни достаточно просто вдыхать и выдыхать. При вдохе мы набираем кислород и с его помощью создаем энергию. При выдохе мы выделяем вещества, вредные для организма. Гете так выразил чередование вдохов и выдохов:

> В дыхании есть два блага, без сомненья:
> То воздух полнит грудь, то выдох дарит облегченье;
> Что там – стесненное, здесь – свежесть и свободу обретает,
> Да, жизнь чудесное смешенье представляет.
> Будь благодарен Богу, если он тебя теснит,
> И благодарен будь, коль вновь освободит.

Вдохнутый воздух совершенно необходим для речи, пения, стонов и других жизненных проявлений. Легкие дышат не сами; скорее, они вентилируются благодаря движению дыхательный мышц.

Бесчисленные легочные альвеолы не могут быть активными, напротив, они зависят от мускулов, расположенных вокруг легких.

Наша задача не хватать воздух, а набирать его в легкие, и по возможности, именно через нос: тогда воздух нагревается и

фильтруется. При дыхании только через рот быстро пересыхает гортань – в результате осипший голос и воспаления дыхательных путей. Многие люди при вдохе размещают под своими ключицами лишь немного воздуха. Но мы используем нашу «воздуходувку» полностью, то есть мы предпочитаем «глубокое дыхание» (диафраг-менное или брюшное дыхание) и боковое дыхание. И не довольствуемся верхним дыханием, последствием которого могут быть спазмы, особенно при поднятом положении плеч. Вы дышите правильно, если брюшная стенка округляется, а бока растягиваются.

Используйте *глубокое дыхание,* по возможности дышите свежим воздухом (20 вдохов). Прежде всего выдыхайте и оставляйте внутри воздух в спокойном, тихом состоянии до очищения отдаленнейших уголков легких. Полезно представление о вдыхании аромата цветов.

Мы займемся дыхательными упражнениями при произнесении звуков «с», «ш» и «ф»; а позднее – при произнесении гласных и слогов. Произнося эти звуки, воздух выдыхают медленно или толчками.

Обходимся с дыханием экономно, большего достигаем при меньших затратах воздуха. (Не допускаем никакого «дикого воздуха», как это бывает у плохого флейтиста). Мы тренируем *«поддержку дыхания»:*

• Выговариваем каждое слово в предложении предельно медленно и протяжно.

• Говорим в нормальном темпе как можно дольше на одном дыхании.

Не радуйтесь, пока не произнесете предыдущую цитату из Гете на одном дыхании без труда.

Основное правило речевой практики: вдыхай воздух только тогда, когда по смыслу допускается пауза. При быстрой манере речи у нас время только для недолгой *передышки,* не допускающей *полного дыхания.*

Овладение навыками правильного дыхания – предпосылка хорошей, богатой оттенками речи. Мы часто слушаем ораторов, которые через 10 минут выступления задыхаются, будто поднялись на вершину Цугшпитце (в Альпах, примеч. перев.).

Управление дыханием еще больше, чем все другие проблемы речи, нуждается во внешнем контроле. Книга дает только общие рекомендации. С техникой дыхания и, соответственно, дыхательной гимнастикой советуем познакомиться, например, в народных университетах и принять участие в занятиях.

1.1.2 Речь

В последующих рассуждениях о речи вы встретите лишь необходимый арсенал средств оратора: указания по произношению и по особым источникам опасностей. Если у Вас относительно произношения трудности особого рода, то хорошо сделаете, если разберетесь во всем множестве упражнений по технике речи в книгах, приведенных в списке литературы.

Учебник типа настоящего хорошо дополняет, но никоим образом не заменяет курс техники речи и ораторского мастерства.

Оратор не актер и не декламатор. Поэтому от него не требуют художественного чтения. Но говорить отчетливо и осмысленно он обязан. Хорошим должно быть звучание голоса. Силу голоса, ударение, темп, тембр, резонирование настраивают в соответствии с имеющейся ситуацией, но прежде всего добиваются *плавности речи.* История знает ораторов, которые благодаря своей личности и дикции имели большой успех, хотя их речь звучала плохо. Например, у Бисмарка голос был писклив и полон астматических шумов. Казалось, что звуки, произносимые им, исходят из отверстия запонки для воротничка. Но это звучание не имело никакого значения. Побеждало отчетливое, звучное произношение.

При *артикуляции* основную работу выполняют язык и губы, поэтому движения их мускулов должны быть особенно четкими.

Речь облегчается тем, что по привычке губы всегда несколько выпячены. Челюсть же постоянно остается по возможности свободной, чтобы разгрузить шейные мускулы. Не подражайте жевательным движениям многих «говорящих щелкунчиков», вызывающим спазмы и утомление (помогает гимнастика языка – произносите звукосочетания «лалелилолу», «татетитоту» и др.). Упражняйтесь в произнесении всех речевых звуков от А до Я и контролируйте отчетливое произношение всех звуков. Гласные образуются при различных округлых положениях губ: **и-е-а-о-у;** в такой последовательности возрастает округление губ. При произнесении **и** и е часто формируют более плоское и широкое положение губ и затем издают звук вроде плачущего или сдавленного. При резком вступлении гласных звуков голосовые связки под действием потока воздуха внезапно размыкаются: так возникают гортанные звуки. Но мы обращаем внимание на мягкое вступление голоса, которое лучше достигается, если представим перед гласной звук х.

Согласные звуки должны быть четко отделены друг от друга. Слушатель должен воспринимать каждый слог, понимать каждое

слово ясно и точно. Небрежное смешение звуков (например, п-б, д-т) нередко ведет к непониманию. Особо следует сказать о необходимости разделения конечных и начальных согласных, если они одинаково звучат в словах, непосредственно следующих друг за другом (например, говорящий подразумевает «… und denkbar ware das» (и это было бы благодарностью), однако слушатель понимает: «… undenkbar ware das»(n это было бы неблагодарностью).

Следующие упражнения научат произносить *согласные:*

• Шепот необыкновенно увеличивает силу артикуляции. (Ученики нередко используют это упражнение для оказания помощи соседу по парте, попавшему в затруднительное положение.)

• Намеренно быстрая речь повышает беглость произношения при большом числе согласных. Для этой цели подходят скороговорки: «Тот, кто ничего не знает и знает, что он ничего не знает, знает больше, чем тот, кто ничего не знает, и не знает, что он ничего не знает» и др.).

Если различные согласные следуют непосредственно друг за другом, то язык и губы изменяют положение почти сразу. Если же этого не происходит или происходит слишком медленно, то возникает полный беспорядок, мы слышим так называемый «винегрет из согласных».

Чтобы голос был сильным, с хорошим резонирующим звучанием, произносим медленно предложения со многими подходящими носовыми согласными (м, н, нг), например: «Von dem Dome schwer und bang tbnt der Glocke Grabgesang»*.

• Хорошее упражнение для улучшения резонирующего звучания – *напев вполголоса.* Мелодию напевают отдельными звуками и в медленном темпе. Губы не сжимают, напротив, оставляют свободными. Даны указания по правильному произношению, которые легко выполнимы.

Основное *правило ударения* гласит**: корень легко подпадает под ударение; аффиксы обычно безударны, но не «проглатываются».

Мелодия предложения (изменение силы звучания) не остается неизменной, напротив, она ступенчато изменяется, как правило, повышаясь в начале и падая в конце предложения. Ударение – важнейший компонент предложения. Каждое предложение имеет только один пик ударения. Под пиком ударения не всегда подразумевается одно слово. В случаях, требующих особого выделения, подчеркиваются целые смысловые отрывки.

Ударение имеет в речи особое значение: изменение ударного

слова изменяет смысл всего предложения. Два примера: мы восклицаем: «Да это было бы еще *лучше!»,* Зло-иронично звучат эти слова, если мы сделаем другое ударение: «Да это было бы *еще* лучше!» Или «Я еду сегодня в Берлин». Это предложение может получать различное смысловое значение в зависимости от того, какое слово я выделю.

Например:

Я еду сегодня в Берлин (а не мой сын);

Я еду сегодня в Берлин (а не лечу);

Я еду *сегодня* в Берлин (а не завтра);

Я еду сегодня *в Берлин* (а не в Гамбург). Многие ораторы имеют обыкновение вновь и вновь делать ударение в конце предложения. Они выделяют последнее слово, повышая тон или растягивая слово по слогам, даже если это слово несущественно. Это неправильное ударение в большинстве случаев вызвано затруднением, возникающим из-за следующего предложения, которое еще не «вертится на языке».

Есть три способа обозначить ударение: 1. Повышение тона. 2. Усиление звучания голоса. 3. Замедление речи (медленный темп речи). Как правило, эти средства сочетают: если я говорю громче, то замедляю речь и повышаю звучание голоса.

Остерегаются отрывистой манеры речи (в экстремальных ситуациях агрессивного тона). Говорите всегда плавно, связно, не спеша, так, чтобы на слушателя воздействовали смысловые блоки слов. Если не встречаются особые пики ударения, то следуем естественному ритму речи. «Внутри предложения мы стремимся к упорядоченным изменениям, потому что структура нашего языка требует тяжелых и легких слогов… организованных подходящим образом, непринужденно, легко» (фон Эссен).

Без логической основы (иногда даже против всякой логики!), из чисто ритмической потребности.

Я уже говорил о том, что оратор обязан владеть ясной, выразительной речью, произносить предложения плавно, в спокойной манере. Предупреждаю, что не следует для упражнений брать за основу разновидность какой-нибудь парадной речи с выражениями, подлежащими удалению, подобно пустой породе.

Укажу пороки речи, которые, несомненно, мешают слушателю или вредят оратору:

• Слишком высока тональность речи! Утомление и повреждение голосовых связок не заставят себя ждать. Мы намеренно говорим более низким тоном, мы бережем наш голос.

• Сдавленный голос воспринимается как неестественный, из-за поспешного дыхания и сокращения шейных мускулов.

• Проглатывание конечных слогов.*

• «Звуки размышления»: мы могли бы их назвать «атавистическими звуками»: о-о-э и э-э и т. д. Известно, что даже выдающиеся ораторы не могли избавиться от атавистических звуков в течение, пожалуй, всей своей жизни.

Причина? У оратора «на языке» нет готового следующего предложения, но он полагает, чувствуя вину перед слушателями, что лучше «выдать» хоть что-нибудь, а это всего-навсего переходный мостик атавистического звука. Чаще всего замечают, что оратор «не на уровне», что у него множество атавистических «звуков размышления». В этом случае проблему может снять контроль с помощью магнитофона.

• Носовое или картавое звучание. (Знаменитый торговец предметами искусства Вол-лард встретил в обществе незнакомую даму. Она очень заметно «говорила в нос». Воллард спросил у своего соседа: «Не находите ли, что эта дама много выиграет, если ее труба будет звучать реже?» «Совершенно с Вами согласен, – отвечал сосед. – Я в течение 30 лет не могу к этому привыкнуть. Собственно, я ее муж») Мы слишком редко выясняем, какое впечатление производят на других наш голос и манера нашей речи. «То, что оскорбляет уши, не может проникнуть в душу человека», – сказал учитель римлян в риторике Квинтилиан. Остерегайтесь также *брызг изо рта* во время речи; как писал Вильгельм Буш: «Брызги с губ, глаза сверкают: «речь ему в охотку». Мокрой стала от слюны «шпионская» бородка».

• Для голоса вредны всякие чрезмерные восклицания, хмыкание и кашель.

Рычание более подходит иным зверям, нежели нам, людям. У некоторых ораторов из-за чрезмерного форсирования звука хриплый голос и звучит как шум при встряхивании коробки с канцелярскими кнопками, а у других слова звучат прерывисто, а между ними длинные паузы. Обращаем Ваше внимание, как важна для оратора *плавная речь,* ведь мы произносим взаимосвязанные слова, а не только слова в отдельности. Медики, специалисты по голосу и речи квалифицируют в научных трудах заикание как «спазматический невроз выражения». Установлено, что среди заикающихся гораздо больше мужчин, чем женщин, и процентная доля заикающихся возрастает к Западу: в Англии, например, эта доля больше, чем в Германии, в США больше, чем в Англии. Согласно оценке, чис- ло заикающихся в Северной Америке превышает 2 миллиона человек. Случайное заикание людей с неповрежденной речью объясняется мгновенным испугом и чувством незащищенности, заикание мо- жет быть преодолено с помощью частых речевых упражнений. Большинство названных

пороков речи может быть устранено только терпеливой работой, лучше всего под руководством педагога по речи (логопеда) или учителя пения. Если существенный порок не удается устранить таким образом, значит он обусловлен органическими причинами. В этом случае целесообразен визит к врачу-специалисту. «Сегодня ни один человек не откладывает визит к зубному врачу до тех пор, пока разрушатся зубы. Но с голосом обращаются в той или иной степени по-варварски» (Шмидт).

*Диалект **

В «Занимательном справочнике по немецкому языку» Ганс Райман собрал вместе и расположил в алфавитном порядке разнообразные причины, определяющие тип речи.

«Речь зависит от географической широты, губ, домашнего воспитания, друзей детства, ландшафта, неба, носа, окружения, питания, степени пространности изложения, школы, языка.» И далее: «Речь всегда окрашена, нестерильна, пронизана особенностями… У нас есть учебники для актеров и тех, кто хочет ими стать. Проповедуемый этими учебниками язык откосится к живому языку, как муляж к живому прототипу». Под этим мы можем податься целиком и полностью. Мы не хотим, чтобы речь была «дистиллированным продуктом стерильной сценической манеры выражения» (Килиан). Но понимаемый с трудом диалект должен быть отклонен так же, как и обезличенный, бесцветно-гладкий официальный язык. Употребление диалекта должно и может иметь право на жизнь, но ограничено правильным использованием и уместно, если хорошо понимается слушателями.

Если мы говорим на понимаемом с трудом диалекте, то остается только одно: с помощью упорных занятий устранить те особенности, которые мешают речевому контакту с людьми из других областей. Хороший оратор из Южного Бадена в большей степени использует диалект на своей родине, но может говорить и так, что его понимают немцы в области Нордшлезвиг. Некогда в Бонне северогерманский политик в высшей степени раздраженно прервал словесный поток одного значительного товарища по партии из Швабии: «Если Вы не прекратите выражаться на швабский манер и не начнете говорить на разумном литературном немецком языке». – И тут он взлелеял мысль о мщении – «denn so fangt wi an, platt to snacken, un denn schast du sehn: Du versteihst keen Wo-ort!»(dann fangen wir an, plattdeutsch zu reden, und dann wirst du sehen: Du verstehst kein Wort! – тогда мы начнем говорить на нижненемецком диалекте и увидишь: не поймешь ни единого слова!).

Ораторам желательно добиваться понимания. Буш описал в

«Повествователе Клякселе» это следующим образом:

Как весело из шлюза рта, бывает,
Парусники мыслей выплывают,
При попутном ветре добром
Правят вдаль по гулким волнам
К головам людей, к гаваням ушей,
(Хоть порою, сидя в ряд, эти люди… крепко спят).

1.1.3 Упражнение в речи

«Легкая и трудная победа: один добивается шутя, другой – напряженным трудом, нажимая так, что у него голова раскалывается», – повторим мы вслед за Вильгельмом Бушем. Так же обстоит дело и с речью: то, что одному дается тяжело, другому легко. Старое изречение гласит: «Poeta nascitur, orator fit(Поэтом рождаются, оратором становятся»). До известной степени ораторское искусство можно постичь самостоятельно. Лучше всего, если упражнения в речи проводят в кругу друзей или слушателей одного курса; в этом случае возможны взаимоконтроль и взаимопомощь. Уже Квинтилиан (примерно 30-96 г. н. э.) заметил, что ораторское искусство требует напряженной работы, необыкновенного усердия, разнообразных упражнений, богатого опыта, высокого ума и современного мышления.

Систематические упражнения по формированию речи должны выполняться достаточно долго, например – каждую неделю в течение полугода.

Ниже я обобщил десять основных положений, которые, как показал опыт, приводят к свободному выражению мысли. Дело в разумном поэтапном продвижении к заданной цели, начиная с простых упражнений и постепенно расширяя сферу речевых навыков. Каждое из этих обязательных упражнений нужно выполнять минимум двадцать или тридцать раз.

1. Чтение текста.

Громко читайте вслух (например, газетную статью), бросая время от времени взгляды на воображаемых слушателей. Добивайтесь **с** помощью контакта глаз с воображаемой публикой ощущения свободной речи. При этом Вы систематически мгновенно читаете, забегая вперед, небольшие отрывки и сохраняете их в памяти. Это лучшее упражнение для подготовки речевого мышления, при котором мысли немного опережают слова.

2. Передача смысла.

Прочтите отрывок, содержащий примерно от двух до пяти

предложений и затем перескажите его, а именно:

• по возможности дословно (старайтесь запомнить детали!) или

собственными словами (самостоятельно формируйте речь).

3. **Речевое мышление.**

К свободной речи приводит ни чтение статей, ни заучивание их наизусть, а лишь постоянное упражнение по формированию речи на основе конспекта *ключевых слов* и речевого мышления.

Термином «речевое мышление» мы обозначаем тесную связь мышления и речи: мышление во время речи и речь во время мышления. Практически это означает, что существенная часть замысла (его мысленная опора) представлена с помощью ключевого слова или ряда ключевых слов (ключевое предложение).

Ключевое слово дает мне мыслительный импульс, и это побуждает меня раскрыть мысль формируя речь.

Поясним это на примере: Демосфен – величайший оратор древности,требовал от греческих племен, чтобы они были едины в борьбе против царя Филиппа.

Это предложение с помощью ключевых слов можно было бы представить так: Демосфен – величайший оратор древности – требовал от греческих племен единства против царя Филиппа. Эти ключевые слова являются каркасом, вокруг которого группируются остальные слова.

Упражнения для ораторов в речевом мышлении заключаются в том, чтобы вновь и вновь выявлять ключевые слова.

Швайнсберг говорит «о свободной подвижности вокруг неподвижных точек».

Перефразирование слов, сопряженных с ключевыми, можно выполнить, например, так: Демосфен, как известно, был величайшим оратором Древней Греции. Вновь и вновь призывал он греческие племена быть едиными, потому что только так они могли выстоять в борьбе против царя Филиппа. Или: Величайший оратор древности Демосфен вновь и вновь требовал от греческих племен: «Будьте едины, если вы начинаете великую борьбу против могущественного царя Филлиппа».

Вообще много возможностей для оформления этого небольшого каркаса, если пользоваться концепцией ключевых слов. Оратор не цепляется намертво за имеющуюся фразу, напротив, он ту же самую мысль формулирует опять и опять, но по-новому. Оратор, пока говорит, уже успевает пробежать глазами следующее ближайшее ключевое слово и за короткое время запомнить его. «Следующее предложение может быть для предшествующего «милее брата». Следующее предложение всегда

является проблемой текущей минуты» (Науман).

Описанное третье основное положение создает предпосылку для дальнейшей работы. Эту работу можно проводить не очень часто. Эффективно дополнительное упражнение – оно состоит в следующем: начало предложения записывают, а затем заканчивают в свободной словесной форме.

Здесь я хочу заметить, что громкая речь имеет большое значение для уяснения наших представлений. Всем ораторам рекомендуем читать сочинение немецкого писателя Генриха фон Клейста (1777 – 1811) «О постепенной подготовке мыслей во время речи». Клейст преобразует французскую поговорку «l'appetit vient en man-geant» (Аппетит приходит во время еды) в «l'idee vient en parlant» (Мысли приходят во время речи). (Сочинение Клейста является ключевым для главы о подготовке документа к записи, см. 2. 2. 2).

Мы усиливаем наши языковые возможности также с помощью определения (дефиниции) понятий.

Дефиниция определяет понятия, вырабатывает стиль сражения, сочетающий широкий охват с выразитель- *у* стью. (Что такое: дом – государство – демократия и т. например, что такое глобус? Глобус – это вращающий- полый шар, раскрашенный в разные цвета; с помощью градусов широты и долготы дает наглядное представление о земной поверхности).

Определение *дефиниции* дает Генрих Лансберг, когда пишет: «Дефиниция есть перифраза (описание) значения слова с целью отграничения объема значения этого слова от возможных синонимов (похожих слов).» Упражне- ние в разработке определений очень важно для оратора. Он должен уметь быстро и точно постигать суть явления, предмета, если в дискуссии ему будет предложено дать разъяснение какого-нибудь предмета или слова (например: что, собственно, Вы понимаете под конъюнктурой?) Это совсем не так легко, как полагают. Тот, например, кто определит человека как «бесперое двуногое», уловит только часть сущности, но не суть человека. Этим определением он уподобит человека ощипанной курице, кенгуру и мыши, прыгающей в горшке.

Умение определить и выразить суть явления – цель обучения риторике.

4. Рассказ

Попытайтесь образно, увлекательно рассказать о всевозможных случаях, анекдоты, короткие истории, путевые заметки и т. д.

Возьмите, например, рассказы Германа Гесса (в сборнике «Авторский вечер») и другие произведения малых форм.

Превосходно подходят сюжеты Лессинга. Не успокаивайтесь, пока действительно не воспроизведете фабулу.

Хорошее упражнение на концентрацию внимания: сделайте обзор дня. Расскажите в течение пяти минут о наиболее существенных итогах Вашего дня. При этом обратите внимание на спокойную, плавную манеру речи.

Для рассказа о прошедших событиях Эдгар Нейс дает несколько обобщающих указаний, которые заслуживают нашего внимания:

• В рассказах о прошлом рассказчик исходит из пережитого им самим.

• Рассказывать следует свежо, непринужденно и естественно.

• При этом рассказчик использует разговорную лексику.

• Чаще всего рассказ ведется в прошедшем времени, лишь в острых ситуациях рассказчик выбирает настоящее время.

• Рассказчик обращается непосредственно к своим слушателям.

• Если рассказ длинный, рассказчик мысленно разработает каркас плана, благодаря которому упорядочит свои мысли, придаст повествованию направление и цель. При этом рассказчик обращает внимание на начало, которое должно возбудить в слушателе напряжение, на кульминационный пункт, в котором напряжение достигает наивысшей точки, и на окончание, позволяющее слушателю ослабить напряжение.

• Естественно, рассказчику необходимо хорошо знать содержание рассказа. Но в момент выступления у него наготове собственные устные формулировки этого содержания. Если же во время выступления оратору придут новые мысли, они тут же воплощаются в слова. Но эта размышляющая речь, конечно, предполагает определенную зрелость оратора и технический опыт.

• На небольшие перерывы и помехи речи, возникающие во время выступления, лучше всего не обращать внимания; выступающий делает вид, будто это естественные паузы; слушатели, заметив их, в большинстве случаев не различают, пауза это или неожиданная заминка. Позднее позаботьтесь об устранении этих помех. В век изобилия образов и слов на радио и телевидении почти исчезло искусство рассказа. Однако намечается определенный «ренессанс» в этой области, многие люди стали с очевидной симпатией относиться к этой личной, а зачастую интимной форме общения.

5. Деловое сообщение

Готовим извлечение из газетной статьи в виде ключевых слов и воспроизводим собственными словами с помощью конспекта

ключевых слов содержание статьи (перефразирование), лучше всего многократно с различным словесным оформлением.

Заключительные упражнения:

• Сокращаем статью (сжато вплоть до одного предложения!).

• Расширяем статью, добавляя собственное мнение.

Следует стремиться к плавной речи, но что называется не «чересчур отшлифованной». Случайные (!) остановки, случайные (!) повороты вовсе не искажают правильного выражения, но речь приобретает определенную выразительность и жизненность. Английский министр Антони Идеи во время речи никогда не допускал остановок. Его речи всегда были бесподобно аккуратными, но также и бесподобно холодными, как сообщает граф Пюклер (газета Deutsche Allgemeine Zeitung, 24 июля 1938).

Но речи Черчилля или Болдуина, произнесенные далеко не так гладко, волновали и увлекали слушателей.

Если Вам удается с помощью конспекта ключевых слов произнести десяток предложений в «полусвободной» речи при ее спокойном, равномерном течении, у Вас определенно прогресс. Обращаем внимание, чтобы предложения произносились до самого конца без их перестройки, без растягивания частей предложения и без пауз Для размышления. Многие ораторы не обеспечивают правильного течения речи. Они сжимают отдельные части предложения в блоках слов (произносимых быстро) и делают между ними неоправданные паузы.

¦ *Вновь и вновь упражняйтесь в произнесении речей экспромтом.*

Рассмотрите картину, опишите событие, изображенное на ней. Внимательно разглядите детали и их взаимосвязи. Выразительно расскажите о представленных в картине образах, дайте меткие сравнения.

Рекомендуем проработать раздел о подготовке, построении и произнесении речи. Много указаний дает подраздел о стиле речи, средствах выражения, о вступлении, заключении и помехах речи. Указания быть могут учтены уже в настоящий момент.

6. **Речь, выражающая точку зрения**

Сделайте сообщение длительностью от трех до пяти минут на строго определенную тему: профессиональная цель, хобби и т. д.; вначале используйте ключевые слова, а заключение совершенно свободное. Если нет слушателей, Вы их себе представьте. Повторите эту миниатюрную речь в различных вариантах: один раз вслух, один раз про себя. Определите Вашу точку зрения на содержание передовой статьи в газете: соответствует ли она истине? Или Вы придерживаетесь другого мнения? Дополните приведенные факты, свяжите с другими фактами, сформулируйте

Ваш взгляд на проблему и обоснуйте его. Если тема содержит трудные вопросы, поговорите об этом с друзьями; это очень часто приводит к пониманию и углублению прочитанного. Остерегайтесь желать, чтобы это первое упражнение в речи прошло блестяще. Наша цель – не красивые обороты речи. Мы обращаем внимание на спокойное, плавное течение речи. Однажды начатое предложение доводите до конца, даже если вкралась грамматическая ошибка. Пробуйте Вашу речь снова и снова, подвергая ее как самоконтролю, так и контролю со стороны. Контроль с помощью магнитофона убережет Вас от возможных насмешек.

Постоянно расширяйте свой словарный запас. Поэтому собирайте (в картотеке) подходящие слова и выражения, которые услышали или прочли (найденные по необходимости в словаре). Мы берем на заметку выражения, близкие по смыслу. (Не все из найденного обязательно должно быть «первосортно».)

Словарный запас помогает в работе: разнообразит речь, с его помощью мы преодолеваем принятый сегодня шаблонный язык и стандартные выражения.

Прусский фельдмаршал Шверин (1648 – 1757) имел обыкновение предлагать своим офицерам следующее упражнение в речи, которому можно последовать и сегодня: каждый записывал тему короткой речи, записки бросали в каску. Через минуту каждый импровизировал на тему, которую вытянул. Шверин говорил, что офицер должен быстро действовать, быстро и точно говорить, объяснять и отдавать приказы. Это упражнение совершенствует живость ума, находчивость, способность к выразительной речи и концентрации внимания.

7. **Изучение речей ораторов**

Постоянно изучайте характерные особенности речи ораторов: во время докладов, произнесения проповедей, проведения дискуссий, радиопередач и т. д.

Каждую речь мы обсуждаем с двух точек зрения:

• *Что сказано:* содержание, план, логика, образность, стиль и др; см. последующие пункты.

• *Как сказано:* главные характеристики речи (сила голоса, высота тембра, ударение, темп, плавность, артикуляция, жестикуляция и др.).

8. Анализ речи

Напечатанная речь соотносится с произнесенной так же, как консервы со свежим продуктом, и все-таки текст может многому научить (структуре, композиции, стилю и т. д.). Для изучения рекомендуются произносимые повседневно, а также научные доклады и речи парламентариев с выражением их мнений.

Анализируйте эти речи с помощью средств риторики, которые приведены в главе «Структура речи». Многие из этих средств Вы можете со временем включить в Ваш индивидуальный стиль.

9. Дискуссии

После некоторой подготовки наступает время речевой практики, прежде всего в кругу друзей и знакомых, а позднее и перед общественностью. Кто учится плавать, не обойдется без упражнений на земле; в конце концов, овладев основными приемами, он войдет в воду. Кто хочет овладеть ораторским искусством, тоже не обойдется теоретическими разъяснениями: придется учиться говорить и дискутировать. Надо, подобно плаванию, постепенно овладевать свободной речью: сначала в дружеском кругу или в клубе по интересам, а затем и на заседаниях. В первое время можно ограничиться короткими вопросами, но позже следует принимать участие в дискуссии. Если однажды и не получится, спокойно все взвесьте, обязательно участвуйте вновь, не волнуйтесь. У многих при первом общественном выступлении «душа уходила в пятки» (см. гл. 4, 3, 6 «Помехи произнесению речи»).

10. Речь

Теперь можно перейти к докладу. Вы хорошо сделаете, выбрав для начала именно ту область, которой достаточно овладели. Если проработаете следующий раздел этой книги, Вы получите в свое распоряжение арсенал средств, необходимых для такой большой речи.

В качестве *упражнения* для деловых сообщений выбрана тема, для которой основным материалом служат статистические данные. Мы заимствовали эти сведения из ежегодника **ООН,** по данным которого годовой прирост населения в период 1958-1963 гг. в различных регионах мира составлял:

Центральная Америка 2, 9%
Южная Америка 2, 8%
Азия 2, 3%
Океания 2,2%
Африка 2,0%
США 1,7%
СССР 1,7%
Европа 0,9%
ФРГ 1,3%

Задание. Подготовьте на основе этих данных деловое сообщение на тему: *«Мировой демографический взрыв в 60-е годы.»* (Рекомендуется сначала эту задачу выполнить совершенно

самостоятельно, без проработки приведенных ниже предложений и рекомендаций.) Разработайте по данной теме конспект ключевых слов и изложите Ваше сообщение. После этого прочтите, пожалуйста, последующие строки и проверьте, есть ли в них рекомендации, способные привести к улучшению сообщения. Надо убедительно показать слушателям значение и различные аспекты увеличения народонаселения. Некоторые выводы из приведенных цифровых данных:

• Маленькое открытие: наибольший процент прироста населения не в Азии и Африке, а в Центральной и Южной Америке.

• Правда, последствия прироста наиболее сказываются в многонаселенной Азии.

• Латинская Америка, Азия, Африка далеко оторвались от Европы, там приросте 3 раза больше.

• Сверхдержавы США и СССР находятся на одном уровне.

• В настоящее время прирост в Европе, в ФРГ превышает средний уровень.

Общий вывод: преобладающий рост цветного населения.

Европа вскоре окажется «на грани». Проблемы: регулирование рождаемости, дефицит продуктов питания, индустриализация, новые могущественные факторы влияния на прирост населения. (Здесь я показал лишь некоторые. Теперь попытаемся извлечь информацию, проанализировав структуру населения, причины различного прироста и т. д., чтобы основательнее развить комплекс проблем темы «Прирост населения». Но удовлетворимся представленным материалом, ведь мы ни в коей мере не стремимся отразить сегодняшнюю ситуацию, наша задача – дать полезный материал для упражнений.).

Сообщение, конечно, не будет настолько впечатляющим, чтобы приводимые в нем данные остались в памяти слушателя и побудили к размышлениям, если представленные цифры просто облечь в слова. Мы спрашиваем себя, какие риторические средства можно предложить, чтобы совокупность сведений предстала наглядно и пластично. (Сравни с главой 2. «Техника подготовки»). Возможно, достаточно соблюдать принцип: надо что-то показать, и мы дополняем выступление картой мира. Пользуясь этим методом, можно наглядно показать:

• Каково увеличение численности населения в названных регионах.

• Что разница в приросте существует не только в направлении Восток – Запад, но что этот демографический фактор в постоянно возрастающей мере действует в направлении Север – Юг (на юге

прирост населения больше).

Если нет под рукой карты мира, может помочь график (глава 4. 3. 10 «Наглядные вспомогательные средства»).

1.7 0,9 1,7

США Европа СССР

2.8 2,0 2,3

Лат. Америка Африка Азия

Всегда есть возможность небольшого сообщения к докладу (глава 3.3.1 «Вступление»).

• *«Прямая» техника.* Сразу вводит в суть дела, например: Ежегодник ООН за 1963 г. дает нам интересные данные о приросте населения во всех регионах мира. Исследования относятся к 1958-1963 гг., т. е. ко времени примерно на четверть века назад. Такое начало возможно, однако.слишком сухо и малопривлекательно. При таком способе воздействия у слушателя нет особой причины вслушиваться; он не переведен в состояние напряженного внимания. *Техника действий начинающих по подготовке вступления.* Я размышляю, как уже во вступлении сухие цифры процентов облечь «в плоть и кровь». Я ставлю себя на место слушателя. Цифры процентов ему говорят еще очень немного. Но можно повысить действенность с помощью наглядного примера, связанного с представлениями и жизнью слушателя. Что означает годовой прирост населения, составляющий 1,3%, для Федеративной Республики? Округляя, получаем по меньшей мере более 600 000 жителей в год! Напрашивается сравнение: в Федеративной Республике это означает прибавление города такой величины, как Ганновер или Бремен. Это, кажется, много. Однако в Китае ежегодный прирост числа жителей примерно равен населению ГДР*! За 20 лет Китай, по осторожной оценке, вырастет на величину, равную 20-кратному увеличению ГДР! Эти или подобные сравнения использует начинающий, чтобы дать слушателю наглядное представление о порядке величин и одновременно раскрыть идею проблемы, которая связана с демографическим взрывом.

Техника побуждения к размышлению. Можно начать с неожиданного вопроса или утверждения. Например, «Дамы и господа, я думаю, Вы будете поражены, когда я Вам предложу статистические данные ООН прироста населения по регионам мира. Как

Вы полагаете, где прирост населения больше всего? Вероятно,

Вы полагаете, как и я: в Азии или в Африке. Большая ошибка: это Центральная Америка…» и т. д.

Я бы в этом случае решился на сочетание побуждающих к размышлению мотивов. Рекомендуется на основе приводимых фактов идти к решению обсуждаемой проблемы (дефицит питания, регулирование рождаемости и т. д.). По мере надобности можно также привлекать новейшие данные ООН и делать соответствующие сравнения. Если личное мнение добавляется к деловому сообщению или фигурирует в докладе, то мы констатируем *переход от делового сообщения к речи с выражением мнения.* Принято тщательно подчеркивать, что является сообщением и что мнением или личной интерпретацией.

Конспект из ключевых слов для сжатого представления темы (с помощью карты мира или графика) мог бы выглядеть следующим образом:

(введение):

ФРГ в то время – ежегодно Ганновер или Бремен (1,3%).

Китай – ежегодно – прирастает одна ГДР.

(главная часть):

Ежегодник ООН – 1958-1963 гг.

Неожиданность:

Центральная Америка 2,9% – Южная Америка 2,8%.

Следует: Азия 2,3%, Океания 2,2%, Африка 2,0%.

Последствия – Китай, Индия.

Сравнение: Бразилия – Китай, примерно одинаковые по размеру регионы. Китай – население в 10 раз больше (см. Советский энциклопедический словарь). Показ и сравнение: южная ось Латинская Америка – Африка – Азия.

Северная ось: США 1,7% – Европа 0,9% – СССР 1,7%.

Сверхдержавы на одном уровне.

О Европе:

Проблема: перевес цветного населения.

Напряжение не только по оси Восток – Запад.

Напряжение по оси Север – Юг

(заключение):

Круг проблем.

Регулирование рождаемости.

Обеспечение питанием.

Помощь в развитии.

Индустриализация.

(Возможно: сравнение с сегодняшними данными учета). (Чтобы «обезопасить себя», формулируем заключительное предложение, чаще всего буквально перед выступлением): решить многообразные проблемы демографического взрыва мирным и

справедливым путями – вот что будет в предстоящие десятилетия важнейшей задачей для всех народов.

Хотелось бы, чтобы в дальнейшем материалом для упражнений послужило задание из ключевых слов: Расчеты немецкого Совета городов (1986 г.): число жителей ФРГ до 2000 г. примерно на одном уровне, затем быстро сокращается; в 2030 г. оно составит всего лишь около 45,7 млн. человек. Растущее число престарелых – падение рождаемости. Динамика изменения: 1950 – 1973 гг. с 50,8 до 62,1 млн.

1985 г.-61,1 млн.

2000 г.- предположительно 59 млн.

Миграция жителей из городов. В больших городах 10 лет назад цифра составляла 35,5%, сегодня – 32,8%. В будущем увеличится число занятых домашним хозяйством: сегодня это 25 млн., через 15 лет – около 27 млн. человек. г

Растет потребность в небольших квартирах:

1985 г.-24% для лиц до 20 лет

2030 г. – 17% для лиц до 20 лет

1985 г. – 20% для лиц старше 60 лет

2030 г. – 33% для лиц старше 60 лет. С помощью этого скупого перечня данных, образующий каркас выступления, можно, используя средства риторики, сформулировать впечатляющее деловое сообщение.

1.1.4 Тренировка памяти

«Память – сокровищница красноречия», – писал Квинтилиан, обобщивший в двенадцати книгах своего труда «Institutio oratoria» (Формирование красноречия) все лучшее, что создано античной риторикой.

¦ *Поэтому совет: каждый, желающий стать оратором, должен тренировать свою память. Возьмите за правило ежедневно выполнять определенное задание: заучивать стихотворение или газетную статью, и т. д.*

Не требуется походить на Цезаря, который знал каждого солдата по имени, а также Фокса, английского государственного секретаря, который сказал, что сможет на память воспроизвести Библию, если вдруг утратятся все ее экземпляры. Вольфрам фон Эшенбах знал наизусть 80000 стихов своего Парсифаля. Современному оратору не нужно заучивать книги или быть ходячей энциклопедией, но очень полезно, если у него будет хорошая память и с ее помощью в его распоряжении нужные знания. Прежде всего он должен обладать памятью, которую наука называет *направленной.* Факты, цитаты, со-бственные мысли

и т. д. можно, не откладывая, записывать, разгружая при этом свою память. Но вопросы типа следующих относятся к способности направленной памяти: Где я найду специальную литературу? Где я слышал такое же утверждение? Какого мнения был Майер три года назад? и т. д. Для дискуссии и переговоров хорошо функционирующая память еще более необходима, чем для выступления. В этой ситуации нужно уметь мгновенно черпать из запасника. Знание современного состояния дел, деталей и взаимосвязей часто решают вопрос в Вашу пользу. Уинстон Черчилль подал в отставку, когда не смог вспомнить повестки дня последнего заседания кабинета министров. Он полагал, что правительство Великобритании не может возглавлять человек с нарушенной памятью. Благодаря средствам массовой информации мы прямо-таки захлебываемся этой информацией. Это приводит к торможению процесса ее переработки разумом. Сплошь и рядом мы замечаем лишь лежащее на поверхности. Кто в состоянии в конце «дневного обозрения» хотя бы назвать все важнейшие сообщения? Емкость нашей памяти ограничена, но мы также очень редко используем память систематически. «Все жалуются на свою память, однако, никто не жалуется на свой разум», – ехидно заметил Ларошфуко. Сегодня мы слишком пренебрегаем укреплением памяти, даже в школе.

Иные педагоги высокомерно относятся к так называемому «тупому заучиванию наизусть.» Настоящая тренировка памяти ни в коей мере не является *механической зубрежкой,* осуждаемой с полным правом. «В высшей степени примечательно, – сказал исследователь памяти Мюллер-Фрайенфельс, – большинство людей так неохотно соглашается с тем, что у них слаб разум, и так уверенно говорят о своей плохой памяти.» Да, они оправдывают даже недостаточный интеллект и многое другое своей плохой памятью.

С памятью обращаются так, будто она не принадлежит ему самому. Память – особый дар, обладание которым желательно, однако сам человек не отвечает за его недостаток.

Говорят, механическое заучивание наизусть – не продуманное освоение материала и слабо закрепляется на поверхности памяти.

Как же подчинить себе память? Опыт показывает, что укрепление памяти достигается прежде всего комплексным воздействием трех составляющих:

• концентрации (повышения способности к восприятию);
• создания ассоциаций (мостиков памяти);
• повторения.

Концентрация обусловлена тремя факторами:

• степенью интереса и способностью к концентрации; побочными соображениями;

• способностью отключаться от окружающих событий.

«Хорошую память имеет тот, кто способен сконцентрироваться и дать время впечатлениям, которые он полагает драгоценными, пустить корни в душу» (Мюллер-Фрайенфельс).

Степень симпатии к оратору – предмет обоюдного решения. Тот, кто занимается делом с радостью, запоминает легче. Разве не наблюдают у людей с *мнимо плохой памятью* проявление необычайно крепкой памяти, когда речь идет о слабостях ближних? Промахи других они помнят спустя десятилетия, как будто все случилось только сегодня. Отсюда вывод: что действительно интересно, легко запоминается. При недостаточном интересе прилагается больше усилий, чтобы сконцентрироваться.

Но для оратора важна *короткая память.* Термином *кратковременная оперативная память* в кибернетике называют способность человеческого мозга сохранять информацию в течение короткого времени. Эта кратковременная память важна, например, чтобы оратор во время речи, пробежав глазами ближайшие ключевые слова, сумел их запомнить и затем при «контакте глаз» со слушателями развить в формулировки. Каждому нужно установить, какой вид упражнений подходит ему лучше всего.

Один обладает моторной памятью, как Наполеон, человек, возможно, с наилучшей в свое время памятью на имена: он трижды записывал каждое новое имя, выбрасывал записку и помнил это имя. Человеку, настроенному на акустическую память, рекомендуется заучивать вслух: ему нужно слышать то, что он учит. Опорой памяти для людей, настроенных на визуальное восприятие, служит, например, обдуманное расположение ключевых слов (подчеркивание, раскрашивание, а также рисунки, усиление памяти с помощью схем).

Прежде всего решите, к какому типу Вы можете отнести себя; настойчиво и не жалея времени рассмотрите и обдумайте, что хотите выучить. У «плохой памяти» часто лишь одна причина: поверхностное, небрежное знакомство с материалом для заучивания. Лучше по мере надобности выучить меньше, но это малое выучить основательно.

«Наш разум есть ничто иное, как ассоциативная машина», – сказал однажды американский психолог Джеймс. Вывод для оратора: создавайте себе «мостики памяти». Установив ход своих мыслей, запомните ассоциативно ключевые слова и ключевые

предложения с помощью образных связей (психологический закон локальной ассоциации): соедините, например, каждое ключевое слово с какой-либо яркой приметой отрезка пути (отель, почта, вокзал, мост, школа, памятник и т. д.). Это простейшая форма «мостика памяти». Всегда решающее значение имеет присоединение заучиваемого материала к глубоко закрепленному в памяти. Память действует лучше всего, если новые факты удается соединить с личными чувствами, т. е. каким-либо образом способствовать развитию ощущения (Барток умер в США). Год смерти композитора (1945) запоминается легче, если заметить, что это год окончания войны (это твердое знание!). Барток эмигрировал как противник фашизма и из-за тягот военного времени в Европе (инициация ощущения).

Вряд ли что-нибудь забывается целиком! «Следы» остаются от всего выученного. Собственно, следует говорить не *как мне запомнить,* а *как мне не забыть.*

«Die Wiederholung» – повторение (так называется то, что, пропав однажды, «wieder» – снова «holen» – приносится – на свое место).

Повторение необходимо как средство, обеспечивающее запоминание, но оно не должно применяться механически. Три практических совета.

• *Чтение вслух способствует лучшему усвоению мате-\ риала* (т. к. соединяет зрение и слух). Для повторения возьмите по мере надобности лишь небольшую часть материала, но такую, которую Вам нужно основательно запомнить.

• *При повторении делайте перерывы* (созидательные перерывы). Намного эффективнее заучивать материал в течение двух дней по часу в день, чем в течение двух часов в один день, потому что во время перерыва между занятиями подсознание продолжает закрепление материала в памяти. Экспериментальная психология (по Эббингхаузу и др.) показала, что часть заучиваемого материала забывается очень быстро, но затем забывание идет медленнее. Вывод: повторение начинайте раньше. И подумайте еще об одном: «Многие люди имеют плохую память только от того, что загружают свою память информа- цией в неподходящее время, когда утомлены» (Мюллер- Фрайенфельс).

• *Наряду с простым* ***повторением*** *важно повторение* ***комбинированное.*** Совокупность деталей плохо запоминается, гораздо лучше помнятся знания, которые объединяются новыми и новыми связями. Мы связываем различные предметные области между собой всюду, где они соприкасаются.

Что нужно оратору в отношении памяти? Конечно, не

дословно заучивать всю речь (самое большее – начало и конец), но хорошо помнить основу, составленную из ключевых слов, и подробнейшим образом – причинные связи и контуры замысла. Если речь тупо заучена наизусть, то постоянно грозит опасность, что даже небольшое волнение оборвет нить рассказа. Кроме того, гладкую речь не прорвут острые мысли, благодаря которым речь – событие дня.

Тайна человеческой памяти еще не раскрыта. Многое неясно относительно центра памяти, ее сохранения и феномена забывания. Софист Горгий обещал Периклу, что научит его искусству запоминания. Но тот ответил, что больше желал бы овладеть другим искусством: забывать то, что не хочешь помнить». И об этом (часто таком необходимом!) искусстве Горгий знал так же мало, как и мы сегодня.

1.2 Предварительные положения *1.2.1 Главное о речи*

Речь является выражением наших мыслей, чувств **и** желаний. С помощью речи человек контактирует с другими людьми, выбираясь из глухого одиночества. Каждая речь обращена к разуму, чувству и желанию слушателей.

«Речь – воплощенное в слове действие воли. Разум ‹ дает мышлению ясность и остроту, чувство увлекает во- одушевлением и в сочетании с волей вызывает действие, і подобное вызванному внушением» (Веллер).

«Речь есть творческое выражение, зависимое от реальной личности и надличностного содержания» (Дессуар).

«Речь, с точки зрения содержания, является подготовленной и разделенной на части, но перед слушателями предстает свободно сформированным устным сообщением» (Веллер).

Безусловной предпосылкой публичного выступления является полное овладение речевым материалом. Уметь хорошо говорить – это достигать речевыми средствами поставленной цели. Основная проблема риторики: как эффективнее высказать мысли? Каждая речь в своей основе имеет лишь выбор фактов и мыслей, которые приведут к определенному итогу.

Талейран, как обычно, попал в точку, сказав, что хорошо говорить – это сказать то, что необходимо; сказать только то, что необходимо; сказать это безошибочно и вовремя.

«Невозможно слишком много размышлять о речи. Она, как ничто другое, доказала, что в жизни человека является могучей силой» (Дессуар). К примеру, полагают, что не только великие революции, но и многие религиозные движения начинались с речи. В государствах с парламентской формой правления речи и дискуссии имеют особенно большое значение. «Парламентское государственное правление представляет тот вид правления, при

котором речь является двигателем и важнейшей формой управляющей деятельности. «Парламентское правление есть Government by talking (управление с помощью обсуждения): так кратко и внятно выразил это один английский политик» (Йозеф Редлих). В парламенте, если проблемы не подвергаются *серьезному обсуждению,* партии опускаются до механического кивания головами по фракциям. Демократический парламент в этом случае рискует стать машиной для принятия решений, определенных волей одного человека или небольшой группы людей.

Воздействие речи важно не только в высоких политических сферах, но и в жизни каждого человека. Кто может говорить предметно, энергично и убедительно, у. того ключ к плодотворному человеческому общению, а также к профессиональному успеху. Часто достаточно-самостоятельно рассмотреть простые основы риторики, чтобы понять и исправить недостатки своей речи. Наша речь, например, не имеет хорошей структуры, произносится монотонно, неубедительна, суха и скучна.

Только речь выделяет человека среди других живых существ, определил еще Лютер: «Животные превосходят человека иными способностями, некоторые зрением, не-

которые слухом, некоторые обонянием, но ни одно из них не обладает способностью говорить».

1.2.2 Ответственность оратора – опасности риторики

Искусство речи может служить добру, злу; истине, и лжи. Дар речи – опасное оружие, которым, к сожалению, злоупотребляют. По сути есть лишь три способа добиться чего-либо от другого человека: принудить, уговорить и убедить. Как правило, законен лишь последний способ.

При всем техническом совершенстве любая настоящая речь требует этической предпосылки, – сознательной ответственности говорящего. Суть любой речи-*в ее функциональном назначении: служить людям.* Никому не позволено думать, что его речь всегда и полностью удовлетворяет этому условию. И тот, кто пренебрегает таким условием, становится демагогом, и никогда не будет оратором в подлинном смысле.

В античные времена, а также в позднее время в риторической традиции существовал идеал vir-bonus (добродетельного мужа), который требовал От оратора таких качеств, как порядочность, высокая нравственность, правдивость и добродетель. Предпосылкой хорошей, убедительной речи является выступление добропорядочного, высоконравственного человека, – считают Герт Уединг и Бернд Штейнбринк в своей книге «Основы

риторики», 1986. с. 184)*, разработанной на основе данных науки и в значительной степени базирующейся на положениях античной риторики. Не является ли это представление идеальным, не всегда согласованным с теорией, тем более с реальностью в риторике? Слова «добропорядочный, поступающий нравственно человек» понимаются в разные времена, разными людьми совершенно по-разному, и иные ученые античных времен, ни в коем случае не являются, безусловно, порядочными с нашей точки зрения.

Даже в античные времена ораторское искусство не считалось бесспорно порядочным. В «Горгии» Платона риторика ставится на одну ступень с искусством украшения или кулинарией, поскольку и то, и другое ловко используется для лести. Резкое осуждение риторики, особенно позднеантичной, находим у Гигона: «Триумф риторики заключается в том, чтобы плохие дела представить добрыми и явного преступника искусно задрапировать под невинного. Юридические соображения остаются при этом на заднем плане. Все иногда направлено с привлекающей циничностью на психологическое воздействие на слушателя. XIX век пережил шок, когда обнаружил до какой степени прав был Платон, утверждая, что ораторы заботятся не об истине, а главным образом только о воздействии на публику. Это справедливо даже для величайшего из них, например Демосфена, который свободно манипулировал фактами по своему усмотрению. Многие критикуют искусство речи, но они видят только одну его сторону – негативную и потому не правы. Недоверие глубоко укоренилось у Канта: «Речь – коварное искусство, которым люди в важных делах пользуются как стенобитной машиной, умело придвигая к мнению и которое – если подумать о нем спокойно и предметно – должно потерять всю свою важность…»

Еще резче судит Томас Карлейль: «Искусство речи будоражит воображение. Бедняки, слушающие народного витию, думают, что это голос Космоса. Но это всего лишь мундштук Хаоса». В одном из своих страстных памфлетов Карлейль даже восклицает: Искусство речи «является для нас древнейшей фабрикой зла – так сказать мастерской, где все дьявольские изделия, пребывающие в обращении под солнцем, получают последнюю шлифовку и последнюю полировку».

Подобно Карлейлю, проводит сравнение его соотечественник Редьярд Киплинг: «Слова действительно являются сильнейшим из наркотиков, применяемых человечеством». Метафора «Шея» применена Верленом, когда тот в поэтическом ригоризме* требует: «Prends l'elo-quence et tords lui le col» – «Возьми

красноречие и сверни ему шею»!

Подобные высказывания станут понятны и нам, если рассмотрим в недавнем прошлом, например, фашистский национал-социализм, идеология которого распространялась в народе демагогическим способом, прежде всего Гитлером и Геббельсом. Подкрепляя своеобразным национал-фашистским воодушевлением свою манеру говорить нараспев, Геббельс воздействовал еще более изощренно и рафинированно, чем сам Гитлер. Г. Гейбер, например, выразил это следующим образом: «Геббельс технически наиболее совершенный оратор из употреблявших немецкий язык. Едва ли можно представить… более сильное воздействие. Ему удавалось, например, в кругу друзей убедительно защитить четыре различных мнения об одном и том же деле. При этом он оперировал странной смесью холодного интеллекта, полуправды, фантазии, софистических фальсификаций и эмоциональных обращений. Стиль его речи, при всей резкости и выразительности,был понятен любому. Во время выступления Геббельс постоянно осуществлял холодный контроль и зорко наблюдал за слушателями, точно выражая их неясные ощущения. Его эффекты и остроты были тщательно спланированы, заранее зафиксированы за письменным столом в ходе работы, напоминающей масштабы генерального штаба». (Так это было, например, с его пресловуто знаменитой речью во Дворце спорта в феврале 1943г.).

Нужно видеть опасности риторики. Нельзя отказаться от тренировки своих мускулов только потому, что можно ударить ближнего. Так же нельзя отказываться от улучшения речи только потому, что возможны злоупотребления. Как видите,

¦ *мы вновь и вновь самокритично переосмысляем порядочность наших взглядов и основательность нашего знания и восприятия.*

Скверная вещь – болтливость идеологических виртуозов: она ведет к лживым бредням. Оратор остерегается лжи, полуправды, введения в заблуждение, преувеличения и смещения акцентов. Он остерегается и оберегает своих слушателей от болтовни, демагогических уловок и уверток, от звонких фраз. Мы не делаем необоснованных высказываний, напротив, мы подтверждаем то, что говорим – по возможности недвусмысленно и с помощью убедительных доказательств. Подумайте: любая истина должна быть к месту. Бенджамин Франклин заметил: «Если подвернется нога, ты быстро оправишься, если подвернется слово, ты не оправдаешься никогда».

Конфуций сказал однажды: «Кто много стреляет, еще не стрелок, кто много говорит, еще не оратор».

Один болтливый юноша попросил Сократа дать ему

наставление в риторике. Тот потребовал с него двойную плату. На удивленный вопрос юноши учитель ответил: «Ведь я могу научить тебя двум вещам: искусству речи и искусству молчания». Сократ спокойно мог требовать тройной платы, потому что мог научить еще одному искусству – умению слушать. (По этому поводу диагноз В. Буша гласит: «Оратор делает людям хорошее, если те делают это сами».)

В Вартбурге* есть изречение: «Умно говорить зачастую трудно, однако умно молчать намного труднее». Политический писатель Лец в 1957 г. написал: «В начале было слово – в конце фраза». К сожалению, слишком часто это оказывается верным.

Адольф Дамашке* пишет: «Слушатели намного чаще, чем думают иные, точно чувствуют, на самом ли деле мельница речи перемалывает зерно, или она трещит так громко лишь оттого, что внутри пусто».

Ораторы выступают в роли посредника между предметом речи и слушателями. К обеим сторонам они должны относиться правильно, поэтому настраиваются одновременно и на предмет речи, и на слушателей. Одна французская поговорка гласит: «Хороший оратор должен иметь голову, а не только глотку!» Уединг и Штейнбринк в 1986 г. осудили современную «популярную риторику». По их мнению, концепция, лежащая в основе популярной риторики, упрощает содержание риторического образования и снижает этические требования.

Они приводят примеры умышленной дезинформации и введения слушателей в заблуждение, однако такой взгляд на популярную риторику недопустим и встречает только возражение. Проблема порядочности в риторике, конечно, должна стоять перед каждым оратором.

1.2.3 Цели речи – формы речи

Что вы хотите сказать своим слушателям: разъяснить им положение вещей (в научном докладе, сообщении, рассказе о деловой поездке и т. д.), побудить к действию (в политической речи, например) или то и другое вместе? В других обстоятельствах произнести праздничную речь, приветствие и т. д. Вы хотите в вашей речи уловить и усилить общее чувство, выражающее настроение всех собравшихся. В другой раз Вы хотите рассказать о пережитом лично Вами. Рассказывая об этом, Вы позволяете слушателям стать участниками происшедших с Вами событий.

В соответствии с этим мы различаем четыре основных типа речи:

Предметный доклад (разъяснение положения дел с выражением преимущества в понимании). *Речь с выражением*

мнения или убеждающая речь. У Вас есть цель действий; она не позволяет Вам остаться в строгих границах логики, но обращается к чувству и знанию слушателей. Ваша речь насыщена придаточными предложениями цели типа «следовательно, нужно сделать то-то и то-то». Особыми формами речей с выражением мнения являются дискуссии и дебаты, которые подробно рассмотрены в книге «Школа дебатов»*. Речь по поводу, с учетом ситуации перед реально собравшимися (приветственная речь, праздничная речь, благодарственная речь и т. д.). Рассказ (например, сообщение о пережитом). В рассказе различные формы речи переплетаются друг с другом.

' Lemmermann H. Schule der Debatte. Munchen, 1986

2. Техника подготовки

2.1 Общие сведения

Клаус Хармс был известным проповедником. На вопрос – сколько времени ему потребовалось для подготовки знаменитой проповеди – он ответил: «Ровно сорок лет». Возможно, это преувеличение, однако несомненно, что очень многие речи и доклады готовятся слишком поспешно. Вновь и вновь мы убеждаемся, что способные ораторы недостаточно готовятся к выступлению. Они компетентны, «подкованы» и опытны в обращении как со словами, так и со слушателями, но не дают себе труда тщательно подготовиться, предполагая, что хорошую речь творит только чудо.

Такие ораторы редко совершают прыжок, позволяющий стать *выдающимся* оратором. Они не развиваются, а остаются рутинной посредственностью.

В 1985 г. бывший премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия Хейнц Кюн свой ораторский опыт и свои размышления в занимательной форме изложил в книге «Искусство политической речи»* (см. 1). Часть 2 названа так: «Советы того, кто полстолетия работал, испытывая себя в политической речи, письме и торговле» Кюн пишет: «Кто думает, что овладев более или менее искусством слова, может без подготовки выходить на трибуну (так как в любом случае умнее, чем его аудитория), глубоко заблуждается».

Его речь не внесет значительный вклад в решение проблем; это будет не более чем проявление заносчивости.

• Правило *номер один* для подготовки речи: *Выдели время.*

Хотя в истории были случаи, когда речи, произнесенные экспромтом, или подготовленные за очень короткое время получались удачными и достигали цели, однако это не общее правило. Всего лишь две минуты длилась речь, американского

президента Авраама Линкольна, произнесенная 19 ноября 1863 г. в день освящения кладбища павших в гражданской войне, однако американцы помнят ее до сих пор. (Эта нация, подчиняясь богу, возродится к новой свободе. Цель: «Власть народа, с помощью народа и для народа).

Линкольн поспешно записал несколько фраз на двух листках бумаги и был совершенно недоволен, так как не имел времени на обработку формулировок.

Хейнц Кюн: «Авраам Линкольн подолгу готовился к каждой речи, при этом он в течение «инкубационного периода» писал на клочках бумаги или на конвертах, фрагменты предложений, а потом эти обрывки бумаги с записями, помещал в свой знаменитый цилиндр и постоянно носил с собой. Затем за письменным столом составлял из них свои речи.

• Правило *номер два* для подготовки речи: *Работай систематически.*

Впустую теряется бесконечно много времени, если работа не ведется систематически.

Гете в мае 1798 г. писал Шиллеру: «Чрезвычайное обилие материалов, которыми я располагаю, привело бы меня в отчаяние, если бы не большой порядок, в котором я содержу бумаги, это мне позволяет ежечасно повсюду принимать решительные меры, каждый час использовать соответственно обстоятельствам и двигать вперед одно за другим». В письмах Платона есть любопытное высказывание: «лишь долго двигая перед собой светильник, освещающий предмет с разных сторон, можно осветить знание предмета».

Выдающиеся ораторы, как мы знаем, интенсивно работали над каждой речью.

Рузвельт долго работал над знаменитой речью о преодолении экономического кризиса. Окончательный вариант он прочитал вслух одному маляру из Белого дома с просьбой его прервать, если что-то будет непонятно. Этот человек прервал Рузвельта в трех местах. Президент быстро исправил формулировки.

Свои большие парламентские речи Черчилль разрабатывал тщательно, вплоть до каждого отдельного слова, а важнейшие части речей заучивал наизусть. Лорд Биркенхед ехидно заметил, что Черчилль лучшие годы \ своей жизни потратил на подготовку «импровизированных» речей.

Ллойд Джордж в свое лучшее время был, несомненно, гениальным оратором. Его биограф Хуго Фишер осветил закулисную сторону жизни премьер-министра, когда заметил: «Во всех фазах жизни у него был талант целенаправленной и прилежной работы над собой по дальнейшему

совершенствованию. Тщательная проработка материала, внимание к мелочам, постоянное упражнение памяти также обусловили успех динамического искусства его речи. Речи Ллойда Джорджа в известном смысле являются «выученными»: знаменитые passages of eloquence (пассажи красноречия) и purple patches (красные места) риторических вершин – результат заботливой проработки и тренировки памяти».

Конечно, не все политики готовят речи самостоятельно. Будучи риторически одаренным, президент Кеннеди поручал составлять большие речи своему советнику (Т. Соренсену). Английская королева готовит свои речи также с помощью секретаря, в то время как ее супруг герцог Эдинбургский речи, которые он произносит, составляет сам.

Министру экономики и финансов Карлу Шиллеру проекты речей должен представлять референт. Но глянец, как правило, министр наводит сам, иногда добавляя кое-что в порядке импровизации.

Многим политикам потребовалось бы слишком много времени (если бы они захотели) сочинять свои речи самостоятельно. Подумайте только о некоем задерганном обербургомистре*, который, допустим, сделает доклад в парламенте по политическим вопросам, одновременно заканчивает статью о вывозе мусора, после этого ищет подходящие слова уходящему в отставку старшему инспектору и уже в следующее мгновение открывает мировой конгресс любителей декоративных рыб.

Подготовка речи является творческой работой, которая доставляет и радость, и творческие муки. Кстати о муках: Эдисон считал, что изобретение состоит из 1 про-V цента вдохновения и 99 процентов пота.

Аналогично обстоит дело и при подготовке речи.

К систематической работе относится прежде всего обдуманная последовательность всех этапов работы.

Гамильтон думал лаконично и связно, оставив нам пять заповедей искусства речи:

• Понять, что следует сказать.
• Упорядочить: что по делу, а что шутки ради.
• Облечь в слова и украсить слогом.
• Запечатлеть в памяти.
• Приятно и достойно изложить.

Тщательная подготовка речи включает, по моему опыту, следующие десять рабочих шагов (этапов).

1. Сбор материала.

2. Отбор материала и его организация.

3. Обдумывание материала (медитация, связка деталей, комментирование материала).

4. Первая редакция ключевых слов (предварительная редакция).

5. Стилистическое оформление главной части (упражнение в словесном оформлении).

6. Формулирование вступления и заключения.

7. Общий контроль.

8. Вторая редакция ключевых слов (окончательная редакция).

9. Мысленное освоение amp;

10.Риторическое освоение (проба речи).

Рабочие этапы 1-6, а также 9 и 10 частично пересекаются по времени. В последующем Вы найдете некоторые указания по подготовительной работе.

2.2 Специальные положения

2.2.1 Ступени подготовки

Материал собирайте на перспективу. Многие ораторы и докладчики грешат тем, что выделяют слишком мало времени для подготовки к выступлению. Одного государственного деятеля спросили, сколько времени ему потребуется для подготовки следующей речи. Он ответил: «Если для произнесения речи мне отведено 10 минут, то нужна неделя. Если в моем распоряжении один час, то потребуется два дня. Если же я располагаю неограниченным временем, то могу говорить сейчас же».

¦ *Чтобы иметь представление о предмете, нужно не только собирать материал для конкретной речи, но и постоянно расширять свои знания с помощью всесторонне разветвляющегося сбора данных.* «Нет такой специальной или из ряда вон выходящей темы, чтобы не нашлось книги, способной предоставить материал по этой теме, – пишет англичанин Гамильтон, и продолжает: Читайте Сенеку, он по большинству тем дал блестящие и счастливо выраженные мысли».

Согласно Вильгельму Бушу, даже самый обыкновеннейший предмет, рассмотренный в свете и контрсвете, ценен для наблюдения.

Для каждой области знания издаются универсальные справочники, специальные книги и журналы. Каталоги библиотек информируют об имеющихся в книгах сведениях. Работа облегчается, если у нас под рукой специализированные словари по философии, экономике, политике; энциклопедические словари, толковые словари и сло-вари иностранных слов и т. д.

Имеется бесконечное множество источников материала. Например, газетные статьи по требуемой тематике. Очень жаль,

что газетные высококачественные статьи не переживают день своего появления в печати. Хорошие газеты – настоящие сокровищницы актуальных специальных и аналитических материалов. Их нужно использовать в гораздо большей мере, чем обычно. При сборе «сырых» материалов строго разграничиваем чужие и собственные. Опыт показал, что собственные мысли удобно помечать особым образом, например, в угловых скобках. Иначе теряется контроль над тем, что исходит из других источников. Цитаты мы берем в кавычки и не забываем указать источник (автор, заглавие, место и год издания, страница: например: «… «(цитата), затем в скобках: Мельхиор Шульце: Об истории развития лиственной тли, Гонолулу, 1956, стр. 789). Оказываем предпочтение первичным источникам перед вторичными (в последних первичные источники более или менее переработаны).

Собранный материал лучше всего фиксировать в каталожных карточках. Возможно, следующие советы облегчат вам работу.

• Удобны и вполне достаточны каталожные карточки размером 7,5х12,5 см или двойной величины.

• Мы выражаем содержание с помощью ключевых слов.

• Разборчиво пишем и нумеруем карточки.

• Мы пишем на карточке только с одной стороны: позднее это облегчает их обзор. Точно так же мы поступаем при окончательном составлении конспекта ключевых слов предстоящей речи; отпадает надоедливое перелистывание при произнесении речи: в этом случае листки с ключевыми словами незаметно откладывают в сторону один за другим. «Почему, – спросили Детлева фон Лилиенкрона не- кие любопытствующие – на страницах рукописи разрешено писать всегда только с одной стороны?» «Вероятно, – ответил Лилиенкрон, – чтобы не целиком портить хорошую бумагу».

• Мы оставляем место для добавлений и изменений.

• Мы подчеркиваем важные места – сбоку или снизу, применяя, смотря по обстоятельствам, цветные карандаши или буквы различной величины.

Чарльз Фергюсон писал в «Советах оратору»: «Записи, которые делают для себя, спустя некоторое время скапливаются кучами. Однако, как ни странно, кучи со временем становятся более упорядоченными, чем, собственно, этого можно было бы ожидать».

О сборе собственных материалов

«Неожиданное случается там, где этого не ждут. Так и с мыслями. Идеи и фантазии не зависят от нашего желания, а приходят, когда им вздумается» – так пишет Буш в своих письмах.

Мысли не являются в «назначенное время», которое им вежливо предоставили, а они приходят, когда хотят: в трамвае, кино, во время еды. Важно отметить, что они запоминаются, возможно, только в виде ключевых слов. (В спальне Герхарта Гауптманна очень часто обновлялись обои у кровати, потому что на них он записывал идеи, которые приходили ему ночью в голову.) Поэтому всегда держите при себе маленький блокнот и карандаш. Использовать обои в течение непродолжительного времени слишком убыточно. Бесчисленное множество интересных мыслей наверняка пропало у нас безвозвратно только потому, что мы их вовремя не записали.

«Для оратора блокнот то же самое, что для рыбака сеть». (Кассой). Карло Шмид сообщает об умершем в 1952 г. Курте Шумахере: «Он неустанно делал записи -при чтении, разговаривая с другими и даже с самим собой (!); эти записи как сырье он перерабатывал для своих речей и из этого сырого материала формировал рукопись».

Настоятельно рекомендую применять карточки, на которых записывают собранные идеи, выразительные формулировки, цитаты, афоризмы и другие «находки чтения», даже если для них нет сиюминутного применения.

¦ *Впрочем, опять и опять мы приходим к заключению: усилия, направленные на формулировку идеи, делают мысли более ясными.*

Тот, кто часто записывает свои мысли, тот возбуждает свою фантазию, а «душа без фантазии – как обсерватория без телескопа» (Генри Вард Беехер).

Об отборе материала и его организации

Отбор материала и его организация тесно связаны между собой. Когда из накопленного материала я отбираю важнейший для речи, уже тогда я продумываю способ наилучшей организации материала. Мы должны просматривать свои заметки вновь и вновь. Делать это следует, во-первых, с радостью охотника за бабочками, влюбленного в красоту своей коллекции, во-вторых, чтобы выбрать нужное, в третьих, чтобы удалить устаревшее (освободиться от балласта). Уже упоминалось, что самое трудное в собирательстве – это выбрасывание). Каждый просмотр материала ведет к дальнейшему его уяснению и соединению деталей. Ум берется за дело. Конечно, «оратору нужно гораздо больше строительного материала, чем впоследствии он употребит»(Киллиан). Но при строгом отборе мы берем лучшее, отделяя существенное от мало существенного. Слишком большое количество материала не пойдет впрок любой речи. «С духовной пищей получается так же, как с едой: мы питаемся не тем, что съедаем, а тем, что усваиваем»(Вальтер

Винклер).

Вопрос звучит так: В чем моя главная цель? Что я хочу достичь; к чему я направляю?

Теперь строгий отбор должен быть ориентирован точно на тему речи. «Мастер проявляется прежде всего в отсечении всего лишнего. Наш взгляд направлен лишь на существенное. «Не количество материала приносит успех, но его проработка»(Науманн).

Обдумывание материала

За сбором и отбором следуют обдумывание материала, установление связей, комментирование. В целом это можно назвать «инкубационным периодом». К нему относятся проверка фактов и уточнение мыслей, их упорядочивание (монтаж, архитектура), их варьирование. «Это входит в состав двух различных видов мыслительной деятельности: постижения отдельных явлений и соединения познаний» (Науманн). Этот процесс – основа важнейшей стадии- медитации.

Согласно Шрайнеру, в христианской проповеди различают пять стадий: экзегезу (толкование текстов), медитацию, рассуждение, усвоение, исполнение.

Несколько указаний для нашей, часто профанируемой области:

• Мы концентрируемся в данный момент, по возможности, только на *одной* мысли; мы отключаемся от посторонних мыслей. (Вильям Джеймс установил, что человек в среднем раскрывает только 1/10 своих мыслительных способностей, что в значительной мере обусловлено недостаточной концентрацией и несовершенной техникой работы.) • Мы снова и снова представляем себе наших слушателей. Что мы хотим им сказать? К чему мы направляем? Не спеша проясняем *главную мысль,* позволяем ей «покрутиться» в головах слушателей. Медитация содействует осознанию. Мы достигаем ее лишь тогда, когда освобождаемся от суеты окружающего нас мира. Каждая речь должна медленно «прорастать» внутри нас. Нужно определенное время «жить этой речью». Когда мы интенсивно занимаемся единственным делом, то не забываем о творческих паузах. Закон чередования напряжения и разгрузки действителен и для умственной работы.

По теме медитации и умственной работы выясним еще кое-что. Ведь мы хотим не только накопить знания и впечатления, но и составить обоснованное мнение. Постоянно ошибаясь, мы вновь и вновь взвешиваем и про-веряем. Оратор действует как владелец дома: он все вре-мя что-то ремонтирует. То, о чем я упомяну ниже, может кое-кому показаться не имеющим значения, мне же

это представляется существенным.

Предпосылкой плодотворной подготовки является выделение наилучшего времени для работы, которое у нас зачастую совершенно различно.

¦ *Умственной работой нужно заниматься по возможности регулярно.*

Очень часто успех зависит от мелочей, например, от климатических условий во время работы. Нельзя недооценивать влияния окружающей среды. Шиллеру, например, работалось лучше всего, если он ощущал запах гнилых яблок (!). Не каждый разделит с Шиллером выбор стимулирующего запаха и с помощью гнилых яблок получит вдохновляющий импульс к возвышенным мыслям. К одним мысли приходят со стаканом вина, к другим – время прогулки. Так глупо это звучит: «амбулаторное» стимулирование мышления эффективно для предрасположенных к движению. Перипатетики (круговые прогулки) Уже у древних греков были средством поиска идеи на просторах мысли. Подумайте, например, о значении средневековых крестных ходов вокруг монастырей. Как полагал Гете, движение на свежем воздухе придает «продуктивно действующие силы».

В книге Хорста Бинекса «Беседы о мастерской писателя» (1962) лирик Вильгельм Леман подтверждает: «Стихотворения возникают у меня чаще всего с движением, особенно во время прогулок. Я тип шагающий». Хейнц Кюн: «Хотя я не согласен с Монтенем, который полагал, что его мысли спят, когда он сидит, и ум неподвижен, если его не толкают ноги, но я ценю прогулки в одиноч- ку, когда продумываю основную концепцию речи, кото-. рую намерен произнести. Затем за письменным столом готовлю конспект ключевых слов и потом начинаю, уяснив слова, брать с боем проблему «как сделать», моделируя до некоторой степени пластический образ речи. При этом я также путешествую вдоль книжных полок и архивных ящиков…»

Внутренними предпосылками плодотворной подготовительной работы являются:

• *Самоопрос.* (В чем причина, каково действие факта? Какова суть, главная мысль, которую я должен сообщить? И так далее). Постановка вопросов самому себе является средством активизации мысли. Если есть вопрос, значит, возможен ответ. «Подумай над детским вопросом: Что делает ветер, когда он не дует?»(Эрих Кестнер).

• *Чередование состояний - размышление вслух и прослушивание «внутреннего голоса».* Выбрав время, мы молча медитируем, сосредоточившись «в себе», затем снова высказываем наши мысли

уже вслух или вполголоса. Эта смена состояний потрясающе часто ведет к уяснению мысли. Философ Иоганн Гот-тлиб Фихте указывал на важность размышления вслух. Он пишет: «Размышление вслух дает новую степень ясности и определенности. Оно объединяет чувство и разум; абстрактнейшие идеи последнего обостряет, а образы первого упрощает и упорядочивает».

• *Терпеливая, систематическая работа над текстом - соединение частей, рациональная организация материала и эффективная разработка формулировок.* Плиний пишет о художнике Апеллесе, который не позволял себе ни дня без хотя бы одного мазка кистью: nulla dies sine linea (ни дня без линии). Регулярная работа ведет к большему успеху. Гамильтон также рекомендовал: «Не довольствуйся ни мыслью, ни выражением в той форме, в которой они предстают тебе впервые, но стремись к улучшению их более и более».

Я уже сказал, что речь должна медленно прорастать в нас. Мышление – не объект поточного производства. Хотя в отношении самого себя зачастую требуется много терпения.

Известна американская brain-storming (мозговая атака), которая с помощью активизации мышления группы дилетантов и специалистов мгновенно решает проблему, но, увы, не всегда успешно. Хорошие идеи требуют времени.

Бывает, что мысли подолгу вызревают в нас. И когда мысли окончательно уясняются, не всегда сразу находятся нужные слова. Так, Лютер зачастую в течение недели подыскивал подходящее выражение.

Шиллер пишет: «Может пройти час, пока я отыщу наилучшее завершение фразы». Ныне умерший депутат Христианско-социального союза барон фон Гуттенберг описал в своей «Сноске» подготовку большой речи для произнесения в бундестаге: «В моей рукописи содержится работа нескольких недель. Некоторые предложения я отшлифовывал часами, пока они стали соответствовать ритму языка.

Полезно упражняться вновь и вновь, чтобы главные мысли и основные положения речи сформулировать в кратких выражениях («концентрация сути»). Мы не забываем о слушателе, который должен кое-что понять или определенным образом поступить.

¦ *Во время медитации мы четко уясняем основные положения речи и выражаем их в законченных фразах. Терпеливое обдумывание деталей и связок можно рекомендовать, но не со всей настойчивостью.*

В беспокойстве и спешке, с которыми мы «выполняем» нашу умственную работу, в неспособности современного европейца к

медитативному поведению жители Азии видят ужасающий признак упадка культуры.

И последнее: заранее обратите внимание на время, отведенное для произнесения речи, (не более 90 минут). Многие ораторы не распределяют заранее свое время, в спешке заканчивают речь и лишаются положительного эффекта.

Первая редакция ключевых слов

Мы установили результат предшествующей работы в виде ключевых слов. Ключевые слова располагаются определенным образом, ясно читаются; образуют каркас понятий, на котором держится речь. *Первая редакция ключевых слов,* как правило, еще не очень тщательная. Отмечают все важные смысловые элементы. Хорошо удавшиеся формулировки по мере необходимости фиксируют в полном словесном объеме. Мы отделяем первостепенное от второстепенного: подчеркиванием, выделением цветом или изменением размера букв. Теперь, используя конспект ключевых слов, начинают упражнение в *стилистическом оформлении* главной части, вступления и заключения. Вступление и заключение в большинстве случаев могут быть сформулированы после главной части, так как и во вступлении и в заключении, как правило, имеются ссылки на главную часть.

Поэтому начинать при подготовке речи с введения нежелательно, ведь главная часть и выводы могут быть рассмотрены еще не полностью. Так иногда введение, которое было *составлено заранее,* вдруг теряет необходимую связь с главной частью и заключением.

¦ Мы снова и снова перерабатываем разделы речи, сохраняя в качестве мысленного ориентира ключевые слова, но подыскиваем все новые формулировки. При этом вполголоса произносим текст самим себе.

Так легче всего преодолеть трафареты письменного языка. Это перелопачивание материала, эти все новые словесные формулировки гарантируют развитие речевого мышления.

Выдающимся оратором был (умерший в 1960 г.) писатель Вольф фон Нибельшутц. «Нибельшутц проговаривал весь текст, когда писал, произносил его снова и снова, проверяя предложения на ясность и эффективность, шлифовал и упрощал, пока все в целом в словесном отношении не зазвучит почти свободно» (Ильза фон Нибельшутц).

Общий контроль

«Еще раз прокрути свою речь от начала до конца и проверь, нельзя ли ее улучшить, расположив материал в иной последовательности». Так рекомендует Гамильтон. Вот история

XVI столетия: один меценат, наблюдая за Микельанджело, когда тот тщательно обрабатывал детали своего произведения, удивленно воскликнул: «Все, что ты изменяешь, в сущности мелочи»! На что художник ответил: «Конечно, мелочи. Но к совершенству ведут мелочи, а совершенство то, в чем мелочей нет». Последнее высказывание с большой точностью относится к речи.

¦ *Речь можно назвать совершенной, если улучшились все, даже ее заведомо мелкие детали.*

Далее общий контроль осуществляет последнюю шлифовку, последнюю риторическую подготовку. Тут и там выполняется полировка до глянца или «наводится блеск». Мы обращаем особое внимание на уравновешенность пропорций отдельных разделов речи. Не придаем ли мы «в пылу боя» некоторым фактам слишком большой вес? Напротив, не подверглось ли нечто иное недооценке? Пытаемся отойти на некоторое расстояние и представить себя в роли слушателя, но особенно в роли оппонента. Мы проверяем аргументацию, связки, главные положения.

«Три четверти моей литературной деятельности заключается, в сущности, в правке и шлифовке. И, возможно, три четверти – сказано слишком мало» (Фонтане). При общем контроле прежде всего устанавливают второстепенное и лишнее в речи.

Окончательная редакция ключевых слов

Писатель Ганс Магнус Энценсбергер однажды сказал: «Интенсивная работа всегда ведет к сокращению. Все книги, кроме словарей, слишком длинны». Многие речи также слишком длинны и многословны. Эрих Кестнер требовал точности, когда писал:

«Желающий что-либо сказать не спешит.

Он выделит себе время и выскажется в *одной* строке».

Возникает вопрос, не достаточно ли *одной* редакции ключевых слов. Опыт показывает, что тщательная подготовительная работа одновременно с подчеркиванием и внесением дополнений делает первую редакцию зачастую трудно читаемой. Иной оратор на трибуне подобен близорукому аптекарю, с трудом разбирающему рецепт врача. Речь остановилась, потому что докладчик заблудился в лабиринте своих записей.

Второй конспект ключевых слов должен быть тщательно отредактирован, упорядочен и легко читаем (даже при плохом освещении). Чем больший опыт оратора, тем лаконичнее в конце концов конспект ключевых слов. В некоторых случаях требуется лишь еще подкрепление памяти, например, с помощью выделения

основных частей отдельных разделов речи.

Поучительно еще раз заглянуть в мастерские выдающихся ораторов.

Ильза фон Нибельшутц пишет о творчестве Вольфа фон Нибельшутца: «В последние годы к речам готовились лишь ключевые слова в маленьких блокнотах, *иной раз основные выражения, которые особенно подходили, прочее он свободно формулировал во время речи.* Он владел языком с совершенной легкостью и точностью, и во время речи, настраивался на способность публики к восприятию; но по этим ключевым словам невозможно реконструировать языковую стихию доклада – образную, яркую, живую. Ключевые слова, имеющиеся в распоряжении, в любом случае придают уверенность, даже если предполагается вовсе не пользоваться конспектом. Может случиться, что во время доклада мы лишь раз заглянем в записи. Если так, тем лучше.

Усвоение речи (доклада) на память – *в большей степени процесс внутреннего обучения,* чем поверхностное заучивание наизусть.

Хорошо зарекомендовала себя следующая техника:

• Мы запоминаем основные мысли (и целевые высказывания).

• Мы усваиваем план речи (ее структуру).

• Мы запоминаем часть за частью конспект ключевых слов (тщательно записанный). (Многократное чтение; упражнения в словесном формулировании).

Используйте свое время. Есть много «мертвых» часов и минут, когда мы ждем, когда едем по железной дороге и так далее. Лучшее упражнение в концентрации состоит в том, чтобы про себя спокойно проговаривать речь, медленно следуя по плану, подобно движению кадров при замедленной съемке.

Последним рабочим шагом при подготовке является *пробное произнесение речи.* Как правило, определенное игровое пространство отводится импровизации («Переподготовка» приводит к чрезмерной сухости речи!).

• *Речь не должна застыть в окончательно отлитом виде. Она остается, так сказать, в подвижном агрегатном состоянии.*

Мы настойчиво представляем себе место выступления и своих слушателей.

В риторике не страхуют, как, например, на случай транспортной аварии. Но можно назвать еще две меры безопасности по профилактике риторической неудачи.

• Один раз мысленно «прокрутите» речь в обратном направлении. (При этом вновь и вновь рассмотрите зависимость следствий или результатов своих высказываний от предпосылок.

Связи проявляются сильнее).

• Один раз произнесите речь «молча», «в голове», не шевеля губами!

Если эти упражнения в концентрации также удается выполнить, то повышается ваша» страховка» подъема на трибуну.

Сказанное выше о «Технике подготовки» может быть полезно не только применительно к речи, но и к подготовке любого текста. (Сравните ниже раздел «Стиль речи ~ стиль письма»). «Хорошая подготовка – половина Дела», – полагает Карнеги. Впрочем, в конце подготовки еще раз просмотрим картотечный ящик; зачастую мы обнаружим в нем достаточное количество деталей, которые пригодятся в речи.

Теперь, возможно, некоторые читатели спросят: Не слишком ли много требуется для подготовки? Разве я, будучи оратором, всегда располагаю временем, чтобы выполнить рассмотренные этапы? Я хочу ответить: как правило, нужно, особенно если речь большая, и рекомендую поступать именно так, как я здесь описал, или же подобным образом. Если же нужно готовить, как это часто бывает, в короткие сроки много небольших деловых сообщений из разряда ежедневных, то систему подготовки можно естественным образом упростить: *сбор материала – ключевые слова – введение - заключение - краткий просмотр целого и затем речь.*

Но принципиальным является следующее: мы ответственны перед слушателями за тщательное проведение подготовки. Слушатели хотят услышать нас; они дарят нам свое время; мы не можем их разочаровать. Конечно, слушателям не показывают, какой трудной была подготовка. Так прима-балерина тоже не считает, какого напряженного труда стоил ей танец без видимых усилий.

¦ *Высочайшая ступень ораторского искусства - речь-импровизация.*

Но такая речь дается не каждому. Зачастую импровизация неупорядочена и безудержна, она представляет «ненаправленное словоизвержение» (Гератеволь).

Даже сам Цицерон говорил *только* подготовившись. Он шлифовал свои речи до такой степени, что при внезапном изменении ситуации *не* мог произнести ни слова. Этим объясняется, что мы обладаем определенным числом его речей, которые никогда не были произнесены. Профессор Карло Шмид однажды произнес импровизированную речь. Это была очень хорошая речь. «Редко доводилось мне слышать столь эффектную речь», -сказал ему один его оппонент, – я думаю, ни один человек в зале не догадался, что Вы хотели сказать». «Совершенно верно – ни один человек, – ответил Шмид, – в том числе и я сам».

Однажды пастор Хармс не подготовился к проповеди, но положился во всем на внушение святого духа. Но оно не явилось, и Клаус Хармс стал заикаться. После проповеди он думал, ужасаясь: «Я ждал внушения, а услышал лишь внутренний голос: Клаус, ты обленился! Никогда больше не выступай без подготовки!». Еще небольшое указание к докладу на съезде или конгрессе: зачастую оратор оказывается в мучительной ситуации: ему необходимо сократить доклад из-за общего недостатка времени. В этом случае лучше всего обдумать две редакции сообщения, длинную и короткую. В большинстве случаев трудно сократить речь, стоя на трибуне. Тогда мы слышим заикание и стоны докладчика, который из-за дефицита времени, к сожалению, не может изложить весь текст. Собравшихся охватывает неловкость, и куцая речь оратора не оказывает нужного действия. Если на съезде выступают ораторы один за другим, то хорошо делают те, кто сокращает свое выступление с учетом содержания и длительности других сообщений.

В этой связи отметим, что благодарные слушатели приветствуют, если Вы вывесите напечатанный на машинке сокращенный вариант доклада, чтобы ознакомить слушателей с существенными пунктами речи. Зачастую рекомендуется разработать в виде ключевых слов тезисы, содержащие главные мысли, которые предлагаются слушателям и образуют основу следующей за докладом дискуссии. Эта очень плодотворная техника работы практикуется сегодня со все возрастающей степенью не только на съездах и конференциях, но также при произнесении обычных докладов и речей.

2.2.2 Документ

Генрих фон Клейст: О постепенной мысленной про-Работке материала при подготовке речей.

Рюле фон Лилиенштерну.

Если ты хочешь что-то познать и не можешь достичь этого, даже постоянно размышляя об этом предмете, то я советую тебе, мой дорогой, поговорить об этом пред- мете с первым же знакомым, которого ты встретишь. От него не требуется умная голова, также я не считаю, что ты должен расспрашивать его, чтобы познать. Напротив, ты должен первым рассказать ему все сам. Я вижу, настало время тебе удивиться и сказать, что в прежние времена тебе советовали говорить только о том, что знаешь. Но ты говоришь знакомому, возможно, не очень скромно, но *другое.* Я хочу, чтобы ты говорил, исходя из разумного намерения, – познать. Французы говорят: l'appetit vient en mangeant (аппетит приходит во время еды), и это известное положение справедливо и в том случае, если, его пародируя,

говорят: l'idee vient en parlant (идеи приходят во время обсуждения). Часто, разбирая деловые бумаги с запутанными спорными делами, я пытался найти точку зрения, с которой все хорошенько обсудить. Обычно я старался рассмотреть как бы в самой освещенной точке, желая все себе объяснить. Или я пытался, как если бы мне встретилась алгебраическая задача, дать основную формулу, уравнение, которое выражало бы заданные отношения, и после вычислений легко находилось решение. И объяснение становилось очевидным, если об этом деле я говорил с моей сестрой, которая сидела позади меня и работала; так для себя я уяснил то, что не мог постичь часовым высиживанием. Узнавал не от нее, не она *сказала* мне, поделившись собственными мыслями, ведь она не знала кодекса и не изучала Эйлера или Кестнера. И не она искусными вопросами подводила к точке зрения, с которой это объяснение казалось приемлемым. Это мое смутное представление в соответствии с направлением поиска, когда я начинал говорить, приводило меня к полной ясности и со временем созревало в знание. Когда я говорю, я добавляю нечленораздельные звуки, растягиваю союзы, часто использую дополнение в тех местах, где оно совсем не нужно, и пользуюсь другими уловками, удлиняющими речь, чтобы выкроить время, нужное для формирования моей идеи в мастерской разума. При этом мне мешает движение сестры, которым она как бы хочет прервать меня: мое напряжение из-за этой посторонней попытки прервать речь растет, и повышаются мыслительные способности, как у великого полководца, который под давлением обстоятельств напрягает все свои силы. Я думаю, что великие ораторы, раскрывая рот, еще не знают, что скажут. Но убеждение оратора в том, что он необходимые мысли черпает из обстоятельств и из возникшего возбуждения своей души, делает его достаточно смелым, чтобы говорить, надеясь на удачу. Мне пришли на ум «молнии» Мирабо, обрушенные на церемониймейстера, после заседания королевского правительства, распустившего Генеральные Штаты. Церемониймейстер вернулся в зал заседаний, где еще находились депутаты Штатов, и спросил, слышали ли они приказ короля?

«Да, – ответил Мирабо, – мы слышали приказ короля. Я уверен, что его миролюбивое начало не предполагает штыки, которыми закончит. Да, милостивый государь, – повторяет еще раз Мирабо, – мы его слышали.»

По темпу речи, повторению слов видно, что Мирабо совсем еще не знает, что сказать и продолжает:

– Однако, кто дает Вам право, – теперь у него в голове

возникает источник неслыханных представлений, – нам передавать приказы? Мы – представители нации.

Этой фразой он как бы замахнулся:

– А этим я заявляю совершенно четко, – ему подвернулась фраза, выразившая весь отпор, к которому готова его душа, – Так скажите Вашему королю: ничего, кроме штыков, не изгонит нас отсюда.

После чего Мирабо самодовольно опустился на стул. Что касается церемониймейстера, то он в этой ситуации выглядел довольно жалко, если иметь в виду закон подобия, согласно которому в электрически нейтральном теле, введенном в поле наэлектризованного тела, мгновенно возбуждается противоположный электрический заряд. И как при электризации усиливает степень наэлектризованности, так и мужество оратора, проявленное при уничтожении своего оппонента, переходит в бесстрашное воодушевление.

Возможно, так это и было в конце концов из-за дрожи верхней губы оппонента или из-за неясного испуга перед грядущими событиями. Можно прочитать, что Мирабо, как только церемониймейстер удалился, встал и предложил: 1. Тотчас объявить себя национальным собранием. 2. Конституировать неприкосновенность депутатов. Теперь, разрядившись, оратор стал электрически нейтральным и, забыв отвагу, почувствовал страх перед тюремной крепостью и проявил осторожность.

Это примечательное соответствие между психикой и моралью, которое, если исследовать, проявится и в других обстоятельствах. Однако я оставляю мое сравнение и возвращаюсь к начатому.

Лафонтен описывает в одной своей басне замечательный пример постепенного развития мысли в вынужденной ситуации.

Животные болеют чумой, а лис вынужден произнести хвалебную речь льву, но не знает, что сказать. Эта басня известна. Чума овладела царством зверей, лев собрал самых именитых из них и поведал: чтобы смягчить небо, нужна жертва. В народе много грешников, смерть наибольшего из них принесет остальным спасение. Все должны откровенно признаться в своих проступках. Настала очередь льва. Да, у него бывали приступы такого голода, что он поедал овец и даже собак, если они к нему приближались. «Если я виноват больше других, то готов умереть». «Сир, – сказал лис, который хотел отвести грозу от себя, – вы так великодушны. Ваше благородство заводит Вас слишком далеко. Что из того, что задушена овца? Или собака, эта подлая тварь? А что касается пастуха, -продолжил он, – так это главная проблема. Говорят, – хотя лис еще не знает, что именно говорят, –

заслуживает всяческого наказания, – произносит он наудачу, и тут запутывается. Относящийся, – плохая фраза, которая тем не менее дает ему время, – к тем людям. – И тут он впервые находит мысль, вызволяющую его из беды: которые над животными добиваются безграничной власти». И теперь лис доказывает, что самой целесообразной жертвой является кровожадный (объедает всю траву!) осел. После чего на осла набрасываются и пожирают. Такая речь в действительности – это размышление вслух. Чередой одно за другим проходят представления и их характеристики, а движения души согласуют то и другое.

Далее, язык – не оковы, не тормоз на колесе духа, но второе колесо на его оси, совершающее непрерывное параллельное движение. Совсем другое дело, если наготове мысли для произнесения речи. В этом случае нужно лишь выразить их, а это мышление не возбуждает, а, скорее, ослабляет. Если мысли выражаются сбивчиво, отсюда еще не следует, что они были плохо продуманы, напротив, может быть, что путано выражается именно то, что продумано очень четко. В обществе во время оживленного разговора идет непрерывный обмен идеями, и можно наблюдать, что люди, которые не чувствуют себя в разговоре сильными и, как правило, внутренне скованы, внезапно воспламеняются в судорожном порыве перехватить инициативу разговора и одаряют собравшихся чем-то невнятным. Если им и удается привлечь к себе внимание, то по меняющейся мимике видно, что они сами толком не знают, что именно хотят сказать. Возможно, эти люди продумали что-то действительно точно и очень четко. Но внезапное изменение обстоятельств, переход от размышления к выражению мыслей подавляет то общее возбуждение, которое нужно как для фиксации мысли, так и для высказывания. Это возбуждение необходимо: мы легко управляем разговором, если наши мысли и наша речь следуют одно за другим по меньшей мере со всей возможной быстротой. И верх одержит тот, кто при равной четкости мышления говорит быстрее, чем противник, обладая в сравнении с ним преимуществом, потому что он, если так сказать, выводит на поле сражения больше войск. Известное возбуждение души необходимо: оно обогащает наши мысли, наше представление. Зачастую это можно наблюдать, на открытых экзаменах, когда задают экзаменуемым вопросы типа: что такое государство? или: что такое собственность? или другие в том же духе. Если молодые люди находятся в обществе, где вопросами государства или собственности занимаются долгое время, то, возможно, они легко найдут определение с помощью сравнения, обособления и обобщения понятий. Но там, где подготовка души совершенно

отсутствует и виден умственный застой, только непонятливый экзаменатор заключит, что экзаменуемый не *знает.* Потому что не *мы* знаем, а изначально существует наше определенное *состояние,* которое знает.

Только совершенно вульгарные люди, которые, выучив вчера, что такое государство, а завтра забыв, – окажутся с ответом в руках. Может быть, вообще нет более плохой возможности показать себя с благоприятной стороны, чем публичный экзамен. Это противно само по себе, оскорбляет нравственное чувство и всегда побуждает раскрывать себя. Какой-то ученый-зазнайка оценивает наши знания, чтобы, в зависимости от оценки купить нас или отказать; это так тяжело, когда играют на душевных струнах, исторгая свойственные им звуки, и расстраивают неумелыми руками; даже самый искуснейший психолог, превосходно знакомый с акушерским искусством рождения мысли, по терминологии Канта, может ошибиться из-за неопределенности. Причина, по которой невежественные молодые люди в большинстве случаев получают хорошие аттестаты, в том, что сами экзаменаторы на их экзаменах слишком захвачены возможностью вынести свободное суждение. Поэтому часто они не чувствуют непристойность всего этого действа, постыдного уже тем, что к любому, кто потрясет своим кошельком, требования намного ниже; душа экзаменатора (а наш собственный разум должен пройти опаснейшую проверку) и она часто желает возблагодарить бога, если сумеет после экзамена не обнаружить свои слабости, быть может, еще более постыдные, чем у того, вышедшего из университета юноши, которого экзаменует.*

3. Структура речи

3.1 Общие указания

3.1.1 Исторические сведения

Понятие «риторика» происходит от греческого rheto-rike techne (ораторское искусство) и охватывает область знаний: теория речи – искусство речи – ораторское мастерство». «В этом значении под риторикой подразумевают – сознательно или бессознательно – технику речи, проявленную в различных формах говорящим индивидуумом».

Искусство речи является древнейшим из отраслей знания. В античные времена искусство речи играло видную роль: Демосфен произносил гневные речи против Филиппа Македонского. (С тех времен до наших дней дошло выражение «филиппики».) Когда впоследствии Филипп прочитал эти речи, то под сильным впечатлением воскликнул: «Думаю, что если бы я услышал эту речь вместе со всеми, то голосовал бы против самого себя».

Уже тогда практика демонстрировала широкий диапазон ораторских возможностей: от речи на благо ближним до самодовольно-артистической, неискренней болтовни софистов.* Даже Цицерон при всем блеске его ораторского искусства вряд ли может служить образцом. Во все времена ораторы следовали за меняющимся общественным мнением. Убедить всех не в состоянии были лучшие ораторы. Приходит на ум одно: ни Демосфен, ни Цицерон не умерли естественной смертью.

Кровавые времена греческой риторики длились примерно в течение жизни пяти поколений, но только в Афинах** искусство речи приобрело историческое значение.

Школы времен античности и Ренессанса учили множеству правил построения и произнесения речей. Марк Фабий Квинтилиан (приблизительно 35-100 гг. н. э.) был самым знаменитым учителем риторики в Риме. Уровень его требований к ораторам был очень высок. Основные требования – тщательное воспитание и обширное образование. Насть многочисленных искусных приемов (ораторских уловок), которым обучали учеников, достойна внимания и сегодня (см. главу «Риторические средства выражения»). Сегодня мы скептически относимся к речам, имеющим эстетическую самоцель (например, Про-тагора), или демагогический пафос (например, Гитлера и Геббельса). Чисто выточенные фразы, украшение рито-рическими фигурами, вычурный стиль, блестящая виртуозность – все эти элементы мы должны решительно отклонить, поскольку они способствуют необъективности.

Средневековье опять привело искусство речи к расцвету. Путь проложили нищенствующие монахи от Савонаролы к Лютеру. В новое время ораторская речь зазвучала в английском парламенте XVIII века и в Конвенте после Французской революции. (Надо отметить, что в парижском Конвенте* некоторые ораторы заготавливали конспекты как правого, так и левого, противоположного направления. Держали нос по ветру).

На протяжении многих столетий риторика оказывала значительное влияние на поэтическое искусство. Мы знаем, что Расин, знаменитый французский драматург XVII века, проштудировал все «Формирование красноречия» Квинтилиана и составил тетради конспектов.

Но ни в одном парламенте речь не имела и не имеет столь большого значения, как в английском, именно со времен Ренессанса. Ряд великих ораторов – Питт, Фокс, Шеридан, Гладстон, Ллойд Джордж, Черчилль и Бевин проходит с тех пор до XX века. И сегодня Англия в еще большей степени, чем, например, Германия – страна речей и дискуссионных клубов.

Однажды английский историк лорд Актон полуехидно, полухвалебно высказался следующим образом: "некоторые нации платят чародею красноречия, однако Германия – «очарованию хорошего управления»".

И все же немецкая парламентская история насчитывает значительное число видных ораторов. Наиболее блестящим оратором XIX века является Ойген Рихтер Бисмарк. В бундестаге видными ораторами и полемистами были, например, Шумахер, Арндт, Хейнеман, Эрлер и Шмидт от Социал-демократической партии; Аденауер, Киссингер, Герстенмайер, фон Гуттенберг и Штраус от Христианско-демократического союза Христианско-социального союза и Делер от Свободной демократической партии.

Поучительно сравнить между собой, например, речи Бисмарка, Ллойд Джорджа, Бриана, Черчилля, Хеусса. Каждый обладал собственным стилем и тем не менее все они использовали такие средства, как образность, логика, повышение интереса к речи и так далее, которые ниже будут описаны подробно.

В этой книге история риторики лишь бегло очерчена. Подробное описание см. в разделе «Историческая часть» книги Уэдинга/Стейнбринка «Основы риторики»*, вышедшей в 1986 г.

Хотя в сегодняшние дни риторика чаще всего изучается на курсах с практическим уклоном (в объединениях по экономическому образованию, в народных университетах, на партийных семинарах и т. д.), однако в качестве специальной научной дисциплины высшей школы она преподается только в Тюбингенском университете*. Йозеф Коппершмидт жалуется в своей достойной внимания, но изложенной в тяжелом научном стиле книге «Общая риторика» (1976), что в основе «современной риторики» лежит «лишь ограниченное понимание риторики». Он имеет в виду сужение области изучения, отказ от обширных образовательных и теоретических притязаний античной риторики в пользу чисто прагматического подхода, ориентированного на практику обучения речи. Коппершмидт предложил идеалистический проект, который лишь в малой степени учитывает сегодняшнюю речевую практику, но, правда, пытается выработать «нормативную систему правил», «грамматику разумной речи».

История риторики учит, что при разработке структуры речи следует обеспечивать соответствие содержания и формы.

Комбинация «хорошая форма – плохое содержание» (как пример софистики) не достигает результата, как и другая комбинация: «хорошее содержание – плохая форма» (например,

глубокая книга Фихте «Речи и немецкая нация» так тяжеловесна по форме и стилю, что Якоб Гримм однажды пытался «перевести» ее на доступный немецкий язык. Сегодня некоторым научным трудам по риторике, несомненно, необходим Якоб Гримм…)

3.1.2 Тема

Разработать речь на общую тему зачастую труднее, чем на специальную, так как в первом случае возникают опасности многословия, пошлости, поверхностности и неоправданного обобщения. Часто задача ставится слишком широко. Речь идет о том, чтобы тему речи обозначить как можно точнее: она не должна быть слишком широкой, но и не быть слишком узкой или иметь неправильно расставленные акценты.

Правило 1. Каждое слово темы мы подвергаем проверке на точность смысла.

Правило 2. После разработки первой редакции ключевых слов мы анализируем, не слишком ли многое записано, не нарушены ли рамки поставленной задачи.

¦ *Формулировку темы лучше поискать попривлекательней, но не навязчивой. Главную часть можно дополнить подзаголовком. Эффективное средство привлечения внимания - постановка вопроса. Правда, на поставленные вопросы нужно также недвусмысленно ответить.*

Эффективнее заглавия «Захват власти национал-социалистами»* действует, например, постановка вопроса: «Как Гитлер пришел к власти?»

В любом случае важно, чтобы заголовок соответствовал содержанию речи. Слушатель должен знать, что его ожидает. Поэтому объявление о докладе нельзя делать двусмысленным или слишком общим. Так, однажды объявление, слишком общего характера, «Вечер с Германном Гессе» послужило причиной неудачи поэта. (Он очень забавно рассказывает об этом в новелле «Авторский вечер».). Жители маленького городка, непритязательные в литературном отношении, настроились на «смех до упаду» или полагали, что по крайней мере Германн Гессе споет им частушки под незатейливый аккомпанемент. Но он выдал «на потеху» новеллы и стихи. Спустя короткое время зал опустел. Профессор атомной физики также был в высшей степени удивлен, когда на его сугубо научный по содержанию доклад «Космические лучи» собрались только женщины. На рекламном плакате значилось: «Косметические лучи».

3.1.3 Основное в содержании речи

Вообще говоря, мы, как правило, различаем следующие

десять основных элементов, которые характеризуют хорошую речь: объективность, ясность, образность, целенаправленность, повышение внимания, повторение, неожиданность, смысловая насыщенность (различная), лаконизм (краткость) и, не в последнюю очередь, юмор (и его разновидности, такие, как острота и ирония).

Объективность

Объективность означает прежде всего максимально возможную степень правдивости и непредвзятости. Каждому оратору рекомендуется прочитать серьезное и тем не менее всем понятное высказывание Карла Ясперса* о софистике и сущности сообщения в его книге «Об истине».

Объективность означает глубоко согласованное, обусловленное существом дела, соединение содержания и формулировок речи, что не исключает элегантной отделки.

Сегодня мы предпочитаем в противоположность античной риторике «объективность, которая не нуждается ни в золотом шаблоне, ни в вычурности» (Науманн). Пафос чаще всего лишь фальшивая монета чувства. Упор на чувства что-то скажет слушателю лишь в том случае, если есть желание выразить или возбудить личное и искреннее сочувствие. С пафосом не говорят о цене сыра или выращивании кактусов.

Ни один оратор не позволит себе вообразить, что он абсолютно объективен и правдив. Мы все ошибаемся; мы намерены прикладывать много усилий, чтобы избежать ошибок. Наше знание, даже самое основательное, остается несовершенным. Кроме того, объективность характеризует сведения, которые я доношу до слушателей: что именно является констатацией фактов и взаимосвязей, а что – личным мнением и оценкой (например, объективное утверждение: Гамбург лежит на Эльбе. Оценка: Гамбург является самым красивым немецким городом).

Ясность

Старое правило утверждает: оратор должен говорить так, чтобы его не только можно было понять, но и невозможно было не понять. В ясной и четкой речи нет места какому бы то ни было недоразумению. (Мольтке в 1870 г. своим офицерам сказал: «Приказ, который может быть неправильно понят, всегда и понимается неправильно». Это справедливо также и для утверждений, высказываемых в речи.)

Теодор Хеусс стремился лишний раз просмотреть наброски речей, чтобы упростить формулировки, если они казались ему высокопарными. Этот процесс он называл «избавлением от

Хеусса», как об этом сообщает его племянница Нанна Фрейлингхаус в рассказах о Хеуссе. Правда, нередко неясность даже входит в «систему» оратора. К сожалению. Иногда умалчивают или говорят неясно, потому что хотят скрыть свое истинное мнение. Фридрих Науманн сказал о «сбросе балласта»: «Сбрасывать нужно все, что не соответствует ясному мышлению, хотя подлежащее сбрасыванию может быть очень привлекательным. Отсекайте все, что трудно понять слушате- лям. При этом не слишком дорожите своими собственными пристрастиями. Ведь оратор говорит не для себя, а для других».

«Непонятное» не означает исполненное глубокого смысла. Пауль Хейсе иронически рекомендует: «Учитесь упражняться в тех уловках, которые вам обеспечат успех; в мелких местах нужно мутить, чтобы думали: вода глубока».

Многие недоразумения возникают из-за путаницы в понятиях. Некоторые слова и понятия многозначны их мы уточняем с помощью определений.

Пример многозначности слов: понятие «демократия» по-разному понимается в Западной и Восточной (народная демократия) Германиях. Если в дискуссии каждый участник не представит свое определение, то дальнейшее обсуждение вопросов неплодотворно, так как неясны основные положения.

В основе некоторых недоразумений – многозначность употребляемых слов. Поразительный пример приведем из событий последней мировой войны: английский министр Антони Идеи во время выступления по радио сердито отбивался от обступивших его фотографов со словами: «Don't shoot, please!», что, означало: «Не фотографируйте именно теперь, когда я должен сосредоточиться»(shoot – стрелять, фотографировать, *прим. перев.)*. На следующее утро немецкое радио, торжествуя, сообщило, что на Иде-на, английского военного министра, было совершено

покушение. Мы опять и опять констатируем: при многозначности слов мы невольно выбираем те значения, которые соответствуют нашим субъективным желаниям. Само собой разумеется, что для ясности речи существенна логика. Мы обращаем внимание на логическое соединение деталей и основных положений, равно как и на кристальную ясность выражения.

Что касается ясности и понятности, то риторические возможности многих преподавателей высшей школы оставляют желать лучшего.

Лекции одного преподавателя химии из Риги студенты плохо понимали. Он говорил невнятно, путано, растягивая слова так,

что слушатели приходили в отчаяние. Его преемником, напротив, был блестящий оратор и педагог. После первой же лекции один польский студент заметил: «Надо отдать должное новому профессору: химия сама лезет в голову!»

В письме студента Й. Б. Германна к приятелю Жану Паулю так рассказано о знаменитом профессоре математики Геттингенского университета Абрахаме Готтхельфе Кэстнере (1719 – 1800). «Доброжелательность своих слушателей он поддерживал своеобразным образом. Кэстнер – человек старого закала. Его лекции никто не хвалит, потому что для тех, кто математику понимает, они слишком пространны, а для начинающих – слишком тяжелы, он использует строгие методы доказательства, чтобы сделать понятными арифметические или геометрические определения, и, разумеется, продолжает это до тех пор, пока сам не устанет. Поскольку сам он понимает, но преподнести математический метод в занимательной форме не может, то усердно заботится о том, чтобы на столах лежало определенное количество книг (ведь не все слушатели могут (!) разогнать скуку во время его лекций). Это, например, могут быть книги басен с гравюрами на меди, описания путешествий, Вергилий с гравюрами на дереве и многое тому подобное…»

Образность

«Образное представление – фундамент всех позна-ций» – так написано в 9 письме Песталоцци «Как Гертруда учит своих детей». Это справедливо не только в отношении детей, но и взрослых.

Точным, но малонаглядным образом философ Кант определяет значение образного представления: «Мышление без содержания пусто, образное представление без понятия слепо. Следовательно, необходимо создавать свое понятие, сообразуясь с чувственным ощущением, то есть в наглядном представлении соотносить понятие предмету, а это означает – приблизить образное представление к понятию». Англичане, например, склонны к образной манере речи, они приводят сравнения, описания и т. д.

Следующее средство представиться слушателям и внушить им доверие – дать беглые сведения о себе самом, которые оратор скупо роняет в речи тут и там. Короткие истории, связанные с лично пережитым – излюбленные приемы в речах британских государственных деятелей. В известной мере подход основан на чрезвычайном интересе британской общественности к личной жизни действующего лица (Хуго Фишер).

Французы больше любят кристальную ясность рационализма.

Мы, немцы, в нашей манере речи тяжеловесны и абстрактны в большей степени, чем наши западные соседи. (Специалист по эстетике Вишер в забавной манере наглядно показывает суть различных языков. По его мнению, французский язык напоминает ликер и бисквит, итальянский – красное вино и апельсины, голландский – «настоящую селедку», а немецкий – хороший ржаной хлеб и пиво.)

Старания многих немецких ораторов в этом отношении совершенно очевидны: «Как я мог сказать так – наспех, предельно непонятно, отстраненно, высокомерно и тяжеловесно»? (Веллер).

¦ *В хорошей и действенной речи отвлеченные* ***и*** *образные мысли соединены друг с другом.* Речь, состоящая из сухих слов и бесцветных выражений, скучна и пресна, как несоленый суп. Как правило, речь развивают от наглядного представления (образ, сравнение, рассказ и так далее) к понятию. Абстрактные понятия без фундамента образов редко остаются в памяти. (Польский политик Циранкевич в 1956 г. выступил против сталинистов, которые не выясняли причины нарушений, а искали виновных. Он сказал: «Если кто-то боится малярии, то должен не комаров ловить поодиночке, а осушить болото».

Наглядны характерные детали; абстрактны в сравнении с ними суммирующие обобщения. Прежде всего нужно запастись цифрами. Никто не может удержать в памяти дюжину чисел, но это удается, если представить их,- наглядными. «Хотя нет нужды удерживать в памяти малейшие детали, как при утомительном счете, однако речь без определенных деталей недейственна и тускла», – констатирует Гамильтон. С помощью выразительных средств динамичным и жизненным предстает самый сухой и скучный материал. Для оратора также справедлив рецепт Вольтера: «Умелый повар даже из самой жесткой подошвы приготовить вкуснейшее блюдо».

Целеустремленность

Оратор постоянно думает о том, что нужно достичь главного пункта. Каждая речь, а особенно речь с выражением мнения, достигает кульминации в «целевом предложении» или в небольшом числе выражений, содержащих основные мысли.

¦ *Целевое предложение и эти выражения должны многократно повторяться в одной и той же, а также в различных формулировках. Формулировки целевых и ключевых предложений должны легко запоминаться.*

«Нельзя слишком многого желать от одной речи! Мысль, которая запечатлена в памяти, лучше пятидесяти, которые в одно ухо вошли, а в другое вышли. Лучше крепко вбить *один* хороший

гвоздь, чем слабо воткнуть дюжину канцелярских кнопок, которые выскочат в течение часа» (Спэрджен).

Диалог после доклада:

– Как долго говорил оратор?

– Два часа.

– И о чем он говорил?

– Этого он не сказал…

Каждая речь содержит несколько «красных мест», которые остаются в памяти слушателя. Действие хорошей речи не исчерпывается одним мгновением: порой она волнует людей долгое время. Мы концентрируем внимание на важнейшем, характерном и опускаем все несущественное. Вычеркиваем все, что мешает главному. Ничего нет хуже, чем обременительный груз мыслей, которые слушатель не в состоянии переработать. Non multa, sed mul-tum dicere – немногим, но многое сказать.

Повышение напряжения

Оратор не просто сообщает факт за фактом, одну фра-' зу сменяет другой, но настраивает речь на повышение напряжения. Мы заботимся о напряжении и кульминации; при разработке речи мы посвящаем им особое внимание: кульминационный пункт должен быть хорошо сформулирован заранее. Повышение напряжения в речи внутренне обусловлено и органично, а не внешний и «рассчитанный на успех прием». ¦ *Повышение напряжения является первым формати-, рующим параметром речи. Стремятся к более крутому подъему напряжения - от вступления до заключения.* Лидер французских социалистов Жан Жорес говорил настолько увлекательно, что однажды даже стенографистки забыли записать его речь.

Но что сделать, если слушателям скучно? Что посоветовать? Вот как поступил Хрущев. В 1964 г. в Дании на официальном приеме он прикрепил крохотный радиоприемник на отворот пиджака датского премьер-министра Крага, а в уши воткнул ему миниатюрные устройства для воспроизведения звука. Краг услышал музыку. Хрущев: «Это хорошо, если на официальных торжествах во время речей скучно». Краг остроумно ответил: «Все же я не хотел бы им воспользоваться сегодня вечером, когда Вы будете говорить».

Повторение

¦ *Повторение оратором основных мыслей имеет большое значение, так как содержание речи слушатель запоминает.*

Речь должна быть, как алмаз, который рассматривают, медленно поворачивая в руках. При этом суть сохраняется, изменяется только внешность (варианты основных мыслей). Подумаем о том, что оратор затратил много трудов и усилий,

чтобы содержание речи ясными деталями и связями дошло до сознания слушателей. Слушателей же мы считаем способными на непосильный труд справиться со всем этим за *один* час. Выступая, мы должны помочь им, используя не только выразительные средства, но и многократное повторение существенного. Искусное повторение способствует более глубокому внедрению высказываемых мыслей в сознание слушателя.

Неожиданность

Признаком искусного в психологическом отношении стиля речи является оправданная по смыслу, но неожиданная и нетрадиционная связь деталей. Например, мы связываем факты самым неожиданным образом.

¦ *Неожиданность* ***является*** *фактором, повышающим напряжение.*

Но мы не смешиваем эффект неожиданности с фабрикацией сенсаций. Серия чрезмерно обостряющих внимание «шоков» действует на большинство слушателей отталкивающе.

Смысловая насыщенность

Оратор обращает внимание на смысловую насыщен ность речи: в разных частях речи она различна. Материал, постоянно концентрируемый в тесном временном отрезке, да к тому же, возможно, еще и нелегкий для понимания, не будет воспринят слушателем. (Особенно следует предостеречь от избытка цифровой информации «из лучших побуждений»!) Вниманию слушателей дается передышка. Поэтому мы меняем манеру речи: она то насыщена информацией, то разрежена. Ни в коем случае нельзя *каждое* предложение нагружать «тяжелой для слу-шателя пищей»; в этом случае речь легко становится собранием головоломок.

¦ *Нельзя сложные понятия давать концентрированно.* На то, что мне ясно может быть после длительного обдумывания, слушателю требуется время.

Лаконизм (краткость речи)

Это очень важная глава. «Тайна скучного состоит в том, чтобы сказать все» (Вольтер). В одном докладе мы никогда не исчерпаем нашу тему, а только исчерпаем терпение наших слушателей. Совет Лютера молодому проповеднику: «Коль поднимаются, да рот пошире открывают, то люди уши затыкают. За четверть часа напроповедуют гораздо больше, чем сделают за 10 лет. Если почувствовал, что люди слушают прилежнее, тут же заканчивай свою проповедь. Вот тогда у тебя будут слушатели». Лютер отвергал риторику, как стремящуюся искусно приукрашивать дела словами. Он выступал против многословного

краснобайства и в одной застольной речи сказал: «Если занимаются риторикой и употребляют много слов, не имея фундамента, значит, за этим ничего нет, это только разукрашенная вещь, вырезанный и размалеванный идол».

Различие между скупой на слово диалектикой и многословной риторикой Лютер показал на следующем примере: «Диалектика говорит: дай мне есть; риторика говорит: я весь день шла трудной дорогой, я устала, больна, голодна и так далее, мне нечего есть; дай мне хоть кусочек мяса, хорошо прожаренного, дай мне выпить кружку пива».

Марк Твен рассказал: однажды ему так понравился миссионер-проповедник, что он решил пожертвовать ему доллар. Проповедь длилась уже час, и Марк Твен понизил свое подаяние на половину доллара. Проповедь продлилась еще полчаса, и он решил, что не даст ничего. Когда священник спустя два часа наконец закончил, Марк Твен взял доллар с тарелки для подаяний, чтобы компенсировать свою потерю времени.

Древние спартанцы были врагами многословия. Однажды в голодное время посланец другого города долго просил мешок зерна. Спартанец отказал ему: «Мы забыли начало твоей речи, а потому не поняли ее конца».

Второй посланник показал пустой мешок и только сказал: «Вы видите: он пуст; пожалуйста, положите в него хоть что-нибудь». Спартанец исполнил желание, но не без поучения: «В следующий раз говори короче. Что мешок пуст, мы видим. О том, чтобы его наполнить, можешь не упоминать».

«Берегись многословия!» Это последнее высказывание справедливо и сегодня. «Чтобы быть скупым на слова, нужно овладеть полнотой понимания. Но эта полнота достигается долгим упорным размышлением, которое предки называли медитацией»(Науманн).

¦ *«Истинное красноречие состоит в том, чтобы сказать все, что необходимо; но сказать только то, что необходимо» (Ларошфуко в своих «Максимах»).*

Многословие равнозначно скуке. Самая сокрушительная критика речи, какую я знаю, заключена в одном предложении: «Доклад начался в восемь, когда в одиннадцать я взглянул на часы, была половина девятого» Скучного оратора не ценили никогда и нигде. «Дорогой друг, – ехидно сказал политический противник чрезмерно молчаливому Шефтсбери (1671-1713). – Вы не раскрыли рта ни на одном заседании парламента!» «Вы ошибаетесь, дорогой друг, – парировал Шефтсбери невозмутимо. – Пока вы говорили, меня одолевала зевота».

Из Аргентины сообщали (1962), что политик Луис Мигель

вызвал одного врача на дуэль – драться на саблях. Причина: Мигель узнал, что медик прописывал своим пациентам его речи в качестве снотворного.

У одного британского премьер-министра во время скучной речи закрылись глаза. Оратор: «Мне кажется, досточтимый премьер-министр заснул». Тот медленно открыл глаза и тяжело вздохнул: «Как бы я хотел, чтобы так и было».

И сегодня в некоторых странах практикуются усыпляющие длинные речи. На партийном съезде христианских демократов в январе 1962 г. в Неаполе секретарь партии Моро говорил в течение шести часов. Рекордсменом «долгих речей» в Германии стал депутат Антрику: в 1911 г. в рейхстаге он держал восьмичасовой ораторский день. Но потом этот рекорд побил его австрийский коллега Лехер, который «без точек и запятых» в рейхстаге на земле прекрасной Вены говорил в течение 14 часов. Чтобы избежать дальнейших рекордов, ограничили время выступления.

Говорят, скорее всего шутливо: оратору позволено говорить обо всем на свете, но только не больше часа. И евангелист Матфей предупреждает, цитируя речь

Христа к фарисеям: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день страшного суда» (Матф. 12, стих 36).

Можно говорить гораздо короче и выразительнее, чем мы думаем. Речь не должна подменять книгу. Мы легко вкладываем в речь слишком многое. Длинная речь не всегда результат многословия оратора, но очень часто – результат недостаточной подготовки.

«Это письмо длиннее обычного, потому что у меня не было времени сделать его короче», – признался однажды другу Паскаль. Вместо «письмо» зачастую можно сказать «речь».

И подумайте при составлении речи о старой театральной мудрости: то, что вычеркнуто, провалиться не может.

«Говори кратко!» – так написано в кабинках для телефонов. Это напоминание следует не только вывешивать в залах заседаний, но и принимать во внимание самым серьезным образом.

Юмор, остроты, ирония

Священник-доминиканец Рохус Шпикер пишет, что некоторые люди используют серьезность как фальшивую бороду, для маскировки, и продолжает: «В красном словце, которое проскользнет в разговоре, заключено больше ума и сердца, чем в иной вычурной фразе, сакраментальная ценность которой – лишь декорация.

¦ *Острота освещает глубже, чем трагическая серьезность.*

Фраза, брошенная со смехом, может беззвучно плакать. Конечно, нам, немцам, постичь это трудно. Итак, пожалуй мы и дальше будем искать мудрость за фальшивой бородой»,

Шпикер совершенно прав: часто мы стараемся решить проблему слишком односторонне – с помощью наморщенного лба и напряженной серьезности. Во время речи (разумеется, не надгробной) прямо-таки необходимо, чтобы слушатели могли улыбнуться или как следует посмеяться. Юмор и остроты будоражат и оживляют, если они не слишком натянуты.

¦ *Юмор и шутки особенно необходимы, когда трудные места речи уже позади.*

После тяжелых пассажей слушателям нужно перевести дух, лучше всего с веселой шуткой, «причем при смехе важны и внутреннее веселье и внешнее освежающее действие благодаря дополнительному кислородному обмену» (Эндрес). «Смех – выражение некоторой приятности ощущений» (Буш). Имеется, например, протокол речи Бисмарка, в котором не раз отмечено «оживление в аудитории».

Юмор, в основе которого сердечность, несомненно эффективнее, чем острота, основанная на интеллекте. «Острота доказывает не более, чем остроту ума, в юморе проявляется избыток душевности» (Вильгельм Пиндер). Людвик Райнерс описывает различие между остротой и юмором следующим образом: «Острота высмеивает, юмор смеется. Острота умна, юмор полон любви. Острота сверкает, юмор излучает тепло. Острота разоблачает несовершенство мира, юмор помогает нам преодолевать его».

Юмор – лучшая приправа к горькой действительности, чем сухость и конструктивность. Один анекдот может охарактеризовать человека лучше, чем целая биография. «В трех анекдотах можно дать образ человека» (Ницше). Только анекдоты не просто кое-где вставить в речь, как это бывает, но заранее обдуманно запланировать. Острые пункты речи также должны быть тщательно отточены.

Нередко смешат нечаянные шутки. Их причиной является способ выражения, вызывающий недоразумение. Два примера из недавнего времени: Федеральный министр почтовой связи Штюклен в бундестаге провозгласил, вызвав общее веселье: «Die ledigen Postbeamtinnen liegen mirganz besonders am Herzen.» (игра слов: меня особенно тревожат вакансии для почтовых служащих-женщин мне особенно по сердцу холостые почтовые служащие-женщины).

Политик в области культуры Пауль Микат сказал в

дюссельдорфском ландтаге в речи о проблемах школы: «Холостяки, как известно, не имеют детей…» Смех депутатов. Микат: «Господа, вы смеетесь преждевременно, я хотел сказать…, которых бы они посылали в школу!» Зачастую в парламентской жизни шутки смягчают напряжение. «Не правда ли, господин Реннер, если вы придете к власти, то вы меня повесите, – сказал однажды Аде-науер известному коммунисту. Тот на это: «Конечно, господин Аденауер, но со всем почтением».

Едкая ирония, безжалостная насмешка, злой сарказм не / всегда применимы. Кто не знает эти небрежно бросаемые недосказанности, вызывающие смех друзей и бешенство противников? «Господин министр, я только что услышал Вашу речь, однако теперь шутки в сторону…»; или (из речи адвоката перед судом): «…если мы откажемся от какой бы то ни было логики и примем во внимание только мнение прокурора…» Вот один политик кричит своему оппоненту: «Если Вы соглашаетесь со мной, я чувствую, что я сказал что-то неверное». Это все может быть очень остроумным, но иной раз действует даже разрушительно, так как легко уводит от конструктивных положений.

Но находчивость в импровизации действует как освежающий бриз.

Ирония и насмешка особенно действенны, когда оратор подвергает им и себя самого. Отпускать шутки на свой собственный счет означает действовать, управляя собой, (например, это может быть рассказ о комической или неловкой ситуации, участники которой смешны слушателю. Что-нибудь в этом роде понравится любому).

Существенным элементом многих речей является выполнение доказательств. Я проработал эти вопросы в моей книге «Школа дебатов»*

3.1.4 Стиль речи – стиль письма

Одно старое изречение гласит: «Это противный недостаток, Если человек говорит, как книга. Ведь хорошо читается любая книга, Которая говорит, как человек».

Современный литературный немецкий язык вначале был письменным**, а не разговорным языком. Сегодня нас иногда раздражает канцелярский стиль, безгранично раболепный, напыщенный, вычурный, неестественный. Время от времени он очень обесцвечивает разговорный язык, действуя не в его пользу. «Нельзя забывать, что первична устная речь, а письменность – это вспомогательное средство, которое преодолевает непостоянство звучания речи» (Христиан Винклер).

Английский парламентский деятель Фокс обычно спрашивал

своих друзей, если они читали его опубликованные выступления: «Речь читалась хорошо? Тогда это плохая речь!»

«Некоторые удивительно хорошо прозвучавшие речи, прочитай мы их на следующий день в газетах или в парламентских протоколах, сгинули бы в прахе забвения» (Хайнц Кюн). Карл Маркс, например, обладал большой остротой мышления, но не был хорошим оратором. «Написанное» может быть насыщенным по смыслу; в крайнем случае, если мысль неясна, можно повторить чтение. «Речь – не письмо» – кратко и твердо сказал специалист по эстетике Ф. Т. Вишер.

Речь не тождественна тексту, который произносит оратор, так как речь воздействует на слушателя не только содержанием и формой, но всей манерой выступления. Речь взаимодействует между оратором и слушателем; создается для определенного мгновения и направлена на определенный состав слушателей. Сама по себе написанная речь действует как еда, о которой только что рассказано.

Следующий обзор выражает некоторые различия между звучащей речью и речью записанной.

Звучащая речь

· Действие через содержание и выступление

· Ограничение в отборе фактов и мыслей

· Редакция ключевых слов с возможностью их вариации, (остается пространство для спонтанных идей; фиксируются только обороты, требующие особой точности

· Больше повторений и обобщений, чем в «письме», так как у слушателя нет возможности навести справки.

· Зависимость от момента произнесения

Записанная речь

· Действие только через содержание

По возможности полное и

и законченное выражение

замысла

· Однократная и точная

фиксация; предельная

стилистическая шлифовка

· Большее напряжение в манере изложения; меньше повторений и обобщений, так как у читателя есть возможность навести справки. «Написанное» читатель имеет в своем

речи; однократное исполнение.

· Обращается в первую очередь к определенному обществу распоряжении, так как оно не связано со временем и однократностью исполнения. Обращается в первую очередь к неопределенному читателю.

(Впрочем: сегодня, напротив, письменная речь заимствует многое прежде всего от устной речи. Спонтанная, гибкая и оживленная устная речь может быть плодотворнее, чем зачастую сухой и безжизненный текст.)

3.2 О структуре (план речи)

Иоганн Готтфрид Гердер писал (в 45-м теологическом письме): «Я охотно прощаю все ошибки, кроме ошибок в последовательности частей речи». И Шопенгауер констатирует: «… немногие пишут так, как строит архитектор, который заранее составляет план и продумывает все вплоть до деталей, большинство же, напротив, действуют будто играют в домино». Это точно. При игре в домино кости кладут так, как они подходят в данное мгновение, без обозрения возникающего строения как целого. Многие ораторы также поступают с частями своих речей. К сожалению.

Никто не строит дом без плана. И речь никто не строит без разработки ее структуры. Речь – не сумма деталей, у нее продуманная внутренняя структура.

Мы различаем два аспекта структуры: план (основная структура) и план деталей. Для речи справедливо то же, что Рудольф Энгельгардт сказал в своей книге «Веселый экзаменационный молитвенник» (Эссен, 1962): «Книги с малым числом разделов подобны плохо проветренной комнате. Они вызывают заболевания органов дыхания». А также: «В них – бес высокомерия. Мол, мне, автору нет нужды оглядываться на моего читателя».

Уже тогда, когда мы собираем материал и производим его отбор, мы с «величайшим старанием» заботимся о его наилучшей структуре. Это редко удается с первого раза. Постоянно обдумывают возможность улучшения структуры. Схемы, которая подходила бы для всех речей, не существует. Но следует соблюдать некоторые принципы.

Построение деталей должно быть:

• логически правильным и искусным с точки зрения психологии;

• обозримым;

• продуманным в отношении увеличения напряжения.

• *Соблюдаем в речи и в плане известное правило трех частей (введение – главная часть – заключение).*

Введение является одновременно настройкой на слушателей. Основной отрезок речи образует главная часть (главная тема и «ключевые мысли»; объяснение, пример, следствие, доказательство). Заключение содержит обзор, кульминацию, окончание.

Хотя мы не ставим вопрос, как это делали в древности, однако во многих случаях для речей с выражением мнения очень полезным показал себя следующий план (следуя Р. Виттзаку).

Введение и главная часть должны дать ответ на следующие четыре вопроса:

Введение.

1. Почему я говорю?

Главная часть.

2. Каково существующее положение («Что было, что есть?»)

3. Что должно быть вместо этого?

4. Как можно изменить существующее положение? Заключение содержит побуждение к действию: идти путем, о котором узнал оратор, и таким образом изменить существующее положение.

Разрабатывая структуру, думают о возможности эффективного воздействия главных мыслей на слушателя. Если их несколько, то каждой из них отдельно мы посвящаем отрезок речи, после чего соединяем отрезки друг с другом.

(Руссо полагал, что только любовные письма позво- лительно начинать, еще не зная, что собственно сказать; в таком случае их можно и заканчивать, не очень думая о том, что сказано).

Мы выделяем отдельные части нашей речи, однако переходы не должны быть внезапными. При наличии взаимосвязанных частей обеспечивается плавность перехода от одной части к другой. Если тем много, слушатели будут признательны, если сообщим, какие темы мы рассматриваем. Квинтилиан сказал, что такие объявления действуют, как придорожные камни; они указывают путнику, сколько ему предстоит пройти.

¦ *Подумайте: высокая степень эффективности речи зависит от искусной организации ее структуры.*

3.3. О стиле речи (формулирование)

3.3.1 Общая часть

Химик Вильгельм Оствальд сравнил однажды язык **с** транспортным средством. Он писал: «Язык является транспортным средством; так же, как поезд везет грузы по железной дороге из Лейпцига в Дрезден, так язык транспортирует мысли от одной головы к другой». Это сравнение представляется метким, особенно для языка, который никогда не является эстетической самоцелью, но всегда служит для передачи фактов и мыслей.

Общий стиль речи (выбор слов, построение предложений) должен быть по возможности ясным, обозримым, гибким и

«адекватным». Он не стремится к литературным высотам, но и не срывается в бездну вульгаризма.

Не соответствует ему лакированный язык школьных сочинений. В наши дни большой симпатией пользуется *возвышенная манера беседы,* очень популярная в докладах и речах для узкого круга. Важно стремиться к «адекватному стилю речи: он должен соответствовать реальному содержанию. Вместе с тем некоторым ораторам хочется напомнить ответ Готфрида Келлера молодому писателю-романисту на просьбу оценить книгу: «Сударь мой, Ваш стиль *адекватен,* но Ваша книга бесполезна».

Общий стиль языка не может быть охвачен правилами почти полностью. И тем не менее есть стилистические средства, которым, пожалуй, можно дать стабильную оценку (хорошее, полезное, плохое) и с которыми в последующем нужно поступать соответственно. Впрочем, именно общий стиль речи обеспечивает оратору обширное «игровое пространство».

¦ *После многочисленных «тренировок» развивается индивидуальный стиль речи.*

Что может быть скучнее однотипно звучащих речей, которые произносят обучающиеся. Каждый оратор приобретает свои личные ноты. «Стиль является физиономией духа, вернее телесной оболочкой», -. пишет Шопенгауэр, и продолжает: - подражать чужому стилю – значит носить маску».

3.3.2 О стиле речи оратора

«В начале сотворил Бог небо и землю. И была земля необитаема и пуста, и было темно над бездною, и Дух Божий парил над водою». Так пластично перевел Лютер начало Библии. Что бы мы сказали, опиши он создание земли примерно следующим образом, растянуто и с использованием множества «застывших» существительных: «В начале со стороны Бога последовало сотворение как неба, так и земли. Последняя была необитаема и пуста, и стояла над всем этим тьма, и над водою имело место парение Духа Бога».

Мы, немцы, особенно страдаем от неумеренного употребления имен существительных и от недостатка глаголов. Существительные зачастую способствуют «окостенению», глаголы, напротив, подвижны и гибки. Там, где это возможно, мы с помощью глаголов вносим подвижность.

Канцелярский и юридический (крючкотворский) немецкий язык еще и сегодня вычурен и тяжеловесен. Людвик Райнерс в виде шутки знаменитое изречение Цезаря «пришел, увидел, победил» перевел на подлинный бюрократический немецкий язык: «После достижения здешней местности и ее осмотра мне представилась возможность добиться победы». В оригинале мы

находим: три глагола, никаких существительных – наглядно, точно, неотразимо. Напротив, в канцелярском немецком стоят: один мертвый глагол, пять существительных – абстрактно, скрюченно, скучно.

Сегодня вряд ли еще говорят «доказать», но сплошь и рядом слышишь «привести доказательство». Нам лучше говорить «провести» вместо «придти к проведению», «отменить» вместо «прийти к отмене», «предложить» вместо «внести предложение».

Почему нужно вновь и вновь произносить «правительство отдало распоряжение» вместо «правительство распорядилось»? Ведь это короче, яснее, понятнее.

Широко распространено употребление «метких словечек». Эрих Драх полагает: «Меткое слово является необходимым инструментом ораторского ремесла. Тот факт, что их могут необоснованно употреблять во зло, не устраняет их необходимости».

Зачастую меткое выражение может быть одной фразой; оно может произвести риторический фурор, в основе которого лежит необыкновенно точная мысль, высказанная в выразительной, зажигательной форме.

Многие меткие слова и выражения благодаря своему хорошему или плохому воздействию вошли в историю. Таково меткое высказывание Бисмарка о «почтенном посреднике» между государствами, а также высказывание Бетмана Холлвега о «клочке бумаги», которым он в 1914 г. назвал договор о нейтралитете Бельгии. Это высказывание Ллойд-Джордж назвал (в одной из речей) самым действенным метким выражением времен первой мировой войны; оно доставило Германии бесчисленных врагов. Немецкий император Вильгельм Второй (одаренный, но не владевший собой оратор) своими меткими словечками, сказанными в аффекте бряцания оружием, также вызывал за рубежом большое недовольство («Наше будущее лежит на воде»). Я хочу с помощью этих немногочисленных примеров сказать лишь о том, как легко меткие слова могут стать роковым паролем. Так обстоит дело не только в большой политике, но и в любой сфере деятельности. Шаблонный формальный язык сегодня иной раз характерен для речи с идеологической направленностью.

К сожалению, часто используют много неопределенных, «стертых» слов и выражений, таких как «высший класс», «мило», или «это вещь», «дело». Следует отыскивать близкие по смыслу слова (синонимы), которые вносили бы ясность и разнообразие. Прежде всего остерегаются чересчур большого числа прилагательных, предназначенных для украшения. С другой стороны, обилие существительных без определений делает речь

бедной и сухой. Мы помним о том, что многие слова имеют эмоциональную окраску. Есть разница между выражениями «высказывать умные вещи» и «болтать об умных вещах»; между словами «дама», «женщина» или «баба»*. (Приглашение на торжественный вечер для военных гласило: «От всего сердца приглашаются офицеры со своими почтенными супругами, унтер-офицеры со своими супругами, рядовые со своими женами».) «Лик», «лицо» и «харя» обозначают одно и то же. Но какое различие в значении! Никто не скажет «лик преступника», никто не скажет и «физиономия Шиллера».

Марк Твен однажды сказал: «Различие между правильным и почти правильным словом, как между молнией и светлячком». Вместо формулировки: «Над горами больше не дует ветер» Гете предпочел написать: «Горные вершины спят во тьме ночной».)

Один иностранный посланник пожаловался своему шефу на то, что немецкий язык чрезвычайно труден; зачастую два слова обозначают одно и то же: speisen – es-sen (есть), schlagen – hauen (бить), springen – hupfen (прыгать, скакать), senden -schicken (посылать). Министр ответил, что немецкий язык еще намного сложнее, чем это представляется господину посланнику: «Можно сказать: die Volksmenge isst (толпа ест), но нельзя вместо isst употребить speist; можно сказать: die Uhr schlagt(часы бьют), но нельзя вместо schlagt употребить haut, можно сказать: die Tasse springt (чашка подскакивает), но нельзя вместо springt употребить hupft, – и Вы тоже являетесь посланником, Gesandter (от слова senden), но никак не Geschickter (от слова schicken)!» Если выбор слов осуществляют недостаточно тщательно, это может стать причиной недоразумений и беспрерывных споров. Столько многозначных слов; «на некоторых, таких как "форма", "идеализм"…лежит пыль теорий и заблуждений столетней давности, они покрыты слизью и спутаны, и едва ли возможно отследить все запутанные разветвления значений… Здесь благодать не только тем лишенным ясности умам, которые охотно бродят на ощупь в густом тумане мыслей, но также и всем софистам и пустозвонам, желающим ловить рыбу в мутной воде» (Эрдман).

Употребление превосходной степени очень быстро сходит на нет. (Впрочем, оно легко вызывает возражения, как это заметил еще Бисмарк.)

Осторожнее с сокращениями слов. В джунглях сегодняшних списков сокращений многие читатели с трудом находят требуемое. Страсть к сокращениям процветает повсюду.

Слова-вставки и звуки, свидетельствующие о затруднении (а, ох, не) у ораторов всегда на старте. Между ними прокрадываются

целые легионы таких словечек: «не правда ли?», «естественно», «н-ну», «н-да» и так далее. Ни один оратор не может от них избавиться полностью, но тем не менее каждый должен себя контролировать.

Как часто слышишь в телевизионных интервью грамматически неправильные слова и выражения.

Повторы слов, если они следуют непосредственно, производят впечатление неуклюжести. Как часто мы слышим высказывания наподобие следующего: «В качестве примера я хотел бы привести следующий пример: например, пример Англии…»

¦ *Мы обладаем большим пассивным запасом слов, которые понимаем, но гораздо меньшим активным запасом слов, которыми пользуемся.*

Слова иностранного происхождения

Некоторые слова иностранного происхождения при их попытке перевести на другой язык становятся очень неуклюжими.

Так полагает и Шопенгауер, когда пишет: «Для некоторых понятий только в *одном* языке находится слово, которое заимствуют потом другие языки: таковы латинское «аффект», французское «наивный», английское «джентльмен» и многие другие. Подчас чужие языки выражают новые понятия даже с нюансами, которых собственный язык не имеет, и вместе с которыми мы теперь и это понятие воспринимаем. И тогда каждый, кого беспокоит точное выражение своих мыслей, применит это слово другого народа, не обращая внимания на выдумки педантичных пуристов».

С большим темпераментом выразился и Якоб Гримм в книге «О педантизме в немецком языке» (малый трактат 1): «Германия имеет обыкновение создавать рой пуристов, которые, подобно мухам, садятся на краешек нашего языка и тонкими щупальцами ощупывают его. Будь по их желанию…, так вскоре наша речь кишела бы жуткими образованиями вместо простых и естественных слов иностранного происхождения.

Сегодня мы смеемся над потерпевшими неудачу поборниками немецких слов. И тем не менее благодарны таким людям, как Цезен и другим за слова, сохранившиеся в немецком варианте: свобода совести, страсть, договор, автор, трагедия, ученик (в профессиональном обучении).

Мы установили, что многие из предложенных в конце 19 века онемеченных слов добились признания; соответственно, сосуществуют сегодня, например: билет – проездная карточка (Fahrkarte); аэроплан – самолет (Flugzeug); дефицит – недочет (Fehlbetrag); декрет – постановление (Verfugung); емкость

(Kapazitat) – вместимость (Fassungsfermogen). С другой стороны, попытки перевода иностранных слов сегодня вызывают лишь улыбку.

Современному оратору рекомендуем придерживаться следующего правила: не употреблять слов иностранного происхождения, если *их легко* заменить немецкими словами.

Правильно говорят: употребление иностранного слова – это дело удачи. Даже в двух отношениях. Во-первых, правильно ли оно употреблено, во-вторых, понятно ли слушателю. Есть много иностранных слов, которые то и дело встраиваются в структуру нашей речи. В особенности они приобретают «хозяйские права» в качестве специальных выражений. Прежде чем употребить иностранное слово, оратор должен себя спросить, понятны ли специальные выражения также и слушателю. Лучше объяснить понятие подробнее, чем в недостаточной степени, в противном случае слушатели перестают понимать и слушать. В качестве негативного примера я приведу телевизионную передачу в апреле/мае 1986 г. Ученый-физик говорил о последствиях радиоактивного загрязнения после аварии на Чернобыльской АЭС. Его задача – разъяснить немецкому населению опасность случившегося. По большей части понимание достигнуто не было: речь изобиловала специальными терминами, которые не объяснялись или объяснялись не в достаточной мере, или объяснение давалось слишком быстро. При этом некоторые иностранные слова казались легко переводимы, но говорилось Containment вместо «защитная оболочка», профилактика вместо предупреждение, а шпинат, почва или целые регионы были контаминированы вместо «поражены» радиоактивностью, что было бы понятно каждому. Всегда избегать иностранных слов не следует, но употреблять их в речи нужно сдержанно, не давая «буйно разрастаться» в языке.*

¦ *Главное правило выбора слов гласит: просто, точно, наглядно и разнообразно.*

«Заботьтесь о том, чтобы Ваши мысли имели хорошую упряжку слов»(Спэрджен).

Тайна хорошего оратора: берет обыкновенные слова и произносит необыкновенную речь.

3.3.3 О стиле предложений

Что такое предложение? В языкознании мы находим сотни определений. «Предложение является выражением одно- или многосоставного содержания мысли, с помощью высказывания, то есть фиксации слов»(Мориц Регула).

Ученый-языковед Ричард Мейер дал следующее разъяснение: «Под предложением мы понимаем полностью понятный (без

всякого дальнейшего разъяснения) отрезок речи. Мы не предъявляем к предложению никаких специальных синтаксических требований: одного лишь возгласа наподобие «огонь!», одночленного вопроса типа «жив?», неопределенной угрозы вроде «вот я вам» совершенно достаточно для достижения общего понимания».

¦ *Наряду со смыслом предложения для оратора первоочередное значение имеет длина предложения.*

В целом коротких предложений должно быть больше, чем длинных.

Предложения с длинными периодами пропускают мимо ушей. Многие придаточные предложения (Neben-satze) становятся туманными предложениями (Nebelsat-ze), так как их длина действуют на сознание подобно дымовой завесе.

Предложение следующего типа также труднообозримо. Если его произнести, оно почти непонятно слушателю: «Тот, кто покажет того, кто сбил дорожный указатель, который стоит на мосту, который лежит на пути, который ведет на Золтау, получит вознаграждение» (официальное объявление из газеты). Предложение с периодами для слушателя вроде бега с препятствиями. Каждая часть предложения – это барьер, который с трудом преодолевается.

Марк Твен с полным правом посмеивался над многими немецкими предложениями, в которых придаточные предложения сплетались одно с другим «точно дождевые черви в банке рыбака».

Что такое железная дорога, знает каждый. Но определение, которое дал имперский суд в решении от 17 марта 1879 года, настолько своеобразно, что до сих пор сохраняется в учебниках: «Железной дорогой называют предприятие, занимающееся повторным перемещением людей и вещей на значительные расстояния по металлическим опорам, которые благодаря их консистенции, конструкции и гладкости делают возможной транспортировку тяжелейших масс при соответственном достижении относительно высокой скорости движения транспорта, и благодаря этой особенности, в соединении с используемыми для создания движения транспорта кроме этого естественными силами – паром, электричеством, механической силой или животной мускульной деятельностью, при наклоне плоскости пути, а также с помощью собственной тяжести транспортных емкостей и грузов и так далее – способны при эксплуатации предприятия оказать сравнительно могущественное действие, в зависимости от обстоятельств лишь целесообразно полезное или даже губящее человеческую жизнь и вредящее

здоровью человека».

«Каков натиск мыслей в периодах!»- сказал бы Мерике. Железная дорога берет реванш следующим образом: «Имперский суд является организацией, которая должна идти навстречу общему пониманию, но иногда сама не во всем может избежать появления не столь уж малых, а значит относительно больших ошибок в построении предложений на наклонной плоскости канцелярского стиля, сделавшегося несносным из-за витиевато выражающихся особ, подбрасывающего определения, способные оказать действие, вредное для человеческого чувства языка».

Адольф Дамашке приводит в своей книге «Популярное искусство речи» следующий пример из доклада одного профессора истории: «Подумайте, как прекрасен воин, который, доставив в Афины послание, возвестившее победу, которую афиняне, хотя они были в меньшинстве, одержали при Марафоне, умер». Это можно назвать риторическим вьющимся растением. Для слушателя была бы мучением выслушать и половину такого предложения.

Старое школьное правило справедливо и для речи: Новая мысль – новое предложение! И возможно больше предложений в активной форме: они увлекают слушателя больше, чем предложения в пассивной форме! (Простейший случай: «Я сразу узнал его» вместо «Он сразу был узнан мною».)

Вместо придаточных предложений мы образуем предложения по способу сочинения. (Уже Людвиг Райнер заметил, что в старой народной песне о королевских детях тоже не говорится: «Двое королевских детей, так любивших друг друга, не могли встретиться, потому что вода, разделявшая их, была слишком глубокой», но: «У короля было двое детей, они любили друг друга, но не могли встретиться, потому что вода, разделявшая их, была слишком глубокой».) Это, однако, не означает, чтобы оратор придерживался астматического стиля и категорически избегал длинных предложений. У многих ораторов мы находим *при случае* в момент кульминации *оборот;* пространно задуманный, он, однако, делится паузами на смысловые блоки, которые содержат важные высказывания. Например, «Мы, немцы, /не можем – даже в интересах укрепления нашей позиции на переговорах / – требовать от наших союзников, / чтобы они в вопросе, в котором на карту поставлена наша судьба, / как и их собственная, / добывали для нас успех в области обороны, в то время, как мы стояли бы рядом, засунув руки в карманы. Это исключено!» (Выступление Фрица Эрлера перед бундестагом, декабрь 1961 г). Здесь оборот состоит из семи частей. Но риторическим приемом является:

1) смысловая вершина высказывания не остается бесцветной и абстрактной (наподобие: «в то время как мы не участвовали бы в достижении успеха»), но использует пластическое, образное сравнение «засунув руки в карманы»;

2) для усиления высказывания следует короткое предложение. Никогда не нужно нагромождать обороты.

Ромен Роллан в своих воспоминаниях писал об ораторе Жоресе: «Когда он воспламенялся или возбуждался, то использовал необычайно длинные периоды; они катились подобно красным шарам, одно слово выскакивало вперед, пылающее, неожиданное и вколачивало содержание его мыслей во враждебнейшие умы».

Выдающийся оратор Бриан описывает действие стилистически неправильных высказываний (в книге «Франция и Германия»): «Зачастую гораздо большей убедительностью и силой воздействия обладают высказывания, которые под действием возбуждения, передающегося от окружения к оратору, грешат неправильностями. Они эффективнее и действеннее, чем иные грамотно построенные и тщательно приглаженные риторические творения».

В оборотах зачастую наблюдается неправильное согласование слов. Оборот легче начать, чем закончить. Если внимание недостаточно сконцентрировано, то легко теряется нить высказывания и заканчивают не так, как это было бы грамматически верно.

Неправильность согласования также может состоять в неполноте предложений, т. е. пропуске какого-либо члена предложения.

Приведем пример неправильного согласования внутри оборота. Английский государственный деятель Макдональд в 1924 г. перед вступлением на государственную должность после победы Лейбористской партии на выборах выкрикнул своим ликующим приверженцам: «Теперь, когда мы исполняем службу, – я последним буду считать своих цыплят прежде, чем они будут высижены; а цыплята еще не высижены, если даже яйца нормальны и производят впечатление способных развиваться в соответствии с естественными законами – если нам также представится возможность, то мы будем исполнять службу, чтобы пытаться преодолеть разнообразные и удручающие трудности, которые в настоящий момент гнетут нашу нацию, Европу и весь остальной мир».

Начало предложения «теперь, когда мы исполняем службу» совсем не развивается; также нет развития после вставки с полным юмора сравнением с цыплятами. Макдональд потерял

обзор предложения, но примечательно, что нет грамматической ломки. Убедительность высказывания основана на противопоставлении веселого сравнения и последующей серьезной целевой мысли (цыплят высиживать – преодолевать удручающие трудности всего мира!) Мы констатируем: оратор привык к стилю, в котором длинные и короткие предложения чередуются и внутри оборота образуют отдельные фрагменты. Он остерегается втискивать слишком многое в одно предложение.

«Если же у оратора склонность к стилю ленточных червей, то предложения так длинны, что их нужно разрезать», – сказал Райнерс. Тяжело понимать длинные предложения. Короткие предложения в удобной, четкой формулировке уместны в убеждающих речах.

Предлагаем два маленьких приема, чтобы сделать текст свободным и прямолинейным. С этой целью в тексте употребляйте:

• больше простых предложений – меньше придаточных! *(Пример:* «Этот результат, который в значительной мере согласуется с прежними, нам очень

четко показывает» *Лучше:* «Этот результат в значительной мере согласуется с прежними. Он нам очень четко показывает…»;

• употребляйте придаточные предложения времени со словом «затем» вместо «потом»! *{Пример:* «После того, как мы два часа дискутировали, мы достигли согласия». *Лучше:* «Мы дискутировали в течение двух часов; затем пришли к согласию». Точка с запятой является «талией» предложения!). Сегодня не рекомендуем допускать любые преувеличения, пафос и вычурность.

Однажды в докладе естествоиспытателя прозвучало такое предложение: «Эта потенция мира обладает в себе пластической способностью распространения бесконеч- ной эволюционной диверсификации своих явлений». Разве он не должен был сказать просто: «Природа порождает бесконечно много разнообразных явлений?».

Оратор не должен держать себя неестественно. Витиеватая речь ведет к напыщенному стилю.

(Любитель простоты Маттиас Клаудиус очень ценил Клопштока, но однажды сказал: «Мы с ним совершенно различны. Если Клопшток зовет слугу, он восклицает так: "Ты, который кажешься меньшим, чем я, и все же рав-ный мне, приблизься ко мне и быстро освободи меня, склонившись к нашей матери-земле, от мук, создаваемых гнетущей меня, осыпанной пылью, телячьей кожей". Я при этом сказал бы только: «Иоганн, сними мне сапоги!») Хороший оратор избегает любой неопределенности.

Оратор, который сам не определился, но с чрезмерной осторожностью оперирует словами:«возможно», «желательно», «может быть» – вызывает отвращение.

Часто слышишь также: «На основе определенного опыта (или предположения) я решился…» Далее мы называем этот опыт или предположение. Неясность часто возникает, если неизвестно, к какому предшествующему

существительному относятся последующие личные местоимения. (По поводу эпидемии бешенства бургомистр дал следующее объявление: «Если кто-либо выпустит своего пса свободно бегать кругом, тот будет расстрелян». Местный совет на следующем заседании раскритиковал эту формулировку, правда, не предложив ничего лучшего. На следующий день бургомистр придумал поправку. Все неясности были устранены. Предложение звучало так: «Если кто-либо выпустит своего пса свободно бегать кругом, тот будет расстрелян, пес».) Завершенные и отточенные формулировки зачастую настраивают слушателей скептически и приводят к полному равнодушию. (Остроумной, но утрированной и циничной была формулировка одного литератора: «Политика есть искусство раздобыть у богатого деньги, а у бедного – избирательные бюллетени, под предлогом защиты каждого из них друг от друга».)

Есть много причин, которые мешают слушателям (например, чрезмерное заострение внимания слушателей, высокопарная речь оратора, излишне частое повторение частей речи.) Ошибки, которые замечают у других, часто совершают сами, не замечая этого. (Бисмарк рассказал, как он со своим приятелем-сокурсником хотел отучить одного торговца табаком в Геттингене от постоянного повторения слов. Однажды они говорили с торговцем, подражая ему: «Мы хотели бы, мы хотели бы, табаку, табаку, сто граммов, сто граммов, по двадцать крейцеров, по двадцать крейцеров…» И они развлекались после покупки, после покупки, еще долгое время, еще долгое время, беседуя с торговцем, с торговцем. Когда же покинули лавку, торговец, покачав головой, сказал, обращаясь к жене: «Ну надо же, ну надо же, смешные люди, смешные люди, каждое слово говорят дважды, каждое слово говорят дважды!» «Хорошее выражение ценно в той же мере, что и хорошая мысль» (Лихтенберг).

¦ Я обобщаю самое важное для звучащей речи: лучше все-} го мы говорим, используя предложения, которые доступны на слух и благодаря этому понятны. Длинные и короткие предложения чередуем. И предпочитаем предложения в активной форме.

«Улучшить стиль – значит лучше высказать мысль, и ничего больше»(Ницше).

3.4 Риторические средства выражения

В последней главе мы рассмотрели основы искусства речи, следующий раздел посвятим анализу риторических средств, которые имеют особенное значение для построения речи.

Этот анализ – результат исследования речей разных эпох, в целях поиска ответа на вопрос: Какие средства выражения действенны в *современной риторике!* В древности были разработаны тысячи риторических средств, названных риторическими фигурами. Древние теоретики сводили все риторические фигуры в научные руководства. (Генрих Лаусберг проредил гигантский сад античной риторики, и результат представил в обозримом виде в книге «Справочник по литературной риторике».)*

Риторические средства позволяют представить содержание речи наглядно, увлекательно и убедительно, а значит, активно воздействовать на слушателя.

«Фигурами речи называются предложения и комплексы предложений, которые, становясь типическими формами, идентично повторяются? Таковы меткие выражения, которые всегда на языке. Они необходимы, чтобы сделать сообщение более коротким, быстро запоминаемым» (Карл Ясперс).

Для обдумывания:

• приводимые средства различны по своей ценности и потому используются в различной степени (например, *сравнение* чаще, чем *преувеличение);* эти средства дают большие возможности, но ни в коем случае не должны использоваться все вместе в любой из речей; многие средства применяются в тесной взаимосвязи, даже если они в целях систематики приведены отдельно (например, *цепь* влечет *повышение, образ* лежит в основе *сравнения.*

Обзор риторических средств и их воздействие на слушателя

Риторическое средство Воздействие

1. Пример, подробность
2. Сравнение
3. Образ (метафора), образный ряд Образность
4. Рассказ (narratio)
5. Повтор
6. Разъяснение
7. Рафинирование (обобщающий повтор) Убедительность
8. Призыв (восклицание)
9. Цитирование

10. Перекрещивание (хиазм)
11. Повышение напряжения (климакс)
12. Противопоставление (антитеза)
13. Цепь
14. Промедление Увлекательность (запаздывание)
15. Неожиданность (sustentio)
16. Предуведомление
17. Игра слов
18. Намек Эстетическое
19. Описание (парафраза) Образность
20. Преувеличение (гипербола)
21. Кажущееся противоречие (парадокс)
22.Вставка
23. Предупреждение или постановка возражения Коммуникативность
24. Мнимый вопрос (риторический) (подключ. слушателей)
25. Переименование (синекдоха)

Пример. Подробность. Сравнение.

Важнейшее правило гласит: Все абстрактное представлять наглядно с помощью метких сравнений и примеров, а также образов и включаемых в речь коротких рассказов. Если уровень образного мышления слушателей низок, то речь должна быть особенно наглядной.

«Сравнение представляет большую ценность, поскольку оно объясняет неизвестные отношения с помощью известных» (Шопенгауер). Хорошая речь включает текстовые контрасты, создающие напряжение: стремительный – сдержанный, серьезный – веселый, построенный логически – эмоционально-образный.

Мы отыскиваем хорошие *сравнения* и *примеры:* они создают ясность, так как связаны с известным, а это известное служит мостиком, помогающим пониманию. Наглядными сделаем понятия и цифры.

К наиболее выразительным местам библии относятся те, в которых содержатся сравнения. Мы все запоминаем легче, когда это объяснено с помощью хорошо подобранных, метких сравнений и сопоставлений.

Некоторые примеры поясняем с помощью сравнений:

• сообщение о том, что огромная Южная Африка имеет всего 1,1 млн. жителей, наглядно с помощью сравнения (это даже не достигает числа жителей Гамбурга);

• то, что Конго имеет площадь 2,3 млн. кв. километров, а его население составляет 14 млн. жителей, мало что говорит. Но

сравнение с Федеративной Республикой Германией делает пропорцию наглядной: Конго в десяток раз больше Западной Германии, и число жителей составляет всего 1/4 западногерманского населения;

• в одном маленьком городке судья рассматривал дело о транспортном происшествии. Удачное сравнение судьи рассматриваемый факт превратило в обвинение. Судья заметил, что в результате аварий, связанных с транспортом, погибло 16000 человек. Далее продолжил: «Уясните себе: каждый год в Германии истребляется такой город, как наш, только потому, что многие люди поступают так же легкомысленно, как Вы!»;

• на конгрессе учителей в Висбадене в 1962 г. профессор Генрих Роденштайн резко критиковал немецкую политику в области образования, которая не заботится о потребности страны в молодых учителях. Роденштайн прибегает к выразительному сравнению: принимаемые меры говорят о поразительной беспомощности и недальновидности. Ни в какой другой серьезно воспринимаемой профессии невозможно нечто подобное. Можете ли вы, например, представить, чтобы бундесвер недоукомплектованный танковый дивизион пополнял несколькими деревенскими пожарными командами? Или чтобы вместо отсутствующего вооружения хотя бы временно использовалось оружие, взятое из музеев, заряжаемое с дула? *(Повышение эмоционального напряжения с помощью цепи сравнений; риторические вопросы.)* То, что нужно бундесверу, делают как само собой разумеющееся: на столе лежат миллиарды. Так неужели в стране экономического чуда не найдется примерно миллиарда, чтобы покончить с удушающим наше настоящее и наше будущее недостатком учителей?»

Наряду с развернутыми сравнениями, как бы издалека, используются сравнения, вставляемые в предложение в сжатом виде. Например, более выразительным, чем высказывание: «она раз сказала одно, а потом совсем другое» является предложение: «Да ведь она как флюгер -поворачивается туда, куда дует ветер».

Приведем примеры: Английский политик Эттли сравнил выборы на Востоке со «скачками, в которых участвует только одна лошадь. Победитель установлен заранее».

«Предприятия нашей экономики, как увядшие листья, лежат на земле» (Франклин Рузвельтт, речь по радио 4 марта 1933 г.).

Немецкий премьер-министр пригласил одного неудобного политика стать министром, и, усмехнувшись, он сказал: «В правительственную упряжку включается лошадь с тяжелым характером. С новой упряжкой я должен ездить осторожнее».

Сравнение редко обладает доказательной силой. Однако

благодаря наглядности, а часто остроумию, оно охотно используется. Пресса прямо-таки «одержима болезненной страстью» к этому риторическому приему. Еще несколько примеров. Это из речи, произнесенной на первой неделе великого поста в 1986 г., причем гиперболы ораторов образны и четки.

Председатель Христианско-социального союза Штраус считал, что Иоганну Рау «должность канцлера и рубашка канцлера ему велики на три номера воротника»; председатель баварской Социал-демократической партии Хирземан сказал о Норберте Блюме, что тот является «карнавальным шутом с Рейна, который так же не годится представлять интересы работодателей, как черепаха для прыжков с шестом»; министр от Свободной демократической партии Бангеман охарактеризовал баварский парламент без Свободной демократической партии как «союз почитателей премьер-министра, в котором социал-демократы держат для Христианско-социального союза сборник псалмов».

¦ *Снова и снова констатируем: особенно хорошо запоминаются смешные сравнения.*

Эксперт по транспортным вопросам хотел показать, что строительство улиц не может ни на шаг отставать от растущего количества автотранспорта и выбрал следующее сравнение: «Это как бег наперегонки между зайцем (строительство дорог) и ежом (автотранспорт). Еж все время кричит: А я уже здесь!».

Выразительную формулировку нашел Рудольф Ауг-штайн в своей речи о Рейнско-Рурском клубе: «Каждый знает, что экономический бойкот еще никогда не функционировал в мирное время, потому что деловой партнер, как крот, несмотря на любое эмбарго, докопается до цели».

Ллойд Джордж был великим оратором нашего столетия. Он обладал большим чувством юмора, и, прежде всего, верным чутьем. В сентябре 1914 г., выступая на большом собрании перед слушателями, спросил, может ли в Британской империи что-то значить клочок бумаги или любую бумажку можно без долгих слов разорвать. Напряжение в зале возросло, потому что никто не знал, куда клонит оратор. У слушателя первого ряда он взял грязную однофунтовую банкноту, высоко поднял ее и воскликнул: «Немецкий канцлер назвал договор с Бельгией о нейтралитете клочком бумаги. Чем является здесь эта однофунтовая банкнота? Бумагой – больше ничем! Ее можно сжечь, разорвать. Какова ее ценность? Клочок бумаги! И однако – что стоит за ней? Кредит всей Британской мировой империи!» Это сравнение вызвало в зале бурю возмущения против Германии. Меткое слово «клочок бумаги» с быстротой молнии облетело вокруг света. В заключение приведем сообщение в прессе о докладе гейдельбергского

профессора астрономии Кинле. Исследователь во всеохватывающей модели сравнения делает наглядными размеры Вселенной. При помощи этого способа становятся очевидными размеры совокупностей, которые трудно себе представить: чтобы суметь сделать наглядными ближайшую окрестность солнца на удалении до 16 световых лет, необходимо, согласно профессору Кинле, пространство с куполом, имеющим радиус 155 км. Если в качестве центра взять, например, Бонн, то его границы пройдут примерно у Нимвегена и Мюнстера на севере, у Касселя на востоке, у Вормса на юге и у Намюра на западе.

На этом огромном куполе должны быть распределены 60 булавочных головок. Удаление каждой булавочной головки от других составляет круглым счетом 50 км. Если бы захотели от одной звезды к другой отправить посыльных со скоростью света, то есть 300 000 км в секунду, то в модели Кинли это могли бы изобразить самые медленные улитки. Они были бы удалены друг от друга на расстояние, равное расстоянию между булавочными головками, то есть на 50 км и передвигались бы в своем путешествии со скоростью двенадцать миллиметров в час или (едва-едва) один метр в три дня.

Приняв, что в модели улитка действительно отважилась бы предпринять путешествие в 50 км, она бы никогда не достигла ближайшей булавочной головки. Если бы она за год с трудом проходила только-только 120 м, то булавочная головка уже сместилась бы от своей исходной точки на 60 см. Это соответствует – относительно – собственному движению звезды.

Предполагая, что суперулитка имела бы возраст свыше 400 лет и фактически переместилась бы в течение этого времени на 50 км, то искомая булавочная головка уже опять отдалилась бы почти на 300 м – расстояние, которое от улитки опять потребовало бы два с половиной года.

То, что в модели профессора Кинли перемещается предельно медленно, в космосе должно мчаться с невообразимой скоростью света, то есть 300 000 км/сек. В течение часа пройденное расстояние составило бы свыше 1000 000 000 км. Но космические корабли не проходят в час и одну 33-тысячную часть этого пути. При сегодняшнем состоянии знаний и возможностей совершенно исключено, что человечество когда-либо покорит космическое пространство. Однако уже многое, что долгое время являлось совершенно невозможным, стало действительностью.

Образ (метафора), образный ряд

«Каждый язык – язык образов»(Буш). Образ – особая форма сравнения. Неизвестное опять соединяется с известным. «Две вещи в некотором отношении подо-бны»(Килиан), когда я для

слова «страсть» говорю «жар», для слова «убежище» – «гавань» или о ком-то скажу «сердце из камня». Сегодня, например, очень употребительны образы из мира спорта: говорят – «министр забил в свои ворота», чтобы этим выразить: он вложил в свой замысел всю энергию и тем не менее получил результат, противоположный желаемому. Образное выражение – любимое средство риторики Черчилля, которым он успешно пользовался, когда обращался *к чувству* своих слушателей» (Хильдегард Гаугер).

Оратор в поисках ярких образов, которые выявят суть высказываемого. С чем я могу сравнить то, что хочу сообщить? Какое образное описание можно применить? Конечно, образы не создаются искусственно. Они приходят, когда мы зорко наблюдаем жизнь – людей и предметы и обдумываем в образах. Яркий образ остается в памяти людей, абстрактные рассуждения, как правило, нет.

Бывший федеральный канцлер Киссингер обладал образным языком. Вот несколько его сравнений: «Закон об обеспечении государственного бюджета был костылем, который помог преодолеть трудности только одного года». Или: «Мы едем в очень длинном туннеле, в котором долго не увидим свет».

Еще несколько примеров. Сторонники генерала де Голля во время и после немецкой оккупации считали маршала Петена предателем; он якобы встал перед Гитлером на колени, потому что спасовал. Когда Франсуа-Понсе, последователь Петена, был во Французской ака-демии, он произнес речь, желая помирить сторонников де Голля с Петеном. Понсе полагал, что оба политика были необходимы Франции. Де Голль предпочел борьбу извне, тогда как Петен тактической ловкостью показных уступок уберег Францию от разгрома. В речи в качестве ведущих образов проходят два: де Голль – меч, Петен – щит Франции. Кто думает без предубеждения, сказал Понсе, тот должен констатировать, что «щит помог Франции достичь того, что решила огненная молния меча».

«Массы могут думать только в образах и находятся под влиянием только образов», пишет уже в 1895 г. французский психолог Ле Бон.

Бисмарк закончил одно (ставшее знаменитым) выступление в рейхстаге приглашением: «Господа! Мы работали быстро. Мы, так сказать, сажаем Германию в седло. Она может скакать!» Более действенным, чем высказывание: «Ведь господин Шульце не желает конкурировать с самим собой» является образное описание: «Мне еще не встречался мясник, который бы отстаивал вегетарианство».

С помощью образов можно многое представить нагляднее, но нельзя ничего доказать. Совершенно прав Эрдман, когда пишет: «Никогда не доказать чего-либо с помощью образа, и бессмысленно думать, что если две вещи похожи в одном отношении, то они похожи в других или даже в любых отношениях. Но именно в это охотно верят, и потому так легко с помощью выразительных аналогий делать очевидным самое лживое».

Разрушение образа

По настоящему точный образ всегда действен. Избегать надо его искажения. Так, бывает оратор хочет сказать образно, но при этом перескакивает с одного образа на другой; этот другой не имеет ни малейшего отношения к первому. Это ведет к разрушению образа. Приведу несколько примеров.

«Зуб времени уже осушил много слез», так закончил утешительную надгробную речь один оратор. В путевых заметках об Азии значилось: «В городе Гонконге находится грязь, которую моют». Характеристика Данте достигла высот в предложении: «Данте был человеком, который одной ногой еще стоял в средневековье, а другой – приветствовал утреннюю зарю нового времени». Представляется нечто пластическое.

Следующий коктейль из образов Фриц Гератеволь услышал в одной проповеди: «Скромные фиалки цветут, сияя, когда молот судьбы по наковальне сердца возбудил сияющие лучи». Эта сентенция произнесена выразительным громким голосом.*

В речах Вильгельма II нередки высказывания, подобные этому: «Ему понадобился океан типографской краски, чтобы замаскировать пути, которые совершенно очевидны». Цюрихский парламент был изумлен изобретением нового многоцелевого оружия, представленного одним депутатом: «Господа, дело идет об обоюдоостром мече, у которого выстрел происходит сзади».

Протокол заседания одного немецкого ландтага записал следующее дискуссионное сообщение: «Эти обстоятельства я освещаю острым ножом критики». Однажды депутат граф Бетузи призвал немецкий рейхстаг «схватить поток времени за клок волос». Несомненно, способ нелегкий.

От разрушения образа не застрахован никто. И, если это случается, даже очень серьезные собрания не прочь весело посмеяться. Вред для речи едва ли устраним.

Примечательно, что даже у такого выдающегося мастера слова, как Гердер, бывали срывы; и как нарочно, в речи на тему: «Причины дурного вкуса». Гердер говорил об упадке искусства речи в Греции так: «Когда свобода Греции гибла (искусства речи) *огонь* был в нем, в Демосфене; *вспыхнувшее пламя* пребывало в

крайней нужде. Искусство речи пресмыкалось в школах или сидело в тесных судебных шкафах. Оно согнулось в пыли и искалечено». Хоп-ля – только что искусство речи еще было «огнем» и «пламенем», затем происходит удивительное превращение пламени в -пресмыкающееся, которое «согнуто» и «искалечено».

Короткие рассказы

Небольшие воспоминания о пережитом, вставленные в речь анекдоты – все это разнообразит речь. Хорошо действуют подробности и прямая речь. «Иногда богатые люди получают от высоких доходов мало счастья». Высказывание остается абстрактным, если его не сделать наглядным. Например: «Старый Рокфеллер зарабатывал в неделю более 1 миллиона долларов, но мог потратить на свою еду только 5 долларов, потому что был болен и питался кашей и картофельным пюре».

¦ Любая действительно хорошая речь содержит некое действие. Оно не всегда сопровождается описанием событий. Ход мыслей можно выразить даже в диалоге. Прямая речь всегда оживляет.

Возьмем высказывание: «Он сказал, что хотел прежде поговорить с господином Мейером». Лучше будет: «Он сказал: "Прежде я хочу поговорить с господином Мейером".» Оживляюще звучит все, что мы из прошлого переносим в настоящее время. Не: «Три года назад случилось следующее: я вышел из ратуши и встретил господина Шульце…», но: «Это случилось три года назад. Я вышел из ратуши и встретил господина Шульце…» Ситуации, перенесенные в современность, действуют более пластично и непосредственно.

Зачастую память долго удерживает увлекательное описание события.

Ллойд-Джордж немного знал о действии персонифицированной диалогической речи, когда представил в упрощенном виде международное положение в своей знаменитой речи, произнесенной в королевском дворце в 1914 году. (Этот отрывок будет воспроизведен в подлинном звучании): «Poor little Belgium said: "I do not require the French army corps, I have the word of the Kaiser"… Serbia said to Austria: "If any officers of mine have been guilty, I will dismiss them"… Then came Russia's turn. She has a special interest in Serbia. Germany knew it, and she turned round to Russia and said: "I insist that you shall stand by with your arms folded whilst Austria is strangling your little brother to death! What answer did the Russian slav give?He gave only answer that becomes a man. He turned to Austria and said: "You lay hands on that little fellow, and I will tear your ramshackle Empire limb from limb! And he is doing

it".» (Бедная маленькая Бельгия говорит: «Мне не нужно никаких французских корпусов, я полагаюсь на обещание кайзера»… Сербия говорит Австрии: «Если замешаны какие-либо мои чиновники, я их прогоню»… Затем пришло время России. У нее в Сербии особые интересы. Германия, зная это, повернулась к России и сказала: «Я настаиваю на том, чтобы ты стояла со сложенными руками, пока Австрия уничтожает твоего младшего брата». Какой ответ мог дать русский? Он сказал Австрии: «Руки прочь от моего маленького друга, а то разнесу твою прогнившую империю на куски! И он делает это.)

Всегда безотказно действуют на слушателей хорошо подобранные анекдоты и другие веселые дополнения в речи. Анекдот – не засвидетельствованный рассказ, в который вкраплены забавные фрагменты и зерна истины. Хороший анекдот нужно или слушать или рассказывать – прочитанный или записанный, он теряет часть своего обаяния. У Зигмунда фон Радецки есть меткое сравнение: «Рассказанный анекдот отличается от записанного, как летящая бабочка, – от приколотой под стеклом».

Повтор

В ораторском искусстве особое значение имеет повтор. Он вызывает воспоминание, глубже закрепляет основную мысль, повышает убедительность речи. Слушатель постоянно воспринимает новую мысль, повторение же восполняет организующую функцию. «Повторение – способ убеждения, с ярко выраженной эмоцией» (Лаусберг).

Основных видов повтора много.

Дословный повтор (особенно при восклицании и выражении основных мыслей). Пример: в своем выступлении 19 мая 1940 г. Черчилль не сказал просто: «Мы должны победить в этой войне», нам навязана эта война, но он многократно повторил важнейшее слово «conguer» (победить). Он считает, что если Англия не выиграет войну, то варвары пройдут по всему миру: «если мы не *победим, победить* мы должны, мы *победим* непременно!»

Древняя риторическая фигура geminatio – *удвоение слов,* играет особую роль в речи с выражением мнения. Здесь удвоение слов означает их усиление: «никто, никто не имеет на это права!» (или, с промежуточными словами: *«никто,* абсолютно *никто* не имеет на это права!» Частое употребление дословного повтора не рекомендуется из-за возможного эффекта «формальных заклинаний», которые так любят демагоги. Ле Бон констатирует: «Зачастую повторение действует, как доказанная истина».

Варьируемый повтор (повторение содержания, но в новом словесном оформлении. Чем взыскательнее слушатели, тем

необходимее вариация!)

Частичный повтор (смотри также рафинирование). (Например: «я бросил упрек оппоненту один раз, я упрекнул его во второй раз».)Зачастую, как здесь, первое слово предложения или часть предложения повторяются (фигура анафора).

Типичный пример анафоры мы видим в речи сенатора Эдварда Кеннеди на траурной церемонии, посвященной убитому брату Роберту Кеннеди (8.6.1968): *«Он видел* несправедливость и пытался ее устранить. *Он видел* страдание и пытался его смягчить. *Он видел* войну и пытался покончить с нею».

Курт Шумахер в 1950 г. в Берлине сказал: *«Суть государства* не в правительстве, *суть государства* и не в оппозиции. *Сутью государства* являются правительство и оппозиция».

При случае повторяют также ключевые слова предложения (фигура эпифора).

Расширенный повтор. Повтор с включением новых слов, напряжение в речи: «Мы, не пережившие это время, не пережившие его осознанно, все же являемся приверженцами того, что», и так далее.

«В наше время невозможна безопасность Советского Союза без безопасности США, невозможна безопасность стран Варшавского договора без безопасности стран НАТО» (Михаил Горбачев).

Цицерон не ограничился, например, скупой констатацией факта: «Все ненавидят *тебя,* Пизо». Он продолжает, далее детализируя: «Сенат ненавидит *тебя…,* римские всадники не выносят *твоего* вида…, римский народ желает *твоей* гибели…, вся Италия проклинает *тебя…»* (смотри также «Разъяснение»).

Еще пример из нашего времени: «Пожалуйста, примите всерьез нашу позицию в этом вопросе. *Потом,* лишь *потом,* только *потом* возможно найти общее решение, которое использует наш народ и наше государство в случае необходимости». (Георг Лебер о законодательстве по чрезвычайному положению, бундестаг 24 января 1963 г.).

¦ *Небольшая доза повторения действует ободряюще, но слишком большая усыпляет или разочаровывает.*

«Искусство речи в том и состоит, чтобы преподнести повтор так, будто он только что родился» (Науманн).

(Повтор не должен быть бесконечным, как народная процессия в «Орлеанской деве» Шиллера в сцене коронации: первое впечатление сменяется разочарованием: Ах, да ведь это все те же самые люди, которые проходили по сцене!)

Разъяснение

Разъяснение это особая форма повтора, а именно

расширенный повтор. Выражение, которое выбрано первоначально, кажется слишком слабым. При известных обстоятельствах к нему возвращаются, его улучшают и поясняют. Древние риторики эту фигуру называли соггес-tio (исправление). Например: «Я попросил господина Мейера поискать деловые бумаги; нет, я его не только попросил: я ему настоятельно рекомендовал, я от него потребовал принести наконец деловые бумаги…»

Рафинирование

Под этим мы понимаем обобщающий повтор, выполняемый в немногих точных высказываниях. Он используется для краткой ориентации слушателя в ранее высказанном, например, перед переходом к новой части.

Призыв (восклицание)

Им особенно охотно пользуются в речах с выражением мнения. Оно настойчиво обращается к слушателям и в большинстве случаев кратко и точно: «Подумаем об этом!»; «Этого мы не можем допустить!» Восклицание не употребляют часто: его действие притупляется. Восклицания должны быть убедительны и неназойливы.

Цитирование

Некоторые ораторы украшают свою речь множеством цитат и не закончат речь, не обрушив на слушателя их «Шиллера».

¦ *Цитировать в речи следует скупо, будь то стихи или справки об источниках.*

Шестьдесят лет назад был политик, князь Бюлов, большой любитель бесчисленных цитат (вероятных и невероятных). В карикатурах юмористических журналов он изображался только с «Крылатыми словами» Бюхмана в руках. Цитаты, особенно справки об источниках, так называемые сведения о происхождении цитат, необходимы в научных лекциях, в популярных же докладах они даются лишь очень экономно, так как нарушают ход речи и утомляют слушателя.

Джордж Б. Шоу слушал однажды пространный доклад профессора истории. Ученый сыпал цитатами и приводил одну справку об источнике за другой, не замечая, что слушателей одолевала судорожная зевота. Когда у Шоу спросили его мнение о докладе, он ответил с едкой усмешкой: «Странно, очень странно – так много источников! И тем не менее так сухо…»

Употребление пословиц – это палка о двух концах. Пословица – истина из каучука: очень много противоречивых высказываний на все случаи жизни, и нужную оппонент всегда пустит в ход. («Кто рискует, тот выигрывает»; «Тише едешь – дальше будешь»;

«Однажды солгавшему – кто поверит?»; «Один раз – не считается»). Удачные цитаты и меткие словечки разнообразят любую речь. Банкир Фюрстенберг то и дело «приправляя» ими свои доклады, имел девиз: «Лучше потерять доброго друга, чем Удержаться от меткого словца».

Перекрещивание (хиазм)

Перекрещиванием называется крестообразное расположение четырех членов предложения: «Эти планы легко составить, **но** трудно выполнить». Перекрещивание повышает убедительность и занимательность.

Повышение напряжения (климакс)

Различны возможности повышения напряжения – в общем: напряжение повышется к концу речи; в частности: повышение возможно даже *в одном* предложении: «Было бы хорошо, если бы это случилось уже сегодня; лучше всего, чтобы Вы дали мне в руки полномочия немедленно». Повышению напряжения способствуют повторения.

Противопоставление (антитеза)

Задача антитезы, как и других риторических фигур -«образа» и «сравнения» – разъяснение хода мыслей.

• *Противопоставление должно быть ясным, но неожиданным для слушателя.*

Если тень на картине отражает свет, противопоставление проясняет мысль.

• Например, мы перечисляем преимущества и недостатки: как было тогда, как обстоит сегодня? Что значит «длиннее речь – меньше смысла?» «Составлять планы легко, выполнять их – трудно».

• Американский политик Никсон имел большой успех, когда в одной из речей объявил: «Хрущев крикнул американцам: "Ваши внуки будут коммунистами!" Мы на это отвечаем: "Напротив, мистер Хрущев, мы надеемся: Ваши внуки будут жить свободно!"» «Мы должны иметь холодную голову и горячее сердце» (Аденауэр).

• Обвинитель Хауснер во время Иерусалимского процесса против эсэсовского палача Эйхмана использовал следующую впечатляющую антитезу: «Другие народы считают в войне свои потери. Мы считаем выживших».

«Пары таких понятий, как преимущество-недостаток, видимость-действительность, замысел-результат, теория-практика, индивидуум-общество, большинство-меньшинство, слово-дело, позитивное-негативное, естественное право-закон, желанная цель-достижимость, внутренняя политика-внешняя

политика, позволяют лишь подразделить любую груду материала» (Драх).

¦ *Следует избегать утрирования: оно производит неблагоприятное действие.*

Каждое альтернативное членение лучше всего выделять предшествующим или последующим знаком:«… – или напротив: …», «…- с другой стороны:…». Несколько примеров современной антитезы: «Коалиция меньше, чем партия в целом, но больше, чем общество заинтересованных в приобретении должностей»(Ф. Й. Штраус).

Карл Шиллер нашел выразительную, а потому часто цитируемую формулу: «Настолько много конкуренции, насколько это возможно, и настолько много государства, насколько это необходимо».

Густав Хейнеман сказал однажды: «Единственный шанс, чтобы евреи забыли, что с ними произошло, состоит в том, чтобы мы не забыли, что совершилось с ними».

«Насколько это в нашей власти, нужно делать все, чтобы напряженность не обострялась, а уменьшалась, чтобы между народами Востока и Запада росло не недоверие, а доверие».

Следующие ниже примеры демонстрируют образец цепи антитез.

Из речи президента Джонсона перед открытием съезда Демократической партии в Атлантик-Сити*, который его и сенатора Г. Хэмфри назвал основными кандидатами на президентских выборах 1964 г.: «Я не обещаю быстрых ответов, но я торжественно обещаю стойкость в защите свободы, силу, чтобы поддержать эту стойкость, и постоянное терпеливое старание двигать мир к мирной жизни. В ядерный век настоящее мужество проявляется в стремлении к миру. Наша нация является более сильной, чем объединенное могущество всех наций во всех войнах в истории этой планеты, и наше превосходство возрастает еще! В сегодняшнем мире нет места для слабости, но в той же мере его нет и для безрассудной смелости. Нам нельзя опрометчиво применять ядерное оружие, так как оно может уничтожить нас всех. Нам остается единственный путь: со всем нашим разумом и всей нашей волей создать безопасность, двойную безопасность, чтобы это оружие не было применено никогда. Мир обеспечивается не оружием, а людьми. Мир достижим не с помощью одной лишь силы, но с помощью мудрости, терпения и самообладания.

Каждый человек должен быть в состоянии получить профессию, воспитать детей, участвовать в голосовании на выборах и о каждом нужно судить по его личным заслугам. Это

является нерушимой волей нашей партии и нашего народа. Пока президентом буду я, перед законом все будут равны».

Кандидат в президенты США от демократов Эдлай Стивенсон однажды выразился так: «Если республиканцы прекратят рассказывать о нас ложь, то мы прекратим говорить о них правду».

Цепь

Цепь – часто применяемое средство воздействия. В ней полный смысл одного звена мысли становится ясным только в связи с другими, вплоть до последнего звена в цепи мыслей. Простейший случай: «Мы следуем за тобой, потому что верим тебе; мы верим тебе, потому что знаем тебя». Или: «Кому принадлежит Берлин, тому принадлежит Германия, кому принадлежит Германия, тому принадлежит Европа!» Или: «Речь идет о работе! Работе, служащей согражданам.»

Промедление (запаздывание)

Мы возбуждаем любопытство слушателя тем, что не сразу выкладываем все козыри, не сразу распутываем все узлы, но откладываем это на более поздний момент (например, сначала лишь намекаем на решение или доказательство). Таким образом оратор обрекает слушателя на томление. В зале напряженное ожидание: что же может случиться?

Неожиданность (Sustentio)

Время от времени (!) оратор использует неожиданные обороты. Они создают напряжение. Во время одной дискуссии оратор сказал: «Мы слышали: господин Х, этот храбрец, подумал о себе самом, когда остался последним». Бисмарк застал врасплох своего оппонента, высказавшись наполовину: «Я также за отмену смертной казни, – а затем продолжил: «Но я за то, чтобы начало положил убийца!»

¦ *В серийном изготовлении неожиданность становится дешевой погоней за эффектами.*

Бывает, что риторическая фигура «неожиданность» получает ироническое завершение. В рейхстаге Геббельс (23. 2.1932) назвал социал-демократов «партией дезертиров». На это Курт Шумахер ответил: «И если мы признаем за национал-социалистами, так только одно: им впервые в немецкой политике удалась полная мобилизация человеческой глупости».

Предуведомление

Вы создаете у слушателей повышенное ожидание. Примерно так: «Я хочу Вам подробно объяснить». «Я хочу это четко показать на примере:». «…Вы будете удивлены тем, какие для этого есть основания:…»

Игра слов

Когда Гельмут Коль получал в награду от мюнхенского карнавального общества орден святого Валентина, он

сказал: «Мужчины как Kohl (капуста). Более съедобны слегка ошпаренными».

Игра слов остроумна и смешна. Но она может стать самоцелью. Это уместно для конферансье, но не всегда -для оратора. Игра слов «с подтекстом» охотно воспринимается слушателями.

Хеусс предложил хороший пример (в 1954 г. в Берлине): «Мы хотим не огосударствления людей, а очеловечивания государства». Или: «Малые шаги (kleine Schritte) лучше, чем никакие (keine Schritte)» (Вилли Брандт).

Американский президент Кеннеди закончил речь словами: «Мы не боимся никаких переговоров, но мы никогда не станем вести переговоры из страха». Такие слова обходят мировую прессу. Такие слова остаются в памяти.

Во время войны Черчилль благодарил летчиков-истребителей за защиту от немецких бомбардировщиков: «Никогда в истории человеческих конфликтов не были столь *многие* обязаны столь *многим* столь *малому* числу людей».

¦ *Любая игра слов основана на богатстве связей языка.*

Оценка Лессинга была остро критичной: «Что может быть вульгарнее, чем игра слов?» – восклицает он. Раз так, нужно этого мастера самого причислить к вульгаризаторам, потому что именно он дал прекрасные образцы игры слов. Например, об одной даме, которая очень плохо говорила по-немецки, Лессинг сказал: «Пока не заговорит, она нравится мне. Но когда она заговорит, она мне больше не нравится» (слово aussprechen означает и «заговаривать, обращаться», и «нравиться», *прим. перев.)*.

Намек

Зачастую намек на какое-либо событие, факт (соотнесение с чем-либо) – эффектный прием, проясняющий,

обостряющий высказывание. «Де Голль – не Гитлер». Каждый знает, что этим сказано.

Другая форма намека: Вы даете знать слушателю, что определенный (несущественный или общеизвестный) факт Вы только упоминаете, но обсуждать подробно не будете. (Фигура претеризации – пропуска.)

«Мне не нужно объяснять Вам подробно, какие последствия будет иметь это событие»; на других причинах, например, я вовсе не хочу останавливаться подробно». При употреблении намека важно «возбуждение, приобщение слушателя к совместному размышлению. Помогают косвенные высказывания, например,

«Вы уже знаете, к чему я клоню». Оратор привлекает слушателей тем, что во все стороны демонстрирует «улыбку авгуров» (знак молчаливого понимания посвященных и насмешки над непосвященными, *прим. перев.)*.

В заключение речи на съезде партии (1984) делегат Аннета Борис воскликнула, обращаясь к премьер-министру Рау, который стал отцом: «Я надеюсь, каждый раз, когда закричит твоя маленькая дочь, ты вспомнишь, что в твоем социал-демократическом земельном правительстве на ведущих постах нет ни одной женщины» (смех и аплодисменты). Ирландский проповедник Джонатан Свифт (1667 – 1745) был кафедральным оратором, внушавшим страх язвительными намеками. «Возлюбленные прихожане, – начал он однажды, – есть три вида порочной гордыни, именуемые гордыней рождения, гордыней богатства и гордыней таланта. О третьем грехе я распространяться далее не буду, так как среди вас нет никого, у кого он на совести».

Описание (парафраза)

Мы имеем в виду косвенное сообщение, которое зачастую содержит эстетический момент. К примеру, говорим: «В стране, где цветут лимоны» и подразумеваем: «В Италии». В полемике интеллектуалов иногда называют «яйцеголовыми»: «Это, конечно, опять выдумали яйцеголовые».

Преувеличение (гипербола)

Вы должны знать, когда употреблять этот прием, иначе сказанное будет восприниматься как выдумка. Говорят: преувеличение обеспечивает наглядность. «Могу я наштамповать армию из глины?» Это вряд ли, и тем не менее этот вопрос вскрывает ситуацию. «Там был настоящий ад!» Несомненно преувеличение. «Мы имеем в Федеративной Республике едва ли не на каждую канонерку по адмиралу, но у нас еще ни разу не было атташе по культуре для каждого посольства!»(бундестаг, июнь 1960). В последнем предложении изобилие риторических средств: сравнение, противопоставление, преувеличение.

С помощью подчеркивания многие ораторы обобщают существенное. Двойственное отношения французов к немецкому перевооружению отчетливо выявил Фридрих Зибург следующей формулировкой: «Французы были бы согласны с немецким бундесвером. Но они считают наилучшей такую немецкую армию, которая была бы меньше, чем их собственная, однако больше, чем у Советского Союза».

Ллойд Джордж, чем становился старше, тем все более терял симпатии слушателей: утрировал и терял чувство меры, и в итоге был неосмотрителен. Наконец после четырех десятилетий политической деятельности он остался почти без последователей.

Кажущееся противоречие (парадокс)

Парадокс является особым видом игры слов: «Меньшее было бы большим». «Этот политик мертв при жизни». Противоречие

является лишь кажущимся, поскольку слова относятся к разным явлениям. Парадокс представляет сознательно заостренную формулировку.

Пример: «Там, где больше нет критики, что-то не в порядке». «Красноречивое молчание». «Единая масса». «Никакого ответа – это тоже ответ».

Вставка

Вставкой мы называем замечание, которое делается мимоходом. Ее функция – приобщить слушателя к моменту высказывания («… но, возможно, Вы еще не полностью разделяете мой взгляд, тогда я хочу привести Вам дальнейшие доказательства…»).

¦ Зачастую вставка является сообщением, возбуждающим внимание.

«Однако подумаем, что является следствием этого…». «Если я должен сообщить вам мое мнение об этом…» Важным средством воздействия является параллельное высказывание, между прочим: небольшое промежуточное замечание, краткий комментарий, остроумный «боковой удар».

Предупреждение (постановка возражений; пролепсис)

(Смотри также раздел «Техника аргументации» в моей книге «Школа дебатов».) Мы думаем о том, какие возражения можно выдвинуть с противоположной точки зрения, сразу включаем их в нашу речь, а вслед за ними приводим опровержение.

Мнимые вопросы (риторические)

На риторический вопрос ответ не дают. Мнимые вопросы лишь стимулируют мысль слушателя или же слушатель безмолвно подтверждает мои высказывания. «Кое-что мы можем одобрить?», «В этом мы не все еди-нодушны?»(Нужно быть уж совсем наивным, чтобы такие вопросы понять неправильно, как это случилось однажды. Так новобрачные на риторический вопрос, по случаю бракосочетания: «Можно ли сегодня быть еще радостнее? – в один голос весело ответили: – «Ну да, конечно!») Впрочем, не следует пересыпать речь вопросами типа: нет?, не правда ли? и так далее.

Переименование (синекдоха)

Под этим мы понимаем краткий способ выражения, при котором предполагается, что слушатель понимает, о чем идет речь. Например, «в Бонне решили» вместо «большинство в бундестаге решило»; «Карлсруэ действует радикально» вместо «Федеральная судебная палата…»; «У Белого дома и у Кремля разные мнения».

Оратор должен учитывать, что знают и понимают все слушатели. Нужно, чтобы слушатели самостоятельно понимали,

что имеется в виду. Например: шестьдесят лет назад Роза Люксембург, возражая против мнимого правого уклона социал-демократа Августа Бебеля, выкрикнула в зал: «Товарищ Бебель слышит только правым ухом!» Слушатели поняли о чем речь.

Сталин искусно использовал синекдоху в речи о войне (6 ноября 1941 г.): «Немецкие оккупанты хотят вести против народов Советского Союза войну на уничтожение. Что ж, если немцы хотят войну на уничтожение, то они ее получат»(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты). Прямо не сказано, но выражено представление, противоположное немецкому об уничтожении – слушатель продолжает думать и самостоятельно приходит к целевой мысли: не Советский Союз будет уничтожен, а Германия. Если бы вместо этого Сталин просто сказал: «Мы уничтожим немцев», то действие высказывания было бы далеко не так велико.

Подумаем о том, что все перечисленные здесь риторические средства многообразно связаны друг с другом и одно встроено в другое. В частности, они не применяются слишком кучно, в этом случае их действие притупляется. Самым важным остается следующее: обращать внимание на речь. Речь наглядна, внутренне напряженна и убедительна.

Многие из рассмотренных риторических фигур применяют даже неосознанно, но при подготовке нужно *сознательно* встраивать эти средства в структуру речи, речь должна быть хорошей и действенной. Техника, безусловно, повышает силу воздействия речи. Тот или иной из читателей, возможно, возразит, что нельзя слишком подчеркивать «формальное» и «техническое» в речи. Мы тоже не хотим это слишком подчеркивать. Но нельзя пренебрегать техникой, составляя речь с помощью «чувства и вдохновения». Ораторские приемы должны быть у речи в полном составе.

3.5 Вступление – заключение

3.5.1 Вступление

Вступление одновременно является «настройкой на слушателя». В виде сравнения Науман говорит о «звучании инструмента». Так же, как существуют «приманки для глаз» точно так же бывают и «приманки для слуха», сказал Веллер. Дело заключается в том, чтобы наладить со слушателями надежный контакт. Оратор устанавливает контакт и добивается внимания слушателей. Введение – первый перекидной мостик от оратора к слушателю.

¦ *«У введения две задачи: установить мысленную связь оратора и слушателя, а также, как говорит название, ввести слушателя в курс дела» (Винклер).*

В известной мере это принципиально важно. Невероятно много возможностей преобразовать систему мыслей в практическую реальность. Я хочу рекомендовать четыре способа формирования хорошего и действенного введения, причем второй (возможно, также в связи с первым) может приобрести большое значение. Эти способы формирования введения я назову так:

1. Способ подкрепления.
2. Способ повода.
3. Способ побуждения к размышлению.
4. Прямой способ.

Способ подкрепления

Способ подкрепления в целом настроен на установление со слушателями личных отношений, благодаря которым возникает *теплый контакт.* Задачу облегчают несколько по-настоящему-сердечных слов. Оратор задает себе вопрос: Что же чувствуют эти слушатели? Как я могу повысить общность мышления: сформировать общность чувств и вызвать доверие? Римский учитель ораторского искусства Квинтилиан называл эти усилия captatio bene-volentiae: обеспечение благожелательности. Это captatio benevolentiae должно быть простым, ясным и понятным любому; оно должно быть личным и примиряющим.

Образцовый пример искусного, но неопределенного captatio мы найдем в «Юлии Цезаре» Шекспира*: речь Марка Антония. У Шиллера в лагере Валленштейна** капуцин*** выкрикивает: «Ай да веселье! Пир да гульба! Примите в компанию и меня!» Он притворяется веселым повесой, только тогда его будут слушать. Затем, овладев вниманием, капуцин не спеша переходит в наступление: его возмущает развратная жизнь в лагере.

Слушателю хочется, чтобы обращались лично к нему. Дипломат Пауль Шмидт сообщает о французском политике Бриане: «Как оратор, Бриан был настоящим мастером. Он говорил совершенно естественно, у него не было никакой ораторской позы, *в зале у любого слушателя воз- пикало такое чувство, будто Бриан беседовал лично с ним…* Однако спокойный тон доверительной беседы постепенно менялся, голос принимал полновесное, мрачное звучание, заставлявшее слушателей сравнивать его с виолончелью».

Очень уместно также «веселое подкрепление», даже если доклад серьезен. Как выразился Лютер: «Слушате- лей надо развеселить, чтобы потом они охотно слушали проповедь». Что порекомендую? Несколько личных наблюдений – описание маленького происшествия во время поездки на собрание – несколько слов о круге слушателей, месте или ораторе, выступавшем с приветствием: все это может растопить лед

равнодушия. И тогда пусть оратор вспомнит слова Авраама Линкольна: «Мы все чув- ствительны к комплиментам». Маленький комплимент творит чудо. Только не переусердствуйте.

Ойген Рот чтение стихов в Вене начал со стихотворного извинения за свою простуду: «Стихи, что сочинял вполне здоровым, Боюсь, покрылись слизью и стали очень плохи».

Слушатели заулыбались и охотно смирились с оратором, страдавшим от простуды. Если в какой-то момент все рассмеялись, значит каждый испытал то непринужденное сближение с оратором, которое так важно. Натянутость быстро проходит, устанавливается дружелюбная атмосфера.

«Ллойд Джордж любил вступительные завязки, основанные на внешних обстоятельствах, связанных с местом собрания. Он не скрывал радости при виде большого ми-тинга»(Гуго Фишер).

Гельмут Шмидт тоже, где было возможно, начинал с лично пережитого, связанного с местом или известными лицами.

Когда Ганс Дитрих Геншер вступил в должность министра иностранных дел, ему не давался беглый английский. Его наградили сочувствием и улыбками, когда за рубежом, речь на английском языке он начал словами: «Леди и джентльмены! С английским языком у меня -как с женой: я ее люблю, но ею не владею».

Иоганн Рау тоже недавно намекнул в Вашингтоне на свое слабое знание языка: «Я надеюсь, что мой английский Вас не оскорбит».

Кратким вступлением начал свою речь по радио 7.8.1954 г. французский премьер-министр Мендес-Франс: «В эту первую неделю августа многие из Вас на каникулах. Не обижайтесь на меня, если я на несколько мгновений нарушу Ваш отдых и скажу о тяжелейшей проблеме, которая касается практически всех».

Здесь после выдержанной в стиле легкой беседы вспомогательной части политик нашел искусный переход к теме, сделанный в форме предуведомления.

Гюнтер Грасс в 1965 г. произнес несколько предвыборных речей, обративших на себя внимание широкой общественности.

В следующем примере видно, как Грасс после образной вспомогательной части (состоящей из риторических вопросов и предварительного обзора возражений!) продвигается к главной теме: «Граждане, города Любека[1]. Я предъявляю обвинение! По какому праву? На каком основании? Какая криво положенная доска – моя опора?

Приходит некто, имеющий подозрительную профессию: он изобретательно пишет и все же подозрителен правдивой истории.

Итак, некто, идущий рука об руку с фантазией, короче, писатель. Поэт, стихотворец, рассказчик – как хотите, потому что он ни разу не смог точно указать свою профессию, – итак, он кляузник, интеллектуал и шавка (наш язык так богат на бранные слова) – он приходит, с одной стороны, обвиняет, а с другой, советует голосовать за Социал-демократическую партию Германии.

Он рекомендует партию, которая предоставляет мало возможностей его профессиональному климату, его склонности к преувеличению и игре слов; так как она, высоко ценимая мною Социал-демократическая партия Германии, является партией, стремление которой к образованию, но не искусству. В основном она планирует, а спонтанная деятельность ей чужда. Не в меру прилежная и солидная, какой мы ее знаем, Социал-демократическая партия Германии является политической фантазией впавших в рассудочность детей».

Итак, подкреплением называют captatiobenevolentiae, помещенное перед деловой частью речи. Следующий пример такого подкрепления содержит важный признак хорошего согласования. В начале стоят *слова, вызывающие улыбку,* за ними следуют обращение и благодарность; искусно выражается радость по поводу возможности обратиться с речью. Добавляются: ссылка на место, где произносится речь, обращение к отдельным лицам, общий комплимент, личные воспоминания.

Имеется в виду начало речи, которую Андре Фран-суа-Понсе произнес в 1950 г. (2 июня) перед немецкими и французскими главами городской администрации.

«Итак, в соответствии с программой настала моя очередь раздавать сюрпризы, и пока вы меня не выслушаете, другого варианта вам не представится. Вы, так сказать, в моей власти…» (Возбуждение улыбки в тоне непринужденного разговора!) «Господин федеральный президент, господа обербургомистры, месье мэры Франции!» (Обращение в соответствии с рангами; обербургомистры и мэры, разумеется, в одинаковом ранге, но, будучи французом, он называет немцев, естественно, первыми, прежде чем он обращается к своим соотечественникам). «С благодарностью и радостью я принимаю обращенное ко мне приглашение присутствовать при завершении вашего съезда немецких обербургомистров и французских мэров и в связи с этим снова увидеть Штутгарт». (Благодарность; радость по поводу возможности обратиться с речью). «Откровенно говоря, я был очень растроган, вспомнив мое первое пребывание в вашем городе»(ссылка на то, что связано с местом). «Господин федеральный президент знает, что я сентиментален (обращение к отдельному лицу). «Но где могут это понять лучше, чем в

Швабии!» (комплимент). «С тех пор прошло почти полстолетия. В 1902 г. я прибыл сюда юным гимназистом… (следует личное воспоминание). Так, не спеша, Франсуа-Понсе переходит собственно к предмету своей речи: немецко-французскому соглашению, которого он настойчиво добивался и о котором много говорил в своих выступлениях. У него, как у хорошего оратора, точный прицел – договориться о немецко-французс-ком сотрудничестве в вопросах управления.

Мастером «веселого подкрепления» был федеральный президент Теодор Хеусс. «Об оценке современной техники» – это название праздничной речи 7 мая 1955 г. в Мюнхене по поводу столетия со дня рождения выдающегося инженера (и основателя Немецкого музея) Оскара фон Миллера. Подкрепление здесь заключается в «атмосфере», созданной цепью «возбуждений улыбки». Она содержит такие же элементы, как подкрепление Франсуа-Понсе: мягкий юмор, ссылка на ситуацию, обращение к приглашенным и так далее. Оратор действует наглядно и пластично, благодаря вставке в речь маленькой дискуссии. Хеусс начинает так (причем свой звучный голос он, как всегда, ставит точно на нижний регистр): «Оскар фон Миллер обладал великолепным даром: он понимал, как нужно распоряжаться людьми. (Здесь мы видим хороший пример, я его очень рекомендую: прием речи с использованием двоеточия.) Отто Мейер, его приверженец и настоящий последователь, распоряжается, используя федерального президента (оживление в зале). Два года назад это ему не удалось: тогда я участвовал в праздновании 50-летнего юбилея Немецкого музея, между тем как незадолго до того я произнес торжественную речь к 100-летнему юбилею Германского национального музея. И то,и другое относилось к одной и той же теме! Отто Мейер успокаивается и ставит свои ловушки: все же Хеусс от меня не улизнет! Он высмотрел угрожающую в ближайшее время 100-летнюю годовщину со дня рождения и я при моей любви к дорогому человеку уже был готов участвовать в празднестве.

– Кто будет произносить речь?

– Естественно, Вы.

– Это «естественно» – образец взятой напрокат «техники приобретения по Миллеру».

– Но ведь и в 1950 году я уже представлял Миллера. – «Ах, говорите что хотите. Вам уже что-то пришло на ум. – В его уверенности есть нечто трогательное, но она не вызволяет меня из критической ситуации: речь о Миллере, который сегодня, так сказать, стоял на очереди, была произнесена пять лет назад на том же месте…

«И теперь оратор не спеша переходит к теме, которую он совершенно уточнил и этим показал, что он в первой речи о Миллере никоим образом не исчерпал тему: Хеусс преподносит слушателям деятельность Миллера под новым углом зрения. «Комментарии… по поводу столь затруднительной для нашей современности проблемы *оценки техники* с попыткой осветить вероятную позицию Миллера по этому комплексу вопросов или, как прекрасно говорят, выявить ее…»

¦ *Мы же выявим следующее: тайна хорошего оратора, материал которого всегда нов и увлекателен, состоит в том, чтобы всегда опять и опять находить новую точку зрения, вновь и вновь открывать новые взаимосвязи.*

Техника использования повода

Подкрепление – только видимость ломки льда для создания нужного климата в зале, и у нее слабая связь с содержанием речи. Напротив, повод ярко высвечивает ситуацию или то, что имеет прямое отношение к обсуждаемой проблеме, повод напрямую связан с содержанием речи. Небольшое происшествие, сравнение, личное переживание, анекдот, неожиданная постановка вопроса - дают возможность в дальнейшем связать с ними речь. • *Небольшое происшествие.* К этой технике обращался великий проповедник Бертольд фон Регенсбург (13 век). «Такое начало речи действует на слушателей, у которых нет навыков абстрактного мышления, а лишь привычка к живому сочувствию: имеется в виду начало речи с небольшой истории, которая в форме притчи ведет к теме проповеди» (Ирмгард Вайтхазе).

Один историк свой доклад о союзниках по разгрому Германии в 1918 и в 1945 годах начал с описания следующего эпизода: «Когда Уинстон Черчилль в 1945 году в лондонском аэропорту садился в самолет, чтобы лететь на Потсдамскую конференцию, видный журналист озабоченно спросил его: «Господин премьер-министр, не совершат ли союзники в Потсдаме те же ошибки, что и в Версале?» Черчилль, усмехнувшись и не вынимая изо рта сигары, ответил в мудром предвидении: «Можете быть уверены: мы не совершим еще раз те же самые ошибки – нет, они будут совсем другими!» Оратор, использовав этот эпизод, добился напряженного внимания слушателей и одновременно

удачно связал с содержанием своего дальнейшего выступления. *Сравнение.* Доктор Ойген Герстенмайер 10 сентября 1948 г. произнес во Фленсбурге* речь под названием «Христос проходит через преграды». Он начинает следующим образом: «В пограничной области понимают значение границы. Там ощущают несравненно глубже, чем во внутренних областях страны, что

возможность передвижения людей ограничена, что жизнь отдельных людей совершается во взаимосвязи, которая отличается от взаимосвязей в других странах. Такую систему жизненных взаимосвязей мы называем народом…» Далее президент бундестага исходит из ситуации, в которой живут граждане Фленсбурга, хорошо знакомые с напряжением: оно связано с пограничной областью. От этого сравнения, как исходного пункта, он направляется к анализу сути границ и приходит к убедительному заключению, высказываемому ясными, разнообразными по форме и законченными фразами, например, «Церкви недопустимо капитулировать перед границами…, поскольку Иисус Христос спаситель мира, а не только группы людей, одного поколения или одного образованного слоя…» Содержание речи также можно соединить с актуальным событием.

Сравнение всегда помогает выработать основное положение, общее для оратора и слушателей. Следствие – напряженное внимание. *Лично пережитое событие.* У Вас появится хороший повод перейти к своей речи, если начнете с небольшого пережитого лично Вами приключения. Ваша задача – любопытство и напряженное внимание. Речь на тему «Задачи и границы терпимости» доктор

Герстенмайер начал с рассказа, который я снабдил несколькими риторическими комментариями (в скобках): «Когда-то в небольшом ресторанчике Страсбурга велись долгие дебаты. *Фиксируется исходный пункт: когда, где, что.)* Обычно их вели в спокойной задумчивости, но иногда – с пылкой резкостью. (Кроме *противопоставления «спокойно-пылко» появляется еще* одна риторическая фигура -«предварение». *Эта фигура определяет также и следующее предложение. Напряжение создается с помощью «затяжки»; слушатель уже знает, как проходили дебаты, но еще не знает, о чем.)* Разговоры неожиданно переходили с текущей политики на те принципиальные вопросы, которые вновь и вновь со страстью обсуждались в мире тут и там, но особенно в Германии. Как далеко должна заходить терпимость? Как далеко она должна заходить? В чем ее особые задачи и где устойчивые границы в наше время? *(Комбинация фигур, цепи вопросов и разъяснения)*. Пунктом, на котором разгорались споры, был вопрос о конфессиональной* школе *(пример)*. Создание конфессиональной школы было объявлением войны *(сравнение)* терпимости в государственной или общественной жизни, поскольку *(следует обоснование)* школа изначально воспитывает детей в нетерпимости, по крайней мере в непонимании других. Это мнение настойчиво защищали изгнанные судетские немцы.

Напротив, вестфальские католики не менее настойчиво говорили *(противопоставление),* что в свободной стране родители имеют право сами принимать решение о воспитании детей, и никакие государственные инстанции, исходя из соображений государственной целесообразности, не могут посягать на это право или ограничивать его *(контраргументация)*. Ни су-детские немцы, ни вестфальцы не затрагивали хотя бы одним словом вопрос взаимной терпимости конфессий. Что религиозная терпимость должна вырабатываться, что в особой мере взаимно терпимы должны быть большие конфессии, что нужно взаимное уважение *(разъяснение),* было для тех и других настолько само собой разумеющимся, что об этом не проронили ни слова. Я думаю, что в этом выразилось нечто показательное для духовного и общественного развития…» *(В немногочисленных образных высказываниях оратор, используя рассказ, открыл круг проблем, которые в последующем он рассматривает ближе, причем в качестве перехода применяет цитаты.)*

Анекдоты не должны только смешить, а одновременно иметь меткий прицел относительно темы, аналогично «небольшим происшествиям». Выбирайте анекдоты, которые Вы можете считать малоизвестными или неизвестными вовсе. Так можно украсить и остроумно начать почти любую речь, кроме надгробной. Последующая серьезность оратора часто выразительно подчеркивается веселым вступлением. Так, употребленный в речи анекдот с помощью «перемены сути» вводит веселым и тем не менее умным способом в самый центр проблематики. Во время Венского конгресса в 1815 г. царь Александр I возмущался поведением саксонского короля. Он бушевал: «Этот король – презреннейший изменник, и ничего больше!» «Сир, – возразил Талейран и намекнул на Тильзит, где Александр I прекрасно договорился с Наполеоном, – измена – это только вопрос даты».

• *Неожиданный вопрос.* Речь можно начать и с неожиданного вопроса к одному из слушателей. Доклад о княжестве Лихтенштейн* начинался так: «Уважаемые дамы и господа, Вам известно, что Пруссия**, вела самую продолжительную в истории войну с маленьким Лихтенштейном? Состояние войны продолжается с 1866 г., в сущности, по сей день…» (Для пояснения: «войско» Лихтенштейна, силою в половину роты, направлялось на помощь Австрии, но до конца войны не прошло через ближайший альпийский перевал и вернулось с поля битвы в родной Вадуц еще более сильным, став в этом отношении, возможно, единственной армией в мире. Столь любящие порядок пруссаки напрочь забыли заключить с Лихтенштейном мирный

договор…). Двум способам – «подмоге» и «поводу» предоставляю самое видное место из имеющихся инструментов формирования введения, но предостерегаю от их неоправданного применения. Если не приходят на ум хорошая «подмога» или «повод», то лучше довольствоваться менее искусными приемами, наподобие двух следующих, которых я коснусь вкратце.

Техника возбуждения размышления

В начале речи можно использовать прием возбуждения размышления, особенно для подготовленных слушателей. Это когда называют проблему или пакет проблем и задают слушателям вопросы, которые затем рассматривают в главной части.

Ставший позднее федеральным канцлером Кизингер начал свой доклад с «прогнозов графа Алексиса де Токуэ-виля, сделанных в начале индустриального века»(Карлс-руэ 3 декабря 1960 г.). Цепь вопросов и заключительное утверждение оратора возбудило внимание слушателей и тем самым способствовало размышлению: «Где мы находимся? Куда идет наш мир? Что можем и должны делать, чтобы придать развитию такое направление, какое должны желать людям, человечности, человечеству? Такие вопросы, почти до отвращения известные нашему поколению, впервые были поставлены с пылкой настойчивостью сто двадцать лет назад графом Алексисом де Токуэвилем, и ответы даны им с ошеломляющей нас актуальностью».

Эта техника, активирующая мышление, побуждает слушателя к сотрудничеству, к совместному размышлению. Открыто поставленные вопросы или даже представленная точка зрения, которая затем будет опровергнута, - все возбуждает у слушателя напряженную работу мысли, в которой он следует за оратором.

Прямая техника

Четвертой возможностью формирования введения является прямая техника. Мы сразу же переходим in medias res: к сути дела, без всяких ухищрений. Мы отказываемся от любого настоящего введения. Мы вкратце говорим о причине нашего выступления, быстро переходим от общего к частному и начинаем с темы. Эта техника рациональна, холодна, прямолинейна и свойственна тысячам небольших деловых сообщений, которые звучат опять и опять, если время отмерено скупо: как перед начальником, так и перед сотрудниками.

В политической речи также можно выступить без промедления с открытым вызовом на дуэль. Объявляется твердая,

определенная, убежденная позиция. Мы «производим фурор», увлекаем друзей и нейтралов, но в то же время проявляем уважение к противнику.

У нас много возможностей сделать выступление хорошим. Перед тем, как на что-то решиться, рекомендуем обдумать следующее:

• Вступление не должно быть длинным. Если стол на- крыт, аппетит растет, но он проходит, если стол на-крывают слишком долго.

О вступлении с несомненной иронией пишет в «Советах плохому оратору» Курт Тухольский: «Никогда не начинайте с начала, но всегда с расстояния в три мили от начала! Примерно так: "Дамы и господа! Прежде чем я перейду к теме сегодняшнего вечера, позвольте мне вам вкратце…" Здесь ты уже имеешь примерно все, что делает начало прекрасным: сухое обращение, начало перед началом, объявление, о чем и что ты собираешься говорить, сло-вечко "вкратце"… Так ты в одно мгновение получаешь сердца и уши слушателей». Историческое вступление зачастую слишком скуч-но. Именно мы, немцы, склонны любую проблему проследить от первобытной истории человека. В книге может это возможно, но в речи – нет. Поэтому доклад о сегодняшнем импорте зерна не обязательно начинать с аграрной политики Карла

Великого.

Вильгельм фон Гумбольдт так охарактеризовал многословие одного учителя истории: «Если слушают его историю, то хотят быть Адамом, при котором история была совсем короткой». Но эту риторическую болезнь «историзма» в открытой форме находят не только у немцев. Например, в Лиге Наций двадцатых годов Чемберлен упрекал тогдашнего литовского премьер-министра Вольде-мараса за то, что тот свои патриотические речи по-стояннно начинал «с сотворения мира и с первого литовца в раю». Язвительно, как это мог делать только Черчилль, упрекнул он своего противника Макдональда после подробной вступительной речи: «Мы знаем, что никто другой не обладает таким даром впрессовать наибольшее количество слов в наименьшее количество мыслей».

• «Он сказал это ясно и в приятной форме – что будет во-первых, во-вторых и в-третьих»(Буш). Томас Карлейль требовал вешать всех писателей, которые пишут книги без оглавления. Конечно, определенного наказания нужно требовать и для оратора, речь которого не раскрыта уведомляющими заголовками или который не делает какого-либо обзора содержания. Где-нибудь во вступлении оратор должен кратко показать структуру

своей речи. Например, «Я рассмотрю следующие вопросы…» или «я раскрою мою тему в трех разделах, названных 1…, 2…, 3…,».

«Фридрих Науман настоятельно посоветовал бы вначале сказать, что ты, собственно, хочешь, чтобы собравшиеся не оказались путниками в тумане».

• У многих ораторов прямо-таки мания начинать речь, со слова «если». «Если сегодня мне будет оказана честь рассказать Вам о культе предков у эскимосов, то я не смогу это сделать без предварительного… и так далее, и так далее. *

Остерегаются как вечного «если», так и нарочито сухой и чрезмерной учтивости.

3.5.2 Заключение

Как пару тысяч лет назад, так и сегодня справедливо сказанное Сократом в беседе с Федром. Сократ: «…Что же касается заключительной части речей, то у всех, видимо, одно мнение, только одни называют ее сокращенным повторением, а другие иначе».

Федр: «Ты говоришь, что в конце речи нужно в общем виде напомнить слушателям обо всем сказанном?» Сократ: «Да, по-моему, так».

¦ *Повторение в сокращенном виде важно, но заключение не только повторение. Скорее, в заключении усиливается и сгущается основная мысль речи.* Мы четко формулируем заключение: скупой образ, легко понимаемая формула, точное целевое высказывание. Особой кристальной ясностью обладают фразы, выражающие главные мысли. Любому слушателю, когда он слышит заключение, должно быть понятно, что имеется в виду. Расплывчатость недопустима. В деловое сообщение заключение должно внести окончательную ясность; если речь убеждающая, целью заключения становится действие. Заключение представляет собой призыв, побуждение. Ведь убеждающая речь стремится заставить слушателя действовать определенным образом. Для достижения этой цели действие заключения особенно убедительно. Должна господствовать *одна* мысль, выраженная лаконично и убедительно. Все, сказанное прежде, направлено на эту цель. Из-за слабого заключения может сойти на нет действие всей речи.

Дантон в заключение своей речи вставил следующую антитезу: «Теперь настал момент для принятия великой и последней клятвы: Мы все намерены умереть или уничтожить тиранов». Еще раз процитирую ставшими историческими заключительные слова Бисмарка: «Будем работать быстро: ведь мы, так сказать, усадили Германию в седло: она может скакать!»

Многие ораторы нашего времени в заключении делают хорошую и действенную кульминацию, но они упускают из виду лаконичное и доходчивое обобщение самого существенного в их речи.

В общем мы считаем, что даже у хороших ораторов слишком много высказываний, следующих друг за другом, но не связанных друг с другом.

¦ *Как вступление, так и заключение следует разрабатывать очень тщательно. Заключение запоминается слушателю больше всего.*

«Единственное, что точно останется у слушателя от речи – это заключение. Все, что предшествовало заключению, закрывалось одно за другим: слово ложилось за словом, образ следовал за образом и одна мысль пересекалась с другой, и лишь заключение осталось открытым» (Уве Дженс Крузе). Последние слова долго остаются в памяти. Мы запоминаем заключительное предложение или даже последние предложения чаще всего дословно. Обычно оратор придумывает в зависимости от обстоятельств два или три возможных заключительных оборота. Смотря по тому, как протекает речь, он использует тот или иной, более мягкий или более жесткий оборот.

Итак: заключение должно быть сформулировано заранее. Если при произнесении речи нам мгновенно, в зависимости от настроения, придет в голову лучшее заключение – хорошо: всегда еще можно внести изменения. Важно четко отделить заключение от главной части, например, с помощью вступительного оборота типа «я \ обобщаю» или «я перехожу к заключению». Хорошо каким-либо образом связать заключение со вступлением. Так можно завершить доклад.

В музыке бывает, что заключительная часть дополняет вступление. Заключительное высказывание часто прямо обращено к слушателям: оно должно быть направляющим.

Начинающему можно рекомендовать в качестве устойчивого оборота речи выражения типа: хотелось бы сегодняшний вечер посвятить тому…, хотелось бы содействовать росту понимания…, хотелось бы, чтобы нам удалось… Затем может следовать дружеская благодарность слушателям.

Покажем, как формируют заключение выдающиеся ораторы нашего времени.

Австрийский министр иностранных дел Крейский закончил свою речь в Польском институте международных отношений (Варшава, 2.3.1960) словами: «Итак, в заключение моих рассуждений я хотел бы *(предуведомление)* выразить надежду на то, что ответственным за судьбу народов удастся найти

правильный ответ на страшный вопрос Эйнштейна, уготовим ли мы конец человечеству или предотвратим войну *(цитата с антитезой)*. Я думаю, что есть путь избавления этого поколения от войны. Если это возможно с помощью наших общих усилий *(обращение к воле слушателей),* то почему мир не должен быть достигнут последующими поколениями? *(антитеза: война-мир; риторический вопрос)*. Вам предоставлено решить, какие из творений, которые мы сегодня сохраняем и развиваем на основе сосуществования, будут перенесены через порог нового века *(образ)*. (Теперь следует главное высказывание; вместе с обобщением предшествующих высказываний оно в заостренной альтернативе содержит ясную точку зрения). Некоторые думают, что это различные свершения, которые подготовят новые формы общественной жизни, другие – на чьей стороне стою и я – думают что в конце концов это будет осуществление идеи *свободы* во всех областях общественной жизни. Поэтому Вы поймете *(обращение к слушателям),* что на меня большое впечатление произвел ответ Бенедетто Корце на вопрос, принадлежит ли свободе будущее. Он ответил: «Нечто намного большее – вечность»; *(заключительная цитата)*.

В качестве второго примера я приведу заключение волнующей речи, которую произнес в 1952 г. Теодор Хе-усс на освящении памятника жертвам бывшего концентрационного лагеря Бельзен: «Здесь стоит обелиск, здесь стоит стела с надписями на многих языках. /Это камни, холодные камни. /Saxa loquutur – камни, которые могут говорить./ Здесь дело в одном, здесь дело в тебе, что ты понимаешь их язык, что ты понимаешь их особенный язык; ради тебя, ради нас всех!».

Эти слова очень убедительны, безо всякого поэтического преувеличения. В начале три коротких предложения, точно вырезанные из камня, о котором идет речь. Первое и второе предложения только описывают, что *есть.* Третье и четвертое: что это *означает?* Расширенное заключительное предложение дает переход от объекта памятника жертвам к слушателю; оно создает отношение «памятник – обязательства человека в будущем». Особенно убедительно косвенное высказывание, что камни здесь говорят человеку, сказано не впрямую. После всех слов, которые предшествуют заключению, каждому слушателю ясно, что подразумевает Хеусс под их «особым языком».

В результате речь ничего не навязывает слушателю; а в уважительной форме рекомендуется сделать выводы самому. Каждый чувствует, что вопрос задан лично ему. Впрочем, в небольшом числе высказываний мы находим многообразие связей риторических средств.

1-е высказывание: *анафора* (здесь стоит – здесь стоит); разъяснение (обелиск – стела с надписями на разных языках).

2-е высказывание: *расширенный повтор.* В античной риторике назывался Geminatio: камни – холодные камни.

3-е высказывание: *цитата с переводом* (перевод важен, чтобы слушатели, не знающие латыни, поняли смысл).

4-е высказывание: *анафора* (здесь дело – здесь дело, что ты – что ты), разъяснение с помощью индивидуализации (в одном – в тебе), разъяснение с помощью расширенного повторения («их язык – этот их особенный язык»), *эпифора* (двойное «ради»).

Я хочу констатировать: этот пример показывает также, что в кульминации речи должна быть концентрация риторических средств.

Нижеследующие высказывания представляют заключение речи, которую произнес в Мюнстере Франсуа-Понсе (27.4.1954). Это заключение дает убедительное обобщение предшествующего хода мыслей. Наглядно и точно выражена суть демократии. Много риторических фигур: сравнение («если я рассмотрю…»), образ («ключи к счастью»), разъяснение («гражданственность – чувство ответственности…»), цитата, обращение, повторение и так далее. Кульминацией является обращение: «Ничего чрезмерного! Никаких крайностей: соблюдать меру!» Заключительное высказывание дает еще одну глубокую мысль, которая остается в памяти слушателей: «Терпение… является особой формой силы». В целом заключение гласит: «Не будем предаваться иллюзиям! Очень тяжело направить демократию на правильный путь, уберечь от опасностей, которые проистекают из нее самой. Она является тяжелейшей из всех форм правления. В частности, она предъявляет высочайшие требования во внутригосударственном устройстве. Она требует от каждого человека гражданственности, чувства ответственности. И все же, если сравнить демократию с другими формами правления, то придем к выводу, как сказал о себе самом один умный человек: «Когда я сравниваю себя с другими, то начинаю уважать себя самого!» Христианское учение пришло к нам из древности. На эфесе шпаги, которую я носил как член Французской Академии, было выгравировано на латыни: "Ne quid nimis". Ничего чрезмерного! Никаких крайностей: соблюдать меру. По моему, в этой формуле заключена глубокая мудрость, возможно, даже ключ к счастью.

Patientia – терпение – вовсе не кардинальная добродетель, нечто иное, особая сила».

Всегда действенно в заключении охарактеризовать общий взгляд на проблему и ввести в русло речи особую тему От этой

темы в речи переходят к возможным последствиям в будущем.

В речи с выражением мнения заключение будет удачным, если слушатели идентифицируют себя с оратором.

Приведем пример, столь же удачный: Речь президента Кеннеди в Берлине (1963). Кеннеди идентифицирует себя с берлинцами, намекая на классическое выражение: «Я – римлянин»: «Все свободные люди, где бы они ни жили, граждане этого города, Западного Берлина, и потому я, как свободный человек, горд тем, что могу сказать: «Я – берлинец». То, что он это (придуманное его советником Соренсеном) заключительное высказывание сказал по-немецки, еще больше усилило впечатление.

Если в заключении желательно привести цитату, то нужно проверить, подходит ли она в действительности. Цитата должна быть очень меткой. Слишком часто при изменении текста цитата предстает в новом окружении и в заключении кажется «пришитой». Хорошо выбранная и не затасканная цитата может стать прекрасной кульминацией.

Некоторые ораторы рекомендуют в конце речи с выражением мнения «поддать жару». Но здесь, как и в любой другой части речи, остерегаются старомодного пафоса, который мы иногда наблюдаем. Прошли времена (к счастью), когда оратор пламенным призывом увлекал людей на баррикады. Сегодня патетика подходит лишь для демагогов, которые удовлетворяют националистический спрос, зовут насильственно осчастливить человечество.

Сегодня производит прямо-таки забавное впечатление торжественно исполняемая лирика времен 1900 года в конце собрания объединений. Оратор намекает, конечно, из лучших побуждений, на разнообразие работы объединений и одновременно восклицает: «И таким образом мы следуем девизу наших предков:

"Атлеты, певцы и стрелки

Опора немецкой страны.

Но лучше всех служит лишь тот,

Кто метко стреляет и песни поет." Оратор не закончил речь, но с кульминацией она закончена. Он должен не уйти, а *совершить уход.* Бывает, что стиль речи неожиданно воодушевляет публику. Хотят, собственно, сказать кое-что еще, но упускают и заканчивают непредвиденной кульминацией.

Легко можно совершить две ошибки: Один раз оратор неожиданно прекращает речь и уходит чуть ли не без прощания, другой раз прощается на протяжении получаса. Если просто не добраться до конца, некоторым людям трудно прекратить речь,

когда тема исчерпана. В конце концов долгое прощание причиняет неудобство. Не следует говорить: «Я перехожу к заключению» и поступать не в соответствии с этим заявлением. «Конец речи без заключения не хорош, но заключение без конца ужасно» (Патока). Отведенное для речи время давно закончилось, речь все длится и длится, с нею удлиняются и лица слушателей, и можно услышать немой вопрос: «Ну когда же конец?» В этом случае Тухольский иронично рекомендует: «Заранее объяви об окончании речи, чтобы слушатель от радости не получил апоплексический удар. Объяви заключение, а потом начинай свою речь сначала и говори еще полчаса. Это можно повторять до бесконечности». Саркастический ответ спартанца на утомительную речь посланца с Самоса* гласил: «Начало твоей речи мы забыли, середину прослушали, и только конец нас обрадовал».

Слова Гете: «То, что ты не можешь закончить речь, делает тебя великим» – чеканены не для оратора. Оратор не устраивает вместо заключительного оборота заключительный «крутеж». Он заканчивает речь, когда публике еше хочется слушать. (Нельзя походить на певца, о котором критик писал: «Он очень хотел спеть на бис, но пуб- лика предпочла покинуть зал».

Можно ведь и не поступать как рейнский пастор Йоханнес Харф, не побоявшийся прервать проповедь, когда контакт со слушателями только установился, да еще на чистом диалекте: «Господин Шмитц, если Вы еще раз посмотрите на часы, я гарантирую Вам проповедь на десять минут дольше…»

В берлинском парламенте депутат, знаменитый своими долгими речами и только что произнесший длинную речь, снова поднялся на трибуну. В зале наступила тишина и вытянулись лица. Однако депутат объяснил: «Господин президент, дамы и господа! Если я еще раз поднялся на трибуну, то не потому, что я решился еще на одну речь. Я просто забыл здесь мои очки». Напряжение палаты разрядилось смехом.

Плохой знак, если во время доклада слушатели то и дело поглядывают на часы. Но как мучительно для Вас, если кто-то держит часы возле уха, полагая, что стоят. Величайшая похвала, если после речи нам кто-нибудь скажет: «Я мог бы Вас слушать еще час».

Соответствующим ситуации, кратким и очень личным было заключение речи, которую произнесла президент бундестага Анна-Мария Ренгер при вступлении в должность (13. 12. 1972): «Дамы и господа, политика является, как говорят, жестким делом *(сравнение)*. Кто этого не знает! Но нужно ли напрочь исключать шутку? *(Риторический вопрос)* (Оживление и аплодисменты).

Давайте при всей жесткости и при всей серьезности будем человечными! К реалиям нашей работы относится наша человечность со всеми ошибками и слабостями, которые у нас есть, и терпимость – величайшая предпосылка демократии, что не означает, однако, снисходительности и примирения, но даже послабления»(оживление, аплодисменты).

3.6. Примеры речей с их анализом

В следующем разделе на отрывках из речей выдающихся ораторов нашего столетия покажем, как, рассмотренные в предыдущих главах основные положения и средства выражения разнообразно переплетаются в речи друг с другом. Примеры взяты из произнесенных по различному поводу речей. Мы могли бы этих примеров привести сколько угодно. У каждого свои особенности и тем не менее повторяем вновь **и** вновь – все они обладают теми риторическими средствами, которые определяют хорошую риторику наших дней. Рекомендуем эти речи читать полностью, здесь же у нас нет такой возможности. Многие из этих речей можно изучить относительно структуры, способа повышения эмоционального напряжения, особенностей введения, заключения и так далее. В центре нашего внимания ***построение*** речи. Но эффективность речи существенно зависит и от ее произнесения.

1. Из речи Виктора Адлера «Опасность войны и свобода печати». (Источник: Ганс Патока: «Искусство речи». – Вена, 1951. – С. 159 и далее).

Австрийский социал-демократ Виктор Адлер задолго до начала первой мировой войны предостерегал от попыток подстрекательства к войне.

Следующий отрывок взят из речи, произнесенной им 28.11.1912. В этой речи он выступает против тех, кто использует любую действительную или мнимую провокацию Сербии, чтобы побудить Австрию к войне. Чтобы донести до слушателей мнение, порожденное глубокой ответственностью за судьбу страны, мобилизуются всевозможные средства риторики. Эти подстрекатели «хотят заклеймить нас, социал-демократов, как предателей отечества, называя себя «патриотами»! ***(иронический оборот).*** Если патриотизм вообще означает что-либо, так это – любовь к народу. Патриоты – это люди, работающие над тем, чтобы не ввергать народ в чудовищную войну *(переоценка понятия* «патриот»), а вовсе не те *(следует противопоставление),* которые легкомысленно звенят саблями ***(образ),*** с которыми *они* никогда не умели обращаться. В *этом месте речь оратора прерывают возгласы:* Позор Райхспост!, имеется в виду *сообщение этой газеты (позднее опровергнутое) о том, что австрийский консул*

был захвачен сербами. Адлер отозвался искусной репликой: «Естественно, господа из «Райхспост» смелые ***(неожиданность),*** но только в отношении чернил (иронический оборот в форме ***перефразирования).*** Но если встанет вопрос о мобилизации, им следует пойти с теми людьми, кому придет повестка. А это не трусливые люди, это люди с величайшим мужеством и величайшей выдержкой ***(противопоставление).*** Это люди, которые привыкли бороться за свои убеждения и готовы поставить на карту жизнь, если речь идет о народном деле ***(повышение*** *эмоционального возбуждения).* Господа же поступают, как если бы мы – «оплакивающие мир», как они о нас говорят, *(анафора)* были бы трусливы, а они имели смелость ***(противопоставление, разъяснение)*** вас, рабочих, послать в огонь!» *(перефразирование,* обращение понятия «смелость»).

В ближайших предложениях обратим внимание на резкий поворот высказывания – от язвительного сарказма к глубокой серьезности; причем Адлер говорит уже от лица не оратора-одиночки, а как защитник убеждений своих слушателей. «Не я хочу – ***мы*** хотим…» *Он воспринимает мысли и чувства собравшихся и формулирует их в ясной и четкой форме. Эта техника определяет агитаци-нную речь!).*

Если господа хотят крови во что бы то ни стало, то изволят вскрыть себе вены, это очень полезно полным господам! Мы не хотим никакой войны! ***(восклицание)*** Поэтому мы не равнодушны к судьбе своего народа и не равнодушны к чести этой страны ***(возражение;*** *далее следует обоснование).* Но мы делаем точное различие. Речь недавно шла о захвате консула Прохаски. Об этом много врали и, может быть, в ближайшее время наврут еще больше. Но если правда, что до него добрались, тогда мы целиком за то, чтобы привлечь сербов к ответственности! *(Следует главное высказывание.)* Но нельзя, чтобы из-за оскорбленной чести текла кровь сотен тысяч. *(Следует прием* ***сравнения).***

И если заступаются за господина Прохаску, тогда пусть также заступаются за каждого гражданина Австрии, которого в Америке застрелили как бешеную собаку ***(сравнение),*** которого затравили в Пруссии, и наше министерство иностранных дел не пошевелило пальцем ***(образ).*** Ну еще бы, ведь это только «подданные», в то время как консул является частью государства ***(противопоставление, иронический оборот).*** Любой волос с его головы уже означает часть государства ***(преувеличение).*** **По** поводу пролетариата не заявляют никаких протестов. Если обходится, хорошо, если не обходится, тоже хорошо

(противопоставление). Ну, довольно о пролетариате. Мы очень чувствительны к посягательствам на честь нашей страны и возвышали наши голоса бесконечное число раз, но нас не услышали»(описание).

2. Из речи Филиппа Шейдеманна против заключения Версальского мирного договора (Национальное собрание, 1919 год). *(Источник:* Отдельный том Немецкого исторического календаря: От перемирия к миру. Лейпциг, 1920, с. 497 и далее).

Немецкий имперский премьер-министр Филипп Шейдеманн (Социал-демократическая партия Германии) закончил свою пламенную речь протеста против заключения Версальского мирного договора* следующими убедительными словами:

«.Мы знаем это и хотим честно сказать ***(пояснение:*** *знать - честно сказать),* что этот грядущий мир станет для нас пыткой ***(противопоставление).*** Мы не отступим ни на волос ***(образ)*** от того, что является нашим долгом, о чем мы договорились, от того, что ***(анафора)*** мы должны вынести *(разъяснение: долг – согласились вынести. В соответствии с аргументацией используется следующий способ ограничения:* да – но!). Но только договор, который можно будет соблюдать, который сохранит нам жизнь, который ***(анафора)*** обеспечит жизнь как единственный капитал для работы и искупления ***(разъяснение),*** только такой договор ***(расширенный повтор)*** может восстановить Германию. Не война, но ненавистный, равносильный самоистязанию мир для работы ***(противопоставление)*** станет купелью закалки *(образ)* нашего до глубины обессиленного народа. Мир для работы ***(повторение)*** - наша цель и наша надежда! *(восклицание)* Благодаря ему мы обсудим справедливые требования наших противников *(упреждающее возражение),* только благодаря ему мы поведем наш народ к полному выздоровлению. Мы должны выздороветь от наших поражений и болезней *(образ),* так же как наши противники – от болезней победы ***(противопоставление.*** *Предшествующее предложение - кульминация речи в целом: все, что сказано до сих пор, дано сжато в пластическом противопоставлении).* Действительность сегодня выглядит, как кровавая битва под Нордзее у швейцарской границы ***(образная деталь).*** Мы больше не сражаемся, мы хотим мира! ***(противопоставление, восклицание)*** Мы, содрогаясь, отвернулись от истребления: мы знаем, горе тем, кто накликал войну! ***(восклицание)*** Но трижды горе тем, кто сегодня оттягивает наступление мира хоть на один день!» ***(повышение эмоционального напряжения).***

3. Из речи Аристида Бриана в Лиге Наций*. *(Источник:* Пауль Шмидт. «Статист на дипломатической сцене», 1950. С.

118/119.)

В 1926 г. Германия вступила в Лигу наций. В этот торжественный день, полный (обманчивых!) надежд, француз Бриан в глубокой, блестящей речи сказал следующее: «Что означает сегодняшний день для Германии и Франции? ***(риторический вопрос).*** Об этом я хочу сказать: конец длинному ряду скорбных и кровавых стычек, которые позорят страницы нашей истории; конец ***(анафора)*** войны между нами, конец длинной траурной вуали *(образ)*. Никакой войны, никакого насилия ***(разъяснение), (восклицание). Я*** знаю, что различие мнений между нашими странами есть и сегодня ***(опережение - упреждение возражений),*** но в будущем ***(противопоставление)*** наши отношения приводить в порядок как частные лица, будем перед судом.

Поэтому я говорю ***(следствие):*** прочь винтовки, пулеметы, пушки! ***(пример, призыв)*** Свободен путь для примирения, подсудности третейскому суду, путь к миру!» ***(разъяснение, восклицание).***

Эти немногие высказывания обнаруживают различные риторические фигуры а также демонстрируют наглядность и выразительность речи Бриана. Кульминация в обоих кратких высказываниях заключения. В общем мы вновь и вновь констатируем: для кульминации хорошему оратору нужны неполные краткие предложения, напоминающие восклицания (см. речи Бриана, Шейдеманна и других), или, напротив, большие предложения (см., например, заключительные высказывания Хеусса).

4. Из торжественной речи Альберта Швейцера к 100-летию со дня смерти Гете, произнесенной 22 марта 1932 года во Франкфурте на Майне. *(Источник:* Эдгар Нейс. «Как мы формируем доклады и речи?», Холлфельд, 1963.)

Альберт Швейцер начинает эту убедительную речь со «вставки» в историческом настоящем времени, которая вводит medias in res (в суть дела). В переходе к главной части речи он исследует горькие обстоятельства актуальной современности. Благодаря этому уже во вступлении ясно, что Швейцер подходит к главному в речи – выявить современное значение писателя. Слушатели подготовлены и уже вначале речи введены в состояние внутреннего напряжения.

«Прошло сто лет, как Гете, который считал себя выздоравливающим, в девять часов утра приподнялся в кресле, в котором он провел ночь, и спросил, какая сегодня дата. Когда услышал, что 22 марта, сказал: «Значит, началась весна и тем более можно отдохнуть…» Радость, что в небе стоит весеннее

солнце, наполнила его, солнцепоклонника, целиком.

Когда мысли начали путаться, он попросил, на мгновение придя в сознание, чтобы открыли ставни и впустили побольше света. Прежде чем весеннее солнце достигло полудня, он ушел в царство вечного света. *(Обратите внимание, как упомянутый в рассказе «свет» возвышается до символа и соотносится с «Вечным Светом»).*

В сотую годовщину со дня смерти величайшего из своих сынов ***(перифраза)*** город Франкфурт размышляет в великолепном солнечном сиянии *(намек на «весеннее солнце»)* и в большой беде, которую он и народ Гете узнали по воле обстоятельств *(сильное эмоциональное напряжение благодаря внезапному противопоставлению)*. Безработица, голод и отчаяние – участь столь многих жителей города и государства ***(примеры,*** *подробности для разъяснения предшествующего предложения)*. Кто отважится измерить тяжесть забот о существовании, которые нами, собравшимися на это торжество, внесены в этот дом! ***(восклицание).*** Духовная жизнь поставлена под угрозу жизни материальной! ***(восклицание, цепь высказываний).*** Так велики нужда и заботы, которые выпали на этот день, что возникает вопрос, не следует ли его пережить в тишине ***(упреждающее возражение).*** Ответ получим в Фаусте ***(предуведомление).*** Император под впечатлением битвы говорит старшему камергеру, который просит позволения провести праздник:

Чувства, что меня обуревают, серьезны слишком,
Чтоб о празднике помыслить.
Однако пусть он состоится, ***(сравнение в качестве обоснования).***
Так пусть он состоится.

Сегодня мы торжественно отмечаем юбилей Гете со странным разладом в душе. Мы гордо представляем себе то неотъемлемое и не обесцененное, что нам дано в нем и в его произведениях. Но в то же время спросим себя, не стал ли он нам чужим ***(образ),*** потому что время его жизни и творчества не знало проблем и нужд нашего времени. Не идет ли свет, излучаемый им, над мрачной долиной ***(образное противопоставление),*** **в** которой находимся, в грядущие времена, когда мы достигнем его высот?» ***(риторический вопрос).***

5. Из речи Франклина Д. Рузвельта при вступлении в должность президента США. *(Источник:* Пауль Ланг. Книга для работы над немецким языком, том 2, 1952, с. 210 и далее).

Рузвельт стал президентом в период тяжелейшего экономического кризиса США. В речи, произнесенной по радио 4 марта 1933 г., он не приукрасил ситуации, напротив, открыто

показал американцам всю серьезность экономического положения страны и указал причины неудач. Но вместе с этим он сообщил нации о мерах, необходимых для преодоления трудностей, рассказал обоснованно, образно и понятно каждому. Речь стоит прочитать целиком. Мы же приводим только начало: «Сегодня – торжественный день для нашей страны и, конечно, все американцы ждут, что я, вступая в должность президента, скажу решительно и откровенно, что требует современное положение нашего народа. *(По первому предложению видно, что оратор целиком вошел в положение своих слушателей. Что хотят они услышать? Открытое, ясно выраженное мнение президента. Это предуведомление, подкреплено следующим предложением.*

Рузвельт добивается не только напряженного внимания, но и доброжелательного отношения слушателей: cap-tatio benevolentiae.)

Настало время сказать правду, всю правду ***(расширенный повтор),*** откровенно **и** смело ***(повышение напряжения*** *по сравнению с первым предложением)*. Нам не нужно бояться правды, когда рассматриваем ситуацию в стране. Эта великая нация выстоит, как она выстаивала в прежние времена; она возродится для нового процветания *(повышение э****моционального воздействия)*****. Так позвольте** мне **подтвердить** мое прочное убеждение: мы страшимся собственного страха ***(игра слов)*** - неосознанного, бессмысленного, неоправданного страха ***(расширенный повтор),*** ослабляющего наши усилия, благодаря которым мы превратим наше отступление в триумф ***(противопоставление)*****.**

6. Из речи Карла Герделера лейпцигским сотрудникам (31 марта 1937 г.). *(Источник:* Книга немецких речей и обращений, 1956, с. 492 и далее).

Карл Герделер – антифашист. В 1937 г. оставил пост обербургомистра Лейпцига и перед уходом произнес прощальную речь. Речь – показательный пример прощальной речи: она отшлифована, сердечна, убедительна. Гер-дел ер опечален, хотя не допускает ни одного сентиментального слова. Оратор не злоупотребляет риторическими фигурами, структура речи проста. Приводимое ниже заключение содержит важнейшие элементы классической прощальной речи. Содержание раскрывается в следующей последовательности: значение выполненной работы; трудность прощания; личный вклад; признательность сотрудникам без преувеличения; слова благодарности; добрые пожелания успехов в работе и личного благополучия.

Решение важных проблем большого города позволяет нам решить проблемы многих людей, помогать им, доставлять радость, создавая комфортные условия проживания ***(повышение***

эмоционального воздействия). Эта часть нашей работы и является тем, что жаждут наши души и что одно это дает душе удовлетворение *(разъяснение)*. Будьте всегда справедливы и будьте всегда ***(анафора)*** готовы помочь! ***(призыв)*** Тогда вы послужите городу наилучшим образом. Тогда мой преемник будет так же гордиться «командой» города Лейпцига, как сейчас горжусь я.

Прощаться с городом и службой мне тяжело. Я сказал это помощникам и членам городского совета; и нет необходимости говорить еще раз об этом ***(сопереживание).*** Но прощание с вами я также принимаю близко к сердцу. Для некоторых я чужой, другие – стали мне близкими ***(противопоставление).*** Это неизбежно в столь многочисленной администрации. Но я старался во имя справедливости всегда быть одинаково близок к решающим вопросам вашей жизни и жизни города, обсуждая частные проблемы и принимая справедливые решения. Благодаря вашему доверию и исполнению вами служебного долга моя работа стоила всего моего сердца и была легкой и прекрасной. От всей души благодарю вас за это. Я желаю вам всем успешно трудиться на благо этого прекрасного города, я желаю ***(анафора)*** здоровья и счастья Вам и Вашим близким.

7. Из речи Уинстона Черчилля в палате общин при вступлении в должность после его назначения премьер-министром. *(Источник.У'.*Черчилль, Речи 1938 – 1940; 1946, том 1, с. 318 и далее)

Необыкновенно открыто говорил Черчилль 13 мая 1940 г. о жестокой и безжалостной войне, мобилизово-вав многие риторические средства; он потребовал от английского народа решительного сопротивления врагу: «Я хотел бы заявить в палате, как я уже заявил членам этого правительства *(предуведомление в качестве* ***вставки):*** мне нечего предложить, только кровь, невзгоды, слезы и пот. *(Грубо наглядный* ***пример.*** *Черчилль избегает общих выражений типа «будет очень трудно», но использует детали, значение которых* ясно: кровь, невзгоды, слезы и пот). Нам предстоят тяжелейшие испытания. Нам предстоят ***(анафора)*** многие, многие ***(повторение)*** долгие месяцы борьбы и страданий *(разъяснение)*. Вы спросите: в чем наша политика? ***(риторический вопрос).*** Отвечу: наша политика состоит в том, чтобы вести войну на воде, на земле и в воздухе ***(разъяснение),*** со всей нашей мощью и силой, какие даровал нам бог: ***(противопоставление)*** вести войну против чудовищной тирании, невиданной в темном, мрачном списке человеческих преступлений ***(характеристика врага).*** Вот суть нашей политики! *(подтверждающее* ***восклицание, перекрещивание*** *с*

началом предыдущего предложения: наша политика состоит… - вот в чем состоит наша политика). Вы спросите, какова наша цель? ***(риторический вопрос). Я*** отвечу одним словом: победа – победа любой ценой, победа несмотря на все ужасы, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь к ней ***(расширенный повтор для повышения эмоционального напряжения);*** без победы нет жизни ***(противопоставление).*** Хочу внести ясность: нет жизни для британской мировой империи, нет ***(анафора)*** *для* вековых устремлений и надежд человеческого рода ***(повышение эмоционального напряжения),*** направленных к своей цели. Я возьмусь за решение моих задач, полный энергии и надежды, и убежден, что мы не испытаем крушения нашего дела ***(образ).*** (Следует призыв к действию.) В это мгновение я чувствую себя как имеющий право требовать помощи от каждого, и я призываю: *(в этом отрывке знаком, требующим внимания, стоит двоеточие, как элемент повышения напряжения!)* Давайте же действовать вместе, шагая единой силой!» В образной форме, с нарастающей силой внушения передает Черчилль свое убеждение и свою надежду.

8. Из рождественского выступления папы римского Пия XII в 1943 г. *(Источник:* Вольфганг Мюллер «Великие речи трех тысячелетий», 1952, с. 381 и далее).

Со словом увещевания обратился папа римский к воюющим народам. Он осудил жестокую войну, а также секуляризованную* часть человечества, которая больше не признает власти бога, совершая тем самым ошибку. Речь строится на антитезах.

«Те, кто ожидали благополучия общества в надежде на мировой рынок, разочарованы, потому что оказались не господами и повелителями, а рабами ***(противопоставление)*** материальных благ, которым служили. Эти люди отреклись от высших целей человечества и направились к собственной цели… Отречение от божественного слова, которым создано все сущее, привело к отречению от духа ***(цепь);*** для таких людей не достижимы идеалы, высокие духовные и нравственные цели. Наука, отказавшаяся от духовной жизни, пожелала отрицанием бога получить полную свободу и самостоятельность – сегодня унижена зависимостью, какой никогда не была унижена ***(противопоставление)…*** То, что науке казалось свободой, стало оскорблением и унижением ***(рафинирование);*** и свергнутая ***(образ),*** какой она является, эта наука обретет себе исконное достоинство только благодаря возвращению к вечному слову, так безрассудно покинутому и забытому источнику ***(образ)*** мудрости» ***(разъяснение*** *в отношении «вечного слова»).*

9. Из доклада Вольфа фон Нибелшютца об Эдуарде

Мерике, 1947 г. *(Источник:* В. фон Нибельшютц «Свободная игра духа». Речи и эссе. 1961, с. 65 и далее).

Вольф фон Нибельшютц (умер в 1960 г.) был не только выдающимся писателем, но и превосходным оратором. В его выступлениях великолепный язык сочетался с глубиной содержания, как это редко бывает в столь полной мере. Один из докладов он посвятил творчеству Мерике. Во введении Нибельшютц полностью ориентируется на слушателя, искусно соединяя прием «подкрепления» с техникой «возбуждения мышления». Обилие возникающих образов, сравнения и антитезы держат слушателя в напряженном ожидании: в чем тайна поэзии Мерике? Я говорю, как лаконично сообщила афиша, об Эдуарде Мерике. Человек умер более семидесяти лет тому назад: это прекрасное свидетельство, только это имя побудило вас здесь собраться! Ибо это имя ценят не столь многие, чтобы привлечь к нему толпы людей *(captatio benevolen-tiae)*. Таким образом у вас, которые все же пришли, есть представление о Мерике, то духовное представление, которое дает это имя ***(разъяснение)*** - и это, с одной стороны, пожалуй, высочайшее признание, какое можно достичь в глазах потомства, а с другой ***(противопоставлены:*** *с одной стороны - с другой стороны)* - это единственное, о чем стоит говорить: суть не в прошлом, а в оставшемся *(противопоставление)*. Контуры прошлого знакомы, может быть, смутно, а большего не нужно. Вы вряд ли назовете поэта, в чьей жизни меньше сенсаций, чем в этой: никакого опьянения гениальностью, никаких трагических конфликтов *(пример)*. Не являясь эффектной личностью, Мерике как человек малозаметен, насквозь бюргер, порядочный, не бросающийся в глаза подданный своего королевского вюртембергского отечества *(разъяснение)*. Итак, я расскажу вам, когда, где и под чьим покровительством писал он свои стихи? ***(риторический вопрос).*** История литературы хорошо нас информирует: хронологически, упорядоченно, систематически, аналитично, с непристойно унизительными подробностями, деловито и безучастно *(разъяснение)*. Вы же, напротив, проявляете участие ***(противопоставление:*** *безучастно – проявлять участие),* иначе вы остались бы дома и отыскали нужное вам наилучшим образом. Вы, как и я, любите Мерике, вы хотите услышать живое слово. *(Оратор вновь и вновь ставит себя в положение слушателей.* Он спрашивает, делает их *соучастниками речи)*. Разве не так? *(риторический вопрос)*. Я говорю о Мерике вечном: – его стихах. Или, другими словами: о феномене духовной песни *(разъяснение)*. И это в наше бурное время! ***(противопоставление*** *в качестве восклицания)*. Наша сварливая нервозная современность, полная

истерии и грубости! ***(повышение эмоционального напряжения:*** *шумное время -сварливая, нервозная современность – истерия и жестокость.)* Надо полагать, современная жизнь ощущает меру **бытия? *(риторический вопрос*** *будет задан еще неоднократно)*. Ее радует диссонанс, дисгармония и разлад, вопиющий и удручающий, барабанный бой, звуки трубы, тромбона ***(пример*** *для разъяснения)* и подобные необычные шумы *(ирония),* о которых неизвестно, до каких пределов они поднимутся или неожиданно умолкнут?

Возможно, подобный грохот *(образ)* полностью прекратится. Иначе возможен ли Мерике? Не думаю, что окружение поэта было столь идиллично, как представляют его стихи! *(неожиданность)*. 1804 год*, когда он родился, был годом событий, с трагическими последствиями в мировой истории: генерал Бонапарт определил внешний курс Французской Республики; в 1805 году он напал на Австрию, в 1806 – Пруссию, в 1808 – Испанию, в 1809 – опять Австрию, в 1812 – на Россию и был разбит; в 1813 году разбит под Лейпцигом, в 1815 – под Ватерлоо; на Венском конгрессе союзники грозят друг другу войной, Сербия восстала против султана, в Греции разразилось восстание, в Италии подняли путч карбонарии**, в Петербурге восстали декабристы, Россия напала на Турцию *(множество примеров как свидетельство)* - а над Штутгартом швабский викарий*** пишет старинную колыбельную песню: «О дне, о прошедшем сегодня дне» *(противопоставление, цитата)*. Позвольте мне еще продолжить этот реестр? Вас удивляет, что человеческая жизнь проходит на фоне страшных событий и человечество противоестественно, потому что хмелеет от струящейся крови *(описание)*. Что же происходит после всех этих убийств? Народное счастье? Мир народов? Хоть наполовину терпимая форма правления? *(цепь вопросов)*. Нет же. Но это дает мир, пусть совсем на другой основе, но все же мир *(повторение),* который за сто лет не разрушила сотня вооруженных до зубов государств – мир поэзии Мерике *(противопоставление)*.

10. Из доклада Германа Элерса «Демократия в новой Германии». *{Источник:* Г. Элерс «Чтобы служить отечеству», 1955, с. 19 и далее).

Умерший в 1954 г. президент бундестага Германии Элерс (Христианско-демократический союз) 24.11.1952 сделал доклад членам Шведско-немецкого общества в Стокгольме, в котором он глубоко осветил политическую ситуацию в современной Германии. В небольшом отрывке покажем риторические средства, которыми пользуется оратор, чтобы добиться действенности речи:

После 1945 г. «никто из тех, кто наблюдал за политическим развитием мира, с открытыми глазами и ушами ***{разъяснение:*** *наблюдать – с открытыми глазами и т. д. наблюдать развитие),* не мог отрицать, что по сравнению с диктатурой Гитлера у западной демократии ***{противопоставление)*** преимущество в чрезвычайно высокой степени. Но *{теперь,* следует ***ограничение:*** *да-но…),* при всех ее хороших сторонах демократию (не без оговорок) можно рассматривать как экспортный товар ***{сравнение).*** Не целесообразно полагать, что определенные, развившиеся в других странах, при других отношениях *{разъяснение)* формы, можно просто «нахлобучить» *{сравнение)* народу, с совершенно другим историческим происхождением. У шведской, английской и американской демократии свои, очень значительные и бросающиеся в глаза *{образ)* различия; и я думаю, что немецкой демократии нужен свой собственный чекан, если ее демократия настоящая, уходящая корнями в народ *{следствие).* В этой области мы наблюдаем своего рода «передачу сознания» оппоненту, а в политике «передача сознания» -дело опасное» ***{самопонимание,*** *поскольку слушатели знают, что имеется в виду: диктатура Гитлера, кроме того претендовала на расу господ).*

11. Из речи Густава Хейнемана «Германия и мировая политика». *{Источник:* **Г.** Хейнеман «В точке пересечения времен», 1957, с. 117).

Отрывок из речи (Штутгарт-Канштат, 28.10.1954) периода ведения дискуссии **о** западногерманском перевооружении – пример дедуктивного доказательства в самом узком понимании. В начале стоит тезис, затем факты со следствием:

Прекратим требовать западноевропейской армии и вместе с тем воссоединения! *{Тезис, призыв).* Западноевропейская армия означает Атлантический пакт, Атлантический пакт означает стратегическое развертывание против Советского Союза *{цепь).* Но Советский Союз не так глуп ***{иронический оборот),*** чтобы предоставить хотя бы один квадратный метр Германии *{наглядность благодаря* ***преувеличению)*** для развертывания вооруженных сил Атлантического пакта. Запад ***{перефразирование)*** тоже не так глуп, чтобы сделать противоположное *{противопоставление);* французы, англичане и американцы также не оставят Германию, чтобы разместить на ее территории советское оружие против Запада *{разъяснение).* Следовательно, мы по *обе* стороны предложим соседям гарантии, что не уготовим им никакой ***новой*** опасности *{следует* ***сопонимание,*** *намек на вооруженное нападение Германии в первой и второй мировых войнах!),* если они позволят нам снова объединиться».

12. Из речи Ойгена Герстенмайера «Защита природы – наш долг» (произнесена на ежегодном съезде Рабочего содружества немецких уполномоченных по охране природы и заботе о ландшафте, 11 июля 1956 г.). *{Источник:* О. Герстенмайер. Речи и статьи, т. 2, 1962, с. 190 и далее).

В заключительной части своей речи доктор Герстенмайер обобщил самое важное. В целом речь представляет тему с вариациями: вновь и вновь внимание тезису «Охрана природы – наш долг». Тезис всесторонне рассматривается и разъясняется.

«Почему небольшой сад, даже прелестный сад с домиком, не должны получить большое значение для миллионов горожан и промышленных рабочих? ***(риторический вопрос)*** Жизнь становится пустой, и свободное время пропадает в скуке ***(противопоставление и разъяснение),*** если сила и красота первозданной природы не дают нам узнать, что значит быть человеком.

Охрана природы – долг; в наше время долг в действенном смысле, даже если бы предвидели, что не возможно и не позволено ***(вставка),*** - что потребует надвигающийся атомный век.

Охрана природы – долг ***(повторение)*** - долг каждого человека ***(цепь),*** который хочет вести достойную жизнь, долг каждого *(анафора)* государства, которое хочет дать достойную жизнь своему народу.

Долг всего культурного человечества, перед которым стоит общая задача: сохранить землю и хлеб потомкам! ***(повышение:*** *человек – государство – человечество).*

Охрана природы является долгом ***(повтор)*** - суровым, требующим стойкости, но вместе с тем великим и прекрасным долгом! ***(восклицание).***

13. Из речи президента Кеннеди на выпускном вечере Американского университета в Вашингтоне (июнь 1963). *(Источник:* «Ди Вельт», 10. 6. 1963).

Свою речь Кеннеди начал с цитаты, содержание которой связал с соответствующей ситуацией «подкрепления». Речь перед слушателями он начал в разговорной манере и постепенно искусно перешел к собственной теме, при этом он слово «невежество» (из «подкрепления») и связал с целевым понятием «мир».

Начало цитаты: «Мало есть на земле творений более прекрасных, чем университет – писал об английских университетах Джон Мэйсфилд, и его слова справедливы в равной степени и здесь ***(сравнение).*** Это относится не к башням и шпилям, не к ***(анафора)*** зеленым насаждениям на территории

университета и поросшим плющом стенам ***(образное разъяснение).*** *(Следует* ***противопоставление:)*** Он восхищается красотой университета, потому что университет, как он сказал, место, куда стремятся за знаниями те, кто ненавидит невежество, ***(противопоставление),*** те, кто ***(анафора)*** поняв истину сам, поможет понять ее **и** другим. *(Предшествующий оборот целиком основан на повышении. Следующее предложение – классический пример риторического промедления, запаздывания главных слов, на которые направлено внимание: - мир. Напряжение слушателей повышается: Что имеет в виду оратор? Какова его тема? Что же является самым главным для человека на земле? Что имеют в виду, когда говоря о господстве невежества?)* И потому я выбрал это время и это место, чтобы рассмотреть тему, при обсуждении которой часто торжествует невежество, а истина *(повтор понятий «невежество» и «истина» как связка)* слишком редко уясняется, и которая тем не менее ***(противопоставление)*** важнейшая тема на земле *(предуведомление):* всеобщий мир. Какой мир я имею в виду? ***{риторический*** *вопрос)* Не Pax Americana (американский мир) *(противопоставление* как ***упреждение возражения),*** навязанный земле американской военной силой ***(пример).*** **Не** мир ***(анафора)*** могилы *(образ)* или рабской покорности *(образное сравнение).* Я говорю о настоящем мире, о том мире, который ценит жизнь на земле, о том мире *(анафора)* который дает людям и нациям надеяться и строить для детей лучшую жизнь ***(повышение эмоционального напряжения и разъяснение).*** Мир не только для американцев, но мир для всех людей ***(противопоставление).*** Мир не только ***(анафора)*** для нашего поколения, но мир на все времена!» ***(призыв,*** *расширенное повторение для повышения; кульминация).*

В последнем отрывке слово «мир» употреблено **не** менее 11 раз, оно используется во все новых связях и потому запечатлевается в сознании слушателей.

14. Из речи Вилли Брандта «Испытание парламентской демократии и совершеннолетнего гражданина» в бундестаге 30 мая 1968 г. *(Источник:* бюллетень службы прессы и информации Федерального Правительства, №68, Бонн, 31.5. 1968.)

В средней части этой важной, очень серьезной и глубокой речи министр иностранных дел затрагивает вопрос о недоверии правительству. С помощью ясных, простых, но не упрощенных формулировок оратор высвечивает второй план проблемы. При этом он превосходным образом соединяет критические замечания с самокритикой. Нередко речи в бундестаге производят

впечатление сплошного монотонного бормотания с неуловимой, как угорь, декламацией. Но в докладе этого оратора чувствуется упорное желание быть правдивым и добиться понимания.

«Мы, уважаемые дамы и господа ***(обращение** в виде **вставки,** как стремление наладить контакт со слушателями),* свидетели ***(образ)*** напряженных, иногда стихийно возникающих волнений молодого поколения, которые перерастают национальные границы. В каждой стране имеются свои поводы для протеста. Частично протест возникает как реакция того или иного человека по отношению к ловко управляемым колесикам ***(образ)*** в условиях дальнейшей технизации общества. В своем поведении они не учитывают исторический опыт, а ищут критерии и ценности, которые выходят за рамки благополучия. Они хотели бы технику поставить на службу их еще не сформулированному желанию. *(Оба последних предложения образуют противопоставление по отношению к предшествующим. Что не хочет молодежь – что она хочет?)* Я симпатизирую поискам молодого поколения ***(идентификация оратора).*** Это известно ***(намек). Я*** хотел бы, чтобы они осуществили свои идеалы, как в новейшей немецкой истории другие осуществили идеалы своей молодости ***(противопоставление).***

Мы можем неоспоримо констатировать – я говорю это особенно в отношении Востока ***(вставка;** намек на волнения, например, в Варшаве; сопонимание слушателей),* что молодое поколение в Германии со всем, что его волнует, реагирует примерно так же, как молодежь других стран! ***(восклицание).*** **В** этом отношении нет никакой изоляции ***(разъяснение),*** и это хороший признак. Отношение нашего народа к демократии оказалась большим, чем легкой симпатией. Это тоже хорошо. Однако я отношусь к тем, кто полагает, что мы должны себя спрашивать, что в нашем государстве не в порядке, еще не в порядке ***(расширенное повторение для повышения эмоционального напряжения),*** если иногда не доверяют целые группы людей, если слову больше не верят, если все на всех ***(игра слов** как **кульминация** высказывания)* или даже только многие на многое *(вариант **игры слов; ограничение в** качестве **про-лепсиса)*** - считают способными. *(Оборот, нацеленный на повышение эмоционального напряжения.)*

Я делаю такой вывод: ***(предуведомление;** речь с двоеточием.)* центр тяжести многих споров вокруг этого комплекса вопросов *(имеется в виду закон о чрезвычайном положении)* называется недоверием. Это совсем неудивительно: на нас, немцах, лежит особый груз истории *(образ);* он подвергает нас тяжелым испытаниям и в глубинном смысле не стал нашим прошлым.

После двух исторических катастроф в течение половины столетия мы все – обожженные дети **(обряд);** нас преследуют и мучают воспоминания ***(намек*** *как разъяснение).* События запечатлены в нас так глубоко, как если бы они прошли совсем ***(мнимое противоречие).*** На нас бременем лежит мрачная тень *(образ)* дурного и злого; что это мы устанавливаем запреты и наносим травмы ***(разъяснение).*** Мы честно стараемся избежать губительного прошлого и позволяем себе более мрачный взгляд на реальность ***(образ; противопоставление).***

Мы стеснены в наших мыслях и действиях, не всегда свободны по-настоящему ***(противопоставление)*** Правильный глазомер зачастую отсутствует ***(образ).*** Будь это иначе, профилактические законы не вызвали бы так много эмоций ***(обоснование).***

Спрашивают себя, как еще убеждать там, где не слышат, где давно уже не слышат ***(расширенное повторение).*** Как можно нести ответственность и быть уверенным, если буква закона ***(образ)*** явно теряет доказуемую обязательность? ***(риторический вопрос).*** Разумеется, мы не должны пропускать мимо ушей вопросы – их ставят другие и мы сами ***(вставка):*** осуществлялся ли в прошедшие годы контроль власти и правдивости в государственных делах ***(пример),*** чтобы этому подражать».

15. Из речи Ричарда фон Вайцзекера «8 мая 1945 г. – 40-е годы после этого». *(Источник:* Р. ф. Вайцзе-кер. «О Германии изнутри» – Берлин, 1985. – С. 13 и далее).

Речи немецких политиков редко привлекали внимание всего мира, речь же Федерального президента 8 мая 1985 г. на торжестве в честь бундестага и Федерального совета в пленарном зале бундестага заслужила высокую оценку. Эта речь по содержанию и форме чрезвычайно убедительна и, надо надеяться, войдет в историю как обобщение итогов 80-х годов.

Мы покажем, что высокие моральные притязания и пытливость ума, с одной стороны, точное выражение и понимание всеми, с другой, не исключают друг друга. Федеральный президент интенсивно работал над концепцией и формулировкой в течение четырех месяцев. При этом он проводил многочисленные беседы с представителями партий и различных общественных групп.

«Это было не только блестящее исследование причин, которые привели к войне, систематическому истреблению людей, к изгнанию целых народов и, наконец, к разделению Европы, вызвавшему общественный резонанс. Мужественно и откровенно глава государства Федеративной Республики критически сопоставил прошлое и настоящее и проследил последствия,

обнаружив понимание, и предложил примирение вместо предъявления требований и претензий. Это историческое напоминание должно придать бодрости молодежи и обеспечить ее вступление на путь понимания между народами». Следующий отрывок представляет речь фрагментарно:

«…8-е мая – день воспоминаний. Вспомнить – значит подумать о событиях честно и непредвзято частью собственного внутреннего сознания *(разъяснение)*… В особенности мы размышляем о тех шести миллионах евреев, убитых в немецких концентрационных лагерях ***(пример).*** Мы размышляем ***(анафора, многократно используемая и ниже)*** о всех народах, пострадавших во время войны, прежде всего о многих убитых гражданах Советского Союза и Польши ***(повышение эмоционального напряжения** с помощью примеров)* …Рядом с необозримым войском смерти высятся горами человеческие страдания ***(образ),*** страдания от гибели, страдания от ран и увечий, страдания от бесчеловечной принудительной стерилизации, страдания от ночных бомбежек, страдания от бегства и изгнания, насилий и грабежа, бесправия и пыток, голода и нужды, страдания от страха подвергнуться аресту и убийству, страдания, вызванные потерями всего, во что ошибочно верили и ради чего работали. *(«Этот оборот убедителен для слушателя благодаря перечислению и постоянному повторению слова «страдание».)*

«…Во время войны режим национал-социалистов замучил и растлил многие народы. Наконец осталось замучить, поработить и растлить ***(повторение и расширение)*** еще лишь один народ: ***(речь с двоеточием)*** - собственный, немецкий народ ***(разъясняющее повторение).*** То и Дело Гитлер говорил: ***(двоеточие)*** Если немецкий народ

не победит в этой войне, то пусть он погибнет ***(цитата).*** Другие народы – жертвы войны, развязанной Германией, мы же прежде всего – жертвы нашей собственной войны ***(противопоставление)***.

… Сегодня отказ от насилия заключается в том ***(предуведомление),*** чтобы дать людям там, где они обрели судьбу после 8 мая и где живут уже десятилетиями, долговременную политическую безопасность. *(Следует **пояснение)*** Это значит заповедь взаимопонимания поставить выше противоречащих ей претензий. В этом заключается настоящий вклад в европейскую систему обеспечения мира, которая исходит от нас…»

(Заключение в убедительных высказываниях обобщенно выражает смысл речи. Преобладают короткие предложения; нарастающее эмоциональное напряжение, разъяснение дано в противопоставлениях.)

«На нашей собственной истории мы постигаем, на что способны люди. Поэтому не считаем, что как люди мы стали другими и лучше. Моральное совершенство не достижимо ни для кого из нас и ни для какой страны! Как люди, мы научены; как люди, мы остаемся в опасности.

Но у нас сила опять и опять преодолевать опасности.

Гитлер стремился возбуждать предрассудки, враждебность и ненависть. Мы призываем молодых людей: не позволяйте себе вражды и ненависти к другим народам: русским и американцам, евреям и туркам, сторонникам альтернатив и консерваторам, черным и белым.

Учитесь жить вместе, не противостоя друг другу. Позвольте и нам, демократически избранным политикам, вновь и вновь руководствоваться этим принципом и подавать пример. Мы чтим мир. Мы работаем для мира. Мы привержены праву.

Мы защищаем справедливость. В день 8-е мая мы смотрим, насколько можно, правде в глаза.

Приведенный отрывок (можно проанализировать и точнее!), естественно, не дает полного впечатления о речи в целом. Но даже этот небольшой пример показывает, как сбалансированы, при всем своеобразии в деталях, риторические средства. Нет ни одного фрагмента речи, который бы не содержал в качестве риторических фигур образ, повторение, разъяснение, призыв и противопоставление. Важнейшие средства выражения должны войти обучающемуся «в плоть и кровь».

3.7 Речь по специальному поводу

Во многих случаях произносят речи, имеющие особую форму, отличную от речи с выражением мнения или делового доклада. Эти речи в большей степени обращены к чувству, нежели к разуму. Речи по специальному поводу имеют четыре основные формы:

• Протокольная (рамочная) речь (приветствие, благодарность и так далее).

• Траурная речь.

• Торжественная речь.

• Речь в дружеском кругу.

Задача состоит в том, чтобы уловить основное настроение собравшихся и выразить в своей речи. Еще настоятельнее, чем при других видах речей, задаю вопрос: «Что заставило людей собраться здесь вместе? Но часто, когда чествуют юбиляра или на траурной церемонии вспоминают покойного, речи насыщены торжественной лживостью и преувеличениями. Глубокие чувства можно выразить очень просто.

К сожалению, произнесение речей по специальному поводу

представляет затруднение. Нужно выбрать правильный момент. Если Вам надо сказать несколько слов совершенно внезапно, не пугайтесь, напротив, возьмите себя в руки. Но только говорите короче! В случае внезапного выступления оратор может разразиться речью, как писал Кьеркегор, «в страхе и дрожи», что не знает, что именно сказать, знает только, что сказать что-нибудь нужно».

Чем короче, чем точнее попадание в цель, тем лучше. Каждое предложение должно сидеть как следует. Возьмите одну из возможных тем и рассмотрите подробнее.

Каждый, кто руководит людьми, беседует с учениками или сотрудниками, должен убедительно говорить по различным поводам: дать указания, держать своих сотрудников в курсе событий и планов, побуждать, хвалить, спрашивать мнение, критиковать.

Так называемый производственный климат на предприятии в значительной мере зависит от умения данного руководителя справляться со своими повседневными ораторскими задачами.

Дело чести каждого оратора – произнести *свою,* неповторимую речь.

Для речей по специальному поводу предлагаются особые сборники мыслей и цитат, чтобы (при обычном в нашей практике коротком времени для подготовки!) не использовать банальные мысли и цитаты.

Цитата лучше простая, но с глубоким смыслом.

Речь по случаю заселения дома можно, например, закончить изречением Манфреда Хаусмана: «В мире дом, в доме мир, и мир, и дом в добрых руках».

Траурную церемонию заканчивают, например, простыми стихами Маттиаса Клаудиуса: «Человек живет и существует лишь краткое время, и с ним умирает весь мир со всем его великолепием. Лишь один вечен и вездесущ, и мы в его руках».

3.7. 1 Рамочная речь

Так мы называем речи, которые не являются центром мероприятия, но обрамляют событие, берут в рамку.

К ним относят речи по поводу открытия, приветственные и благодарственные речи.

При произнесении *приветственной речи* используют оборот, кратко (и индивидуально!) представляющий основного докладчика, без преувеличенной похвалы в его адрес. Не следует чествовать каждого как величайшего ученого столетия! Чрезмерные тирады с превосходными степенями производят неловкое впечатление.

(Забавную ошибку допустил начальник одного

южнонемецкого окружного управления, приветствуя Людвига Эрхарда: «Так окажите, глубокоуважаемый господин Федеральный канцлер, нам честь – произнесите *себе* речь»

Склонность некоторых деятелей при любом удобном случае произносить речи по поводу представлена карикатурой с намеком на словоохотливого Федерального президента: этот политик спешит на пожар и торжественно объявляет народу и пожарникам: «Для начала я растолкую, что такое пожар!» Зачастую содержание доклада рассматривается, когда оратора представляют публике. Это ошибка. Оратора нужно лишь представить, обрисовав тему его выступления двумя-тремя фразами.

Ни в коем случае мы не крадем суть выступления главного оратора.

Некоторые ораторы, специализирующиеся на приветствиях, имеют «комплекс соперничества» (Веллер). Они произносят доклад, чтобы показать слушателям: только не думайте, что я не имею представления о деле… Главный докладчик после этого бывает в затруднительном положении, поскольку отдельные части его речи требуют изменений. В приветственной речи рекомендуется принимать во внимание следующую последовательность:

• *Открыть собрание и приветствовать слушателей.* Избегайте стереотипных оборотов речи типа «мне выпала особая честь» и так далее. Мы заранее обдумываем, нужно ли особым образом выделить в приветствии присутствующих крупных деятелей, министра или бургомистра.

В 1966 г. во время общего собрания баварских городских обществ в Нюрнберге тогдашний обербурго-мистр Мюнхена Фогель, избранный председателем, потребовал удалить некоторых журналистов за острые замечания в свой адрес. В своей получасовой приветственной речи из желания сделать приятное Фогель поименно назвал гостей из политических, административных и экономических кругов, число которых достигало нескольких дюжин. Когда длинный список гостей закончился, Фогель, извинившись, заметил, что было бы неплохо поприветствовать кого-нибудь из тех, кто не был назван. Чтобы все было по справедливости, он поступил как афиняне, посвятившие храм неизвестным богам, и подобно им хотел приветствовать неизвестных гостей. *Поприветствовать или представить докладчика или докладчиков.*

Оратор с вводной речью выполняет функцию посредника. Он представляет основного докладчика. Уже было сказано, что входить в подробное рассмотрение темы главного докладчика

непозволительно. Но, возможно, оратор, выступающий с приветствием, должен кое-что сказать о личности докладчика, может быть, сделав это изобретательно. Суть заключается в краткости. Атмосферу создают оборот с юмором, яркая мысль. В одной восточно-фризской деревне* нижнесаксонский** премьер-министр Копф произнес свою самую короткую предвыборную речь. Перед выступлением главного оратора Олленхауера в качестве вступления сказал (на местном наречии): «Мы стоим перед ним и должны пропустить его!». Шутка, фантазия – лед сломан. • *Предоставить слово докладчику.*

Для завершения собрания опять-таки нужно обдумать три пункта:

• *Слова благодарности оратору.*

Стараемся избегать речевых штампов типа: Аплодисменты показывают… Уместны простые, деловые и в то же время сердечные слова.

• *Кратко обосновать благодарность.*

В нескольких фразах дать оценку самым существенным моментам доклада.

• *Попрощаться со слушателями.*

3.7.2 Траурная речь

Мы имеем в виду не слово священника, а надгробную речь друга.

Сегодня церковные траурные речи основаны не на похвалах покойному а на словах Библии с их упованием и утешением.

Надгробное слово друга должно быть достойным и простым. Но здесь в большей мере, чем в речи священника, отвечают на вопрос: кем был он нам? Что значит он для нас сегодня? Здесь уместно древнее латинское изречение: De mortuis nihil nisi bene (о мертвых хорошо или ничего). Лучше всего простые слова о достоинствах умершего без какой-либо чрезмерности. В заключение уместны изречение из библии или стихотворное изречение.

3.7.3 Торжественная речь

Эта речь – эмоциональное высказывание.по торжественному поводу; ее назначение – праздничное настроение. Торжественная речь должна согреть сердца слушателей. При ее подготовке мы спрашиваем себя особенно напряженно: что движет слушателями в этот праздничный час?

Торжественная речь убедительна, если в ней присутствует «дыхание поэзии».

Для юбилейной речи в честь заслуженного деятеля может быть предложен один из возможных планов: приветствие; повод для произнесения речи; характерные пункты жизненного пути юбиляра; кратко обрисовать существенные стороны его натуры; подчеркнуть хорошие стороны; дать соответствующие примеры; если возможно, сказать о событиях с личным участием выступающего, характерных для юбиляра; отметить значение юбиляра для фирмы (например), возможно, выразить благодарность; высказать добрые пожелания на будущее.

Нередко при произнесении праздничных речей получается «бесконечная череда». Если возникает серия поздравителей, торжество может стать для слушателей мучением. При 5-м поздравляющем ораторе пользоваться спросом могут только короткие и забавные пассажи.

В день своего рождения уже пожилой Конрад Аденауэр непринужденно констатировал: «Я сегодня услышал много прекрасных речей, но ведь я их заслужил».

***3.7.4 Речь** в дружеском кругу*

Речи при общении (речи в дружеском кругу) имеют разнообразные формы. Они включают как речи застольные, по

случаю бракосочетания, в честь дам, так и речь шефа во время торжественного для фирмы мероприятия.

При произнесении этих речей обращают внимание на следующие пункты:

• Приветствие и указание на смысл мероприятия.

• Ретроспективный обзор проделанной работы, остроумно приправленный упоминанием какого-либо происшествия.

• Выражение надежды на дальнейшее сотрудничество.

• Объявление программы и пожелание радостного времяпрепровождения.

Это все можно выразить в нескольких исполненных энтузиазма высказываниях.

Тосты также желательно тщательно готовить, поскольку они должны воодушевлять. Остерегаются эпического размаха. Некоторым действующим из лучших побуждений застольным ораторам удается превратить горячий и роскошный свадебный обед в холодный и безвкусный. К большому сожалению гостей, которые вряд ли это простят.

Композитора Хампердинка во время праздничного обеда попросили произнести речь «между двумя блюдами». Он встал, дружески посмотрел на окружающих, откашлялся, потер руки и – сел опять. Один из гостей сказал, что это была лучшая речь из всех, которые он когда-либо слышал.

Никогда не говорите слишком долго, даже если весело высказываетесь в компании.

В каком-то африканском парламенте соблюдался обычай, по которому оратору позволялось произносить речь так долго, сколько он сможет говорить, стоя на одной ноге.

(Рекомендуется для подражания ввести этот обычай в наших широтах для некоторых ораторов, произносящих речи во время праздников) Как показывает следующий пример, в речи по специальному поводу иной раз можно выразить даже то, чего слушатели *не* чувствуют. Только кое-что нужно преподнести достаточно остроумно: У режиссера Фрица Кортнера собрались гости. Было поздно, но никто не собирался уходить. Тогда усталый хозяин дома, подняв стакан, произнес тост: «Теперь я попрошу моих дорогих гостей за мое здоровье освободить квартиру…»

4. Произнесение речи (как держать речь)

«Речь лишь одна оратору счастье приносит» (Гете, «Фауст»). Своеобразие речи состоит в том, что она воздействует не только словами, использованными при построении фразы, но и как эти слова сказаны, по форме **и** способу произнесения этих слов

(интонация, сила, высота звука и так далее). Решающим является не только то, *что* говорят, нет, вместе с тем решает то, *как* сказано что-либо. Возьмем простой пример: Одно и то же слово *нет* может быть сказано колюче, категорически, нерешительно, равнодушно или повелительно. В каждом случае это действует по-разному. В книге эмоционального дыхания добиваются словом. Но дело не только в эмоциональном воздействии слов, определяющем суть речи, здесь действует целый ряд факторов: выступление оратора; помещение, в котором произносится речь; сам состав слушателей и многое другое, что должно обсуждаться ниже.

Речь воздействует через *структуру* и *способ произнесения.*

Этого нельзя забывать. Ницше установил: «Наиболее понятным в речи является не само слово, а тон, сила звучания, интонация, темп, в котором произносятся слова -короче, музыка стоящей за ними страсти: все то, что возможно описать». И по праву Ларошфуко полагает: «Зачастую в тоне голоса, в глазах и во всей атмосфере, которую оратор распространяет вокруг себя, так же много красноречия, как в выборе слова».

В конечном итоге Лихтенберг выражает важность хорошего выступления следующим образом: «Сколь многое в мире зависит от манеры произнесения речи, это как кофе пить из стаканов для вина, то это очень скверное питье; мясо за столом резать ножницами или вовсе, как я видел однажды, намазывать бутерброд бывшим в употреблении ножом, как если бы он был очень чистым – кому это понравится?»

¦ Итак, мы констатируем: содержание речи и ее произнесение должны соответствовать друг другу. Хороший оратор должен обдумать все детали.

4.1 Оратор и помещение для выступления

4.1.1 Обзор помещения для выступления

Если возможно, оратор предварительно знакомится с помещением, в котором хочет выступить. У каждого пот мещения свои особенности и атмосфера, на которые настраивается докладчик. Предварительную настройку на помещение упустил Густав Штреземан, когда произносил в 1926 г. свою ставшую знаменитой речь по поводу вступления Германии в Лигу Наций. «Он обеспечил бы своей речи большую убедительность, если бы учел акустические особенности Дворца народных союзов», – заметил его переводчик Пауль Шмидт.

Еще небольшое указание: оратор для своих слушателей должен обладать привлекательностью новизны. Поэтому я советую каждому оратору перед предстоящей речью не долго задерживаться в зале.

Организатор выступления обязан принимать в расчет особенности помещения: подходит ли оно? не слишком ли велико или мало? удовлетворительна ли акустика? «Говорить перед 40 слушателями в заполненной гостиной хорошему оратору доставляет больше удовлетворения, чем перед 400 слушателями в городском зале на 2000 мест» (Хейнц Кюн). Лучше, если малое помещение совершенно заполнено, чем если наполовину пустое большое. Большое число рассеянных слушателей не позволяет создать в зале нужную атмосферу. В таком случае лучше усадить слушателей плотнее, как кур на насесте. Создайте уплотнение слушателей, дружески пригласив заднескамеечни-ков перейти вперед. (В театре передние места самые дорогие.) Но если теперь в большом зале занята только пара рядов, то не выражайте свое разочарование словами о плохом посещении. «Никогда не наказывайте явившихся за отсутствующих»(Науман). Наоборот, с *небольшим* числом слушателей обращайтесь особенно дружелюбно.

Оратор – фанатичный поклонник свежего воздуха. Зачастую табачный дым, как горный массив, лежит над головами людей. Душный и несвежий воздух быстро становится невыносим. Необходимо позаботиться, чтобы помещение было хорошо проветренным и имело достаточное, но не резкое освещение. Трудно вызвать вдохновение в помещении, в котором темно и мрачно, как в древних катакомбах.

Контакт с публикой можно установить только тогда, когда все слушатели видят оратора. Обратите внимание, чтобы задняя стена, которая вас поддерживает акустически, была не слишком далеко. Например, открытая сцена поглощает слишком много звука.

Приподнятый деревянный пол усиливает резонанс. Если оратор расположился не лучшим образом, например, в середине зала, то вспомните справедливые слова Наумана: «Существуют залы для собраний прямо-таки пожиратели сил».

В больших помещениях для докладов оратора подстерегают две опасности: или *поглощение звука,* или *эхо.* В первом случае обращает внимание поглощение глухого, конечного «е». В таких случаях выполняйте артикуляцию особенно отчетливо и позаботьтесь о том, чтобы не выпадали соседние слоги.

В том случае, если есть эхо, Вы должны замедлить темп. Эхо раздается обычно в высоких помещениях или в помещениях, многократно разделенных перегородками.

Герберт Биеле обращает внимание на нечто очень важное: в квадратных помещениях оратор лучше всего говорит из одного угла, так как в этом случае все слушатели находятся внутри

звукового конуса.

Сегодня техника предлагает много вспомогательных средств, чтобы улучшить акустику помещений. Однако отличную акустику удается обеспечить в помещении лишь изредка.

На конгресс международного Пен-клуба в Лондоне съехались писатели всего мира. В зале оказалась настолько плохая акустика, что оратора было не слышно уже в третьем ряду. Президент немецкого Пен-центра* Эрих Кестнер, сделав из нужды добродетель, глубокомысленно произнес: «Это поистине идеальное помещение для писателей. Здесь каждый понимает только себя, и нет ни одного человека, слушающего, что говорят другие».

4.1.2 Речь под открытым небом

Сегодня речи как разновидность спорта звучат в спортивных залах. За редким исключением речи произносят в закрытых помещениях. Так было не всегда.

Проповеди Иисуса, выступления ораторов в Афинах, призывы средневековых монахов к обращению в христианскую веру почти всегда звучали под открытым небом. Бертольд фон Регенсбург проповеды-вал перед 60 000 слушателей на поле у Глатца в Шлезии. Знаменитый английский кафедральный оратор Спэрджен (1834-1892) жалел, что провозглашение Евангелия прямо-таки замуровано в церквах. Он писал, что библия призывает: «Идите по всему миру и проповедуйте евангелие всей твари» (Марк, 16, 15). Этой заповеди следуют мало; можно подумать, будто сказано: «Иди в твою особую церковь и проповедуй евангелие паре созданий, которые туда пришли».

Сегодня речь под открытым небом – редкость. Она звучит на миссионерских спортивных праздниках, праздниках песни или торжественных собраниях, а также на митингах.

В этом случае обращают внимание на следующее:

• Место выступления должно иметь благоприятное расположение. Выбирая место, учитывают направление ветра. Говорить против ветра очень трудно.

• Исходя из основных положений акустики недалеко от подиума оратора ставят заднюю стену или используют естественную, например, край леса.

• Оратор произносит речь медленнее, чем говорит обычно в зале. Не кричит, но говорит с ударением и резонансом.

• Речь под открытым небом не должна быть сухим деловым сообщением, а речью, выражающей мнение, обращенной больше к чувству, чем к разуму.

4.1.3 Кафедра оратора

Зачастую кафедра слишком удалена от слушателей, стоит, например, на сцене. Долой со сцены, в зал! Многие кафедры слишком неуклюжи. Они похожи на баррикады, барьер между оратором и слушателями. Ораторам приходится довольствоваться такими исполинами производства 1900 года, но хорошо бы обзавестись простой и целесообразно устроенной кафедрой.

Оратор контролирует и освещение. Лучше всего лампа на кафедре, которая освещает читаемые листы. Любая кафедра оборудуется нижней планкой, чтобы листы с записями оратора не падали вниз и не парили в помещении, как бумажные змеи.

Если в распоряжении оратора нет кафедры, ее нужно заменить, но так, чтобы удобно располагать конспект ключевых слов на высоте, удобной для чтения. Для этой цели подойдет даже простая коробка.

Если и это затруднительно, то придется постоянно листать конспект и держать в положении, удобном для чтения.

4.1.4 Пользование микрофоном

Если удается, оратору лучше не пользоваться микрофоном. Это возможно даже в залах на 300-400 мест! Микрофон искажает звук и ослабляет действие речи. Слышится неприятное эхо.

Но если Вы все же пользуетесь динамиком, то обратите внимание, чтобы сохранять более или менее постоянное расстояние до микрофона. Лучше всего поддерживать это расстояние в интервале 20-30 см. Хорошо, если в распоряжении несколько микрофонов, установленных на некотором расстоянии друг от друга. Тогда не требуется стоять, как вкопанному.

И последнее: не говорите в микрофон слишком громко, даже если выдаете гром полемического залпа «из всех бортовых орудий». Опасайтесь громкоговорителей. Они как конкуренты: Вы начинаете кричать слишком сильно, они усиливают звук так, что Ваши слова никто не понимает. Громкоговорители обидчивы, как полагает Пауль Шмидт, их «нельзя сердить».

4.1.5 Упорядочение документации

Вновь и вновь продумайте маленькие формальности. Перед выступлением уточните: тщательно ли упорядочены ключевые слова? Весь ли необходимый материал в Вашем распоряжении? Полезно записывать ключевые слова только с одной стороны страницы: при этом отпадает их надоедливое переворачивание. Прочитанные страницы незаметно откладывают в сторону. В целях контроля времени мы кладем на кафедру часы. Некоторые ораторы кладут себе записки с надписями: Говорить медленно! Говорить четко! Посматривать на слушателей! Стоять спокойно!

4.2 Оратор и слушатели *4.2.1 Основная установка*

«Любая речь подобна осаде души слушателя» (Хри-состомос, около 400 года после рождества Христова).

Любой хороший оратор исходит из принципа, что он – слуга своего слушателя, что он для ближних, а не они для него. Он избегает как высокомерия, так и ложной скромности. Речь свысока всегда вызывает антипатию. Холодное поведение легко создает впечатление, как будто оратор «делает свое дело без души» (Ротер).

«Обычно слушатели относятся **к** оратору даже лучше, чем он заслуживает, и они благодарны и обрадованы уже тем, что говорит хоть сколько-нибудь разумно» (Кассой).

Хороший оратор не поучает, подняв палец. Напротив, он действует как дружески настроенный советчик. Хороший оратор должен *быть специалистом* в своей области, а не *строить из себя* специалиста.

То и дело мы убеждаемся в том, что узкий специалист не видит взаимосвязей, а лишь свою специальную область. Но существенно, что слушатель постигает более обширные взаимосвязи, выходящие за пределы отдельных явлений.

Само собой разумеется, оратор уважает своих слушателей. Разве не следует быть благодарным людям, если они пришли только затем, чтобы выслушать Вас? *Правильное выступление оратора* можно лучше всего описать словами: *уверенное и вместе с тем скромное, увлеченное и вместе с тем сдержанное.*

Быть заносчивым просто глупо. Ничто не раздражает слушателей больше, чем это. (Только в дебатах при случае нужно бить высокомерие его собственным оружием!) Обычно же подходит изречение Вильгельма Буша: «Как мал тот, кого сравнят с его высокомерием».

Вспоминают мудрые слова Монтеня, что даже на самых высоких ходулях мы бегаем на своих ногах и даже на самом высоком троне сидим на собственных ягодицах.

В любой речи проявляется индивидуальность оратора. Как оратору Вам необходимо внимание и доверие слушателей. Слушатель тонко чувствует, стоит ли докладчик за его высказываниями целиком и полностью.

¦ *Основой любой ответственной речи является честность. Ваша задача – вызвать у слушателя чувство симпатии, а речь должна «трогать за живое».* Удастся ли это Вам, зависит не только от того, *что* Вы скажете, но и как Вы выступите, *какое впечатление Вы произведете на слушателя.*

Пусть Ваш внешний вид (как и настрой) будет свежими, а Ваше состояние – собранным и напряженным, но ни в коем случае

не спазматическим.

Самые хорошие речи не удаются утомленному, усталому оратору.

4.2.2 Интонация

Говорят, «музыку создает тон».

Чрезвычайно важно иметь правильную интонацию. Интонация – *«кондиционер пространства души».* Интонация сделает атмосферу теплее или охладит ее, да что там, просто приведет к ледяному окостенению. Холодная или раздраженная интонация вносит в человеческие отношения холод. То же и в зале для выступлений. Настроение падает ниже точки замерзания. Слушатели получают душевное обморожение. Неприятно действует и властный, командный голос. Еще и сегодня встречаются нам отличные ораторы, голоса которых звучат так, как будто они хотят подражать скрипу дверей в замке привидений. Но елейная интонация также принадлежит бородачу давно минувших дней. Мы все время говорим звучным голосом; не голосом без выражения – монотонным и безучастным. Мы приспосабливаем голос к предмету речи. Есть люди, которые с одинаковой интонацией и поздравляют, и выражают соболезнование.

Юмор и ирония зачастую в меньшей степени заключены в произносимых словах, чем в интонации.

¦ *Одно и то же содержание речи, даже если формулировки одинаковы, звучат совершенно по-разному в зависимости от того, как произнесен доклад.* Одна единственная пауза, один ничтожный акцент сделают речь убедительной или уничтожат ее. Важно выявить основные пункты не только в точных формулировках, но и в правильной интонации.

4.2.3 Начало речи

Не начинайте говорить сразу, как только подниметесь на трибуну. Вы хорошо сделаете, если обведете *всех* слушателей дружеским, но уверенным взглядом. Этот *прием вкидывания взглядом* является первым возможным контактом оратора со слушателями. Вы именно с самого начала излучаете тепло. *Первое хорошее впечатление, которое слушатели получат, глядя на Вас, часто является решающим.* Некоторые ораторы начинают речь подчеркнуто тихо, чтобы заставить слушателей быть внимательными. В древности учителя ораторского искусства рекомендовали даже произносить первые предложения, как бы колеблясь и с мнимой неуверенностью, чтобы таким способом достичь напряжения и благодаря этому – сосредоточения.

Важно, чтобы непосредственно перед началом речи у Вас

было сильное желание ее произнести и Вами владела радость поделиться со слушателями своими мыслями.

«Самонастрой» перед началом крайне важен. Излучение радости, так действующее на слушателей, удается тому, кто в совершенстве овладел темой.

Исследование современной речевой практики в парламенте предпринял в своей диссертации о риторике в бундестаге Юрген Сандов. О речи, произнесенной в бундестаге 30.6.1960 года Венером, он сообщает: «Венер начинает свое выступление тихим голосом и говорит в микрофон, низко склонившись над трибуной. Непринужденной манере держать себя соответствует и легкий, приятный «разговорный тон» речи.

…При этом он, кажется, даже на время произнесения трех слов не спускает глаз со своей публики – и, в особенности, с представителей оппозиции, к которой он то и дело обращается с помощью слов и языка телодвижений.»

4.2.4 Обращение

Лютер свою знаменитую речь перед рейхстагом города Вормса начал словами: «Пресветлейший могущественный император, светлейшие князья, милостивейшие и милостивые государи!» В фразе одна превосходная степень следует за другой, как требовал этикет того времени обращаться верноподданному к людям с титулом.

Около 1800 года членам вюртембергского ландтага предписано было следующее обращение: «Досточтимые, добропорядочные, благородные, преблагосклонные, высокоуважаемые господа!» Сегодня для нас выслушать подобный набор формальной лести было бы невыносимо. В последние десятилетия обращение, как и сама речь, стало проще, без прикрас, более деловита.

¦ *Обращение – первый шаг к сближению оратора со слушателями.*

Контакт между оратором и слушателями устанавливается откровенно и дружески, однако, в зависимости от ситуации, с преобладанием доверительности или же с соблюдением дистанции. В большинстве случаев используется нейтральное обращение, принятое во всем мире: «Дамы и господа!» Оно уместно всегда, но все же бесцветно. Обращение по возможности учитывает состав слушателей: дорогие сослуживцы, уважаемые друзья, дорогие соотечественники, дорогие коллеги». Есть и другие варианты, разнообразящие форму обращения:

«Мои дорогие земляки», – так начинает многие выступления федеральный президент.

Если слушатели неизвестны, то почтительное обращение воспринимается как преувеличение. Обращение должно быть почтительным, но не раболепным.

«Высокочтимые присутствующие» – это звучит неестественно и неискренне.

Употребляемое главным образом «уважаемые присутствующие» достаточно бесцветно. Слушатели всего лишь «присутствующие?» В таких случаях по-моему гораздо лучше рекомендованное Фридрихом Науманом обращение «уважаемое собрание».

Видных лиц называют сразу (в ранговой последовательности), например, «господин министр, господин начальник окружного управления, дамы и господа! Если присутствует много уважаемых лиц, которых Вы хотите приветствовать отдельно, то Вы хорошо сделаете, если вкратце запишете список по рангам, чтобы никого не забыть. Если Вы кого-либо забудете, то в большинстве случаев реакция будет однозначно крайне болезненной! Обращение также можно вставить в первое предложение; так сделал, например, Петер Неллен (депутат бундестага): «Рискуя Вас удивить, дамы и господа, я должен просить Вас…», Обращение не обязательно делается только в начале речи. Его можно вставлять в речь то тут, то там. В особенно выразительных местах оно служит для улучшения контакта со слушателями. В ходе доклада обращение нужно иногда варьировать.

Замечено, что если отношения со зрителями потеплели, то больше не требуется употреблять уж очень дис-танционированное обращение, однако оно должно быть без неуместной близости. Обращение всецело служит поддержанию контакта со слушателями, для этого еще нужны некоторый опыт и своего рода тонкое чутье.

Я хотел бы еще только предостеречь от любых проявлений снисходительности. «Мои дорогие молодые друзья!» Часто слышимое, это обращение звучит несколько претенциозно и высокомерно, «сверху вниз», и с полным основанием будет воспринято «дорогими молодыми друзьями» как неудачное. Но оригинальное обращение в большинстве случаев возбуждает благожелательное отношение или даже веселье, как это было, когда депутат Канка во время последнего перед каникулами заседания бундестага приветствовал своих редко присутствовавших коллег словами: «Высокочтимые заднескамеечники из этой палаты, которые еще не собрались и не удрали…»

4.2.5 Взаимодействие оратора со слушателями

Под взаимодействием мы понимаем сенсорное обратное влияние речи на оратора.

Очень метко описывает суть речи Фридрих Науман: «Речь является диалогом, при котором один говорит, а другие, слушая, участвуют в разговоре».

Возможно, это является разновидностью электризации собрания людей.

Не без оснований говорят о «зажигательных» речах. Искра пробегает от оратора к слушателю – и бежит обратно. Образуется электрическая цепь в направлении от оратора к слушателю и от слушателя к оратору.

Оратор воспринимает побуждения собрания, но не позволяет сбить себя с толку.

Выразимся иначе: оратора сравнивают со спичкой. Он загорается от трения с поверхностью, под которой мы подразумеваем публику. Если слушатели понимают, что докладчик делает свое дело с душой, они следуют за его мыслями. По поведению слушателей, выражению лиц, положению тел, напряженной тишине чувствуется, внимательно ли они слушают оратора.

Выражением сенсорного обратного действия являются аплодисменты.

Аплодисменты ободряют оратора и делают его уверенным. Аплодисменты освежают атмосферу, как майский дождь. Аплодисменты окрыляют, как попутный ветер.

Снова и снова мы наблюдаем, что хорошие ораторы не ждут, пока аплодисменты отзвучат полностью. Если начинаются овации, они делают паузу, даже в середине предложения, а затем продолжают говорить во время *заключительной* части аплодисментов (причем они часто повторяют последние слова, которые произносились во время аплодисментов).

Так слушатели получают возможность полного выражения своего одобрения.

Как только появится повод, они легко настроятся на аплодисменты, потому что для слушателей аплодисменты – это клапан, позволяющий выразить *растущее радостное чувство.*

Когда Пауль Шмидт переводит речи государственных деятелей, он «способствует тому, чтобы в том или ином месте перевода слушатели аплодировали». Он продолжает: «я часто помогаю себе тем, что в таком месте речи я делаю особенно длинную паузу и про себя восклицаю слушателям: «Вы хотите аплодировать!» – и это в большинстве случаев помогает!» Хотя аплодисменты действуют столь благотворно, нужно остерегаться

их переоценивать. Оратор, жаждущий аплодисментов, иной раз безответственно поверхностен. Аплодисменты не всегда мера качества речи или качества слушателей. Это знал также полководец Фокион (402-318 годы до рождества Христова). Во время народного собрания афиняне одарили его аплодисментами, он в смущении обратился к другу: «Я сказал что-то глупое?» Аплодисменты могут иметь различные причины. Один раз слушатели всего лишь устраивают разминку, чтобы оживить затекшие вследствие неудобного сидения конечности; другой раз они аплодируют, движимые подлинным чувством одобрения, от всего сердца. В третий раз: аплодисменты как жест учтивой любезности, подобно тому, что Буш отмечает в следующем четверостишии: Мир учтив и обходителен, И прежде, чем тебя обидят, Пожалуй, каждый легко скажет то, что тебе угодно, Потому что присяги не давал никто.

4.2.6 Сопоставление слушателей

Решающим для успешного публичного выступления является состав слушателей, каким Вы его себе представили при подготовке речи. Ведь Вы должны настроиться на слушателей и благодаря этому не допустить ни недооценки их, ни переоценки.

¦ *Итак, трудность для оратора состоит прежде всего в оценке умственной познавательной способности своих слушателей.*

Оратор, будучи на ступени, предписанной ему самым слабым из слушателей, все же соблюдает известный уровень»(Христиан Винклер). Если мне как докладчику ясно, слушателю будет не понятно еще долго. Я облегчаю его путь к результату, зачастую найденный в продолжительной работе. Я, может быть, неделю мучился, пока готовил доклад, а теперь хочу,чтобы слушатель, все правильно понял и переработал в течение нескольких минут. Я обеспечиваю ему возможность сделать это без особого труда.

Я избегаю любых недоразумений. Есть саркастическое высказывание бывалого докладчика: «Слушатели делятся на две группы: в первой те, которые не слушают, а во второй те, которые по большей части понимают неправильно.» Это, конечно, слишком преувеличено, но в этом есть зерно истины.

¦ *Достойным упоминания является следующее: как показывает опыт, впечатление от речи порой зависит от одной ничтожной детали.*

Единственная *оговорка,* один неудачный оборот или второстепенный эпитет могут ослабить благоприятное впечатление от речи или уничтожить его совсем.

Возможно, такая речь не была тщательно *прослушана в отношении нюансов* и проконтролирована.

Всегда легче говорить, обращаясь к однородному (гомогенному) составу слушателей (дилетанты, специалисты, студенты, коллеги, люди одинаковой политической ориентации и так далее). Однородному составу слушателей сопутствуют однородные представления.

Перед неоднородным (гетерогенным) составом слушателей говорить тяжелее.

Нелегко в одно и то же время говорить правильно по отношению как к специалистам, так и к дилетантам. Слишком велика разница в образовании. Если публика столь различна по составу, нужно кое-что предложить по возможности всем группам. Подумайте также об отдельных, особо авторитетных слушателях, о которых Вы знаете, что они придут. Что нужно сказать тому и этому? Прямо или косвенно. Уже при подготовке нужно постоянно видеть себя «внутренне в среде слушателей» (Гератеволь). Но прежде обратитесь к дилетантам, особенно, если их большинство.

Интеллектуальные деликатесы – удел не каждого. Слишком немногие из ораторов могут перенастраивать себя на различные составы слушателей.

Так, иной оратор, овладев блестящей академической речью, не владеет популярным языком, чтобы легко перестроиться и свободно общаться в любой аудитории.

Например, Бисмарк был блестящим парламентским оратором. Но вряд ли его можно представить перед народным собранием. Такой же человек, как Ллойд Джордж, напротив, был «всегда на месте». В парламенте он говорил великолепно и диалектично, перед ученым собранием – научно, перед народом – особенно наглядно, остроумно и грубовато. Мы поражаемся искусству того оратора, который нечто новое и достойное внимания может сказать даже специалистам в общедоступной [1] форме.

Главное побуждать любопытство слушателей и настраивать себя на это в речи. Итак, Вы непременно спрашиваете себя: «Кто сидит передо мной? Как много таких слушателей? Что они ждут от меня? Каковы их представления? Науман указывал на различие в обращении оратора со слушателями в зависимости от того, в какой местности он говорит! В направлении на север уменьшается не только внешняя подвижность собрания, но также и скорость языка. Но там важно уменье сказать в немногих словах по крайней мере столь же много.»

4.2.7Позиция слушателей

«Настройся на своих слушателей. Подумай о том, что больше привлекает их внимание, что они хотели бы услышать, что

вызывает у них приятные воспоминания, и намекни на вещи, которые они знают»(Гамильтон).

Нужно всегда ставить себя в положение слушателя, особенно если речь с выражением мнения. Это решающая предпосылка стать слушателю ближе. Генри Форд так описывал путь успеха: «Понимать точку зрения других и видеть вещи их глазами». Мне как оратору нужно не только *представить* слушателя, но также и *почувствовать* его. Это не всегда просто.

Каковы эти люди, которые меня слушают? Что они думают, что они чувствуют, что они знают, что *хотели бы* слышать и что я *должен* им сказать? То, что я расскажу, будет ново для слушателя? Или я ломлюсь в открытую дверь? Много ли на собрании (если оно политического характера) оппонентов? Если мне удастся как следует ответить на подобные вопросы, то речь будет одобрена.

Есть анекдот об одном добропорядочном бюргере, который однажды захотел почитать умную книгу. И попала в руки ему книга Иммануила Канта «Критика чистого разума». Через три минуты он захлопнул книгу и подумал, качая головой: «Дружище Кант, мне бы твои заботы!» Оратор тоже может оказаться в положении Канта. Все, что говорит оратор, может быть и хорошо и правильно, однако слушателю это не интересно. Слушателю всегда интересны факты и мысли, относительно его самого. Уши слушателей всегда открыты, если Вы объясняете нечто такое, что повлияло на жизнь Вашего собеседника. Покажите слушателю, где представляется возможность: «tua res agitur!» – *тебя это касается!* (так говорили древние римляне). Здесь обсуждаются *твои* дела! Если у Вас то же мнение, что и у слушателей, то Ваша задача – упрочить именно это мнение; поднять это мнение из области расплывчатых симпатий и представлений до четкого осознания и сделать совершенно точным и понятным. Но если Ваше мнение отличается от предполагаемого мнения слушателей, то дело заключается в том, чтобы *осторожно* изменить мнение слушателей. Вы хорошо сделаете, если не выложите сразу все. Поставьте себя на место Вашего оппонента и тонко представьте Ваши доводы и доказательства Вашего мнения как неопровержимые, не умаляя достоинства Вашего противника. Оратор одновременно и педагог. Правда, чем менее заметен педагог, тем лучше.

Хороший оратор зачастую в деталях рассматривает то, о чем многие думают и что чувствуют.

Урс Шварц в биографии Кеннеди констатирует: тон речей Кеннеди «был нов и тем не менее вызывал доверие, так как соответствовал лучшим американским традициям. Мысли и

чувства он выражал в форме, близкой миллионам людей, которым не дано ни дара, ни возможности выражения».

¦ *Опыт учит, что если в речи убедительно приведены доказательства, то им сопутствует настоящий успех, хотя не всех оппонентов удается убедить.*

Если эта речь заставит их задуматься, публичное выступление частично достигло цели. Оратор не предается иллюзиям. С помощью логики, какой бы убедительной она ни была, выходят из затруднительного положения далеко не всегда. Познание слушателя зачастую баррикадируется громадой неконтролируемых чувств и предубеждений; слишком укрепилась в людях привычка принимать желаемое за действительное. Мы пытаемся выявлять такие чувства и предубеждения и, если возможно, ликвидировать их. Многие решения проистекают из иррационального. И мы, ораторы, не можем обманываться: вновь и вновь воздействуем эмоционально, даже несмотря на то, что нам самим так трудно быть объективными. Никто не может в полной мере «вылезти из своей кожи». Не каждый внешний успех оратора является также и внутренним, непреходящим. Некоторые исполненные глубокого смысла выступления не производят шума и не отличаются внешним блеском. Нельзя считать единственным мерилом качества доклада гром аплодисментов, от которых у слушателей заболят руки (смотри также в моей книге «Школа дебатов», главы 2.4, 2.5)

4.2.8 О психологии масс

Известно, что в толпе человек ведет себя иначе, чем когда он один. Даже самый отъявленный индивидуалист поддается гипнозу толпы. Когда именно собрание людей становится массой, различно в различных случаях. Границы подвижны. Но чем больше слушателей, тем раньше они становятся массой.

Существуют два принципа, которые определяют поведение людей в массе:

• Масса легче реагирует на эмоции.

• У массы ослаблены умственные способности.

У массы нет антенны для тонкой логической работы. Она хочет слышать ясные мнения и сильные суждения.

• *Чем больше слушателей, тем в большей степени упрощаются контуры, делаются повторы, говорят популярнее, обращаясь к коллективному чувству.*

Человек в массе легковерен (Башвивд), склонен к обезличиванию. Не вполне понятным образом уменьшается его способность к критике.

В массе способность человека к различению ограничена. Он склонен к черно-белым краскам. Вперед выступает инстинктивное

и иррациональное. Но совсем мрачно видит проблему Франц Грильпарцер, когда пишет: «Человек в одиночку сносен, в толпе же он близок к животному миру».

У оратора, обращающегося к массе, велика вероятность стать обманщиком из-за преувеличений и в запале речи упрощений проблемы. Поэтому речь, обращенная к массам, во все времена была ареной для демагогов всех видов. Они использовали массовые формы внушения и, манипулируя неконтролируемыми чувствами толпы, внедряли свою волю в подсознание людей – зачастую с губительными последствиями.

Гитлер, как величайший демагог в мировой истории, использовал массовую психологию в собственных целях. Он пишет в книге «Майн кампф» (Моя борьба): «В массовых собраниях мышление выключено. И я использую это состояние; оно обеспечивает моим речам величайшую степень воздействия, и я отправляю всех на собрание, где они становятся массой, хотят они того, или нет.

Интеллектуалы и буржуа так же хороши, как и рабочие. Я перемешиваю народ. Я говорю с ним, как с массой». Об ораторе Гитлере в 20-е годы Карл Чуппиг отзывается следующим образом: «Как говорят в Австрии, «бурчащая» речь. При этом, однако, понятная и слышимая в окрестности с радиусом 60 метров… При этом его риторическое искусство, искусство расчленять и создавать, подготавливать «расстановку точек», очень ничтожно.

Отсутствует и лучшее украшение речи: юмор. Гитлер совсем лишен юмора, он всего лишь патетичен. Эмоционального накала он добивается за счет преувеличенного пафоса… Риторически слабые, по уровню мышления равные нулю, речи Гитлера в качестве действенного начала имеют только его способность передавать порывы чувств».

Оратор, сознающий свою ответственность, также будет настраивать себя на ситуацию речи, обращенной к массе, но он будет существенным образом ограничивать себя практическим применением следующих рекомендаций:

• Чем больше количество слушателей, тем проще стиль речи (за исключением докладов перед специалистами). • Чем больше количество слушателей, тем нагляднее и образнее следует говорить.

В массе каждый отдельный человек изменяется – и перед массой зачастую изменяется оратор. Многие великие ораторы в частной жизни были робки и застенчивы. Потом, перед слушателями, их нельзя было узнать. Они говорили свободно и раскованно, увлекательно и убежденно. Филлис Хойр (в книге «Я был личным секретарем Черчилля») сообщает, что Черчилль в

разговорах один на один немного шепелявил и очень часто заикался, но на ораторской трибуне был в своей тарелке: и шепелявость, и заикание «как рукой снимало».

(Проблему «Реплики в речи» я рассмотрел в «Школе дебатов», глава 3.3)

4.2.9 Документ: Фриц Эрлер об ораторе Фрице Эрлере

7-го января 1965 г. Второе Немецкое телевидение передало интервью с политиком Фрицем Эрлером (умершим в 1967 г.). Здесь приведена вступительная часть диалога между Гюнтером Гаусом и Фрицем Эрлером.

Она подробно разъясняет, как выдающийся оратор своего времени оценивает функции речи. Кроме того, дано представление о практике речи в политической борьбе.

Гауе: Господин Эрлер, Вас считают лучшим оратором из числа тех, кто ведет дебаты в бундестаге. Талантливым оратором, что Вы часто доказываете в качестве председателя фракции Социал-демократической партии Германии. Позвольте задать Вам вопрос: для опытного оратора Фрица Эрлера – для него воздействие риторики, которого он добивается, является скалькулированным и заранее просчитанным, или же Вы действуете в зависимости от реакции Ваших слушателей?

Эрлер: Есть и то, и другое! Ведь по большей части мои речи не записаны: совсем редко по особым поводам я зачитываю подготовленный текст. Особый повод состоит в том, что благодаря такому способу есть уверенность, что пресса действительно передаст именно этот текст. Так что это написано больше для удобства журналистов, чем для спокойствия оратора. Вообще я говорю только по списку ключевых слов. И это исключает возможность точного учета ожидаемой реакции слушателей – будь это в бундестаге, или на собрании, или в другой аудитории. Но, естественно, из долгого опыта известно, какие пассажи вызовут у слушателей особое внимание. И это настолько точно, как будто оратору сопутствует своего рода эхо. Артист, как известно, живет аплодисментами, и это справедливо также и для оратора. Только политический оратор должен остерегаться позволить себе из-за одобрения больших массовых собраний увлечься декларациями, которые в чем-то ускользнут от контроля разума.

Гауе: Вы уверены, что такой контроль никогда не откажет, что Вы всегда удержите себя в руках, что Вы не сможете из-за реакции публики прийти в возбуждение и потерять контроль?

Эрлер: Я бы сказал, что слово «никогда» не следует произносить никогда.

Просто это уже слишком; такой гарантии никто не сможет

дать. Можно лишь стремиться к тому, чтобы всегда удерживать контроль. Но я знаю, например, что при горячей фехтовальной схватке мнений в бундестаге та или другая реплика меня так возбуждает, что мои ответы на нее не совсем удачны. В большинстве случаев я отвечаю очень быстро. Ответ дается прежде, чем спрашивающий успеет закрыть рот, этим я известен в бундестаге и этого подчас даже опасаются. Но, естественно, при фехтовании подобного рода возникают ситуации, когда неожиданно тот или другой коллега оказывается неумышленно задетым. Тогда наступает сожаление. От подобной реакции никто не застрахован. Но и в этой области долголетний опыт учит большей сдержанности.

Гауе: Эта способность быстрой реакции, которую Вы доказали, например, при подаче реплик и промежуточных вопросов, доставляет Вам развлечение?

Эрлер: Я должен сказать, да! Естественно, есть вопросы, которые поставлены так, что они перед ответом требуют известного размышления. Обычно вспоминают упрек доктора Аденауэра, который по этому поводу сказал: «У него», я не знаю, кого он имел здесь в виду, «центр речи расположен слишком близко к мозгу».

Итак, прежде, чем сказать, нужно подумать. Но ведь в большинстве случаев реплики можно рассчитать заранее. Известно, в каком духе отвечают, так что не все неожиданно. Естественно, есть также реплики, которые для уяснения сути требуют произнесения пары бессодержательных слов, дающих время на обдумывание. В бундестаге излюбленный прием в этом случае – повторение обращения «господин президент, уважаемые дамы и господа»; благодаря этому получают некоторое время на размышление.

Гауе: Господин Эрлер (чтобы употребить обращение), в Социал-демократической партии, заместителем председателя которой Вы являетесь наряду с Гербертом Венером и при руководстве Вилли Брандта, в СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) известен Ваш острый интеллект, который позволяет Вам анализировать политические проблемы и прежде всего вопросы внешней политики и обороны. Является ли Ваш ярко выраженный интеллект следствием Ваших пристрастий. Кто Вы, по вашему собственному мнению, – скорее спорщик и участник дискуссий, применяющий аргументы за и против, чем оратор в больших массовых собраниях, где требуется нечто другое, нежели интеллект?

Эрлер: В больших массовых собраниях я привлекаю также и публику, мыслящую глубоко. Но я не думаю, что я являюсь тем,

кого можно назвать народным трибуном. В ранней молодости однажды в Берлине мне представилась возможность быть ведущим, когда на форуме молодежи выступал социал-демократический депутат рейхстага Тони Сендер. Конечно, то, что я там сказал, было очень существенно и уместно. Но мой друг пришел ко мне и сказал: «Народным оратором тебе не быть!» На том и закончили обсуждение. Потом это мнение подтвердилось не совсем, поскольку со временем я вполне мог привлечь и большую аудиторию. Но думаю, это удавалось не с помощью бурных эмоций, вдохновения, а больше побуждением к совместному размышлению. Если я бываю за границей, я, естественно, выступаю с докладами. Или даже предлагаю в студенческой среде нечто вроде лекции, чтобы начать дискуссию. Совершенно очевидно, что это уже другой стиль речи. Но мои мероприятия, если до некоторой степени верить сообщениям прессы и тому эху, которое обычно приходит ко мне в письмах, всегда являются для слушателя некоей информацией, некоей гражданской агитацией, неким требованием. Конечно, при этом мотивом является стремление побудить его к совместному размышлению и к совместному действию. Но приступы воодушевления, по-моему, я до сих пор не вызывал.

Гауе: Вы считаете фактом, что Вы, как Вы сказали сами, не стремились вызвать у слушателей приступ воодушевления; Вы считаете этот факт политическим недостатком?

Эрлер: Нет, я считаю его политическим преимуществом. Я нахожу, что в нашей стране было много фигур, вызывавших бурю восторга, но при этом терялся контроль над собой, а заодно и контроль над объектом восторга. Я нахожу, что лучше своих слушателей воспитывать таким образом, чтобы они сохраняли контроль над собой.

4.3 Общий опыт и размышления

4.3.1 Выступление оратора

«Трибуна является жестоким делом – там человек стоит голым, как во время приема солнечной ванны», пишет Тухольский. Зрители рассматривают внешность оратора очень критически, «под лупой». Неприлично выйти на сцену развязно, с болтающимся галстуком. Геббельс специально приходил на собрание на полчаса позднее, чтобы поднять напряжение; но я советую не подражать ему и в этом отношении. Не следует унижать слушателей.

Общая манера держаться – лучше подтянутая и тем не менее свободная. Не следует рассматривать потолок зала, как будто что-то не в порядке с люстрой. Мы дружески окидываем взглядом

слушателей и наблюдаем их реакцию. По мимике и позам можно прочитать: сомнение, участие, согласие, неодобрение (наморщенный лоб, движения головы!)

Иной оратор все десять минут глотает воду, как это делают во время лечения минеральными водами. Стакан с водой используют только в крайнем случае. Это ошибка считать, что глоток воды одолеет хрипоту.

Хильда Обельс-Юнеман на ораторской трибуне нижнесаксонского ландтага глотнула из стакана для воды, выпитого предшествующим оратором, и сказала: «Я хочу установить,что пил предыдущий оратор; возможно виски, потому что некоторые высказывания господина оратора, выступавшего передо мной, непонятны». Говорить в помещении с несвежим воздухом крайне трудно. Нельзя делать доклад в комнате для курения. Оратор не должен сильно курить.

Безразлично, определяем ли мы с древними гуманистами курение как «libido potandi nebulas» – «жажда пить дым» или соглашаемся с современными психологами, которые говорят об инфантильном «комплексе сосания»: сильное курение вредит голосу. (Катар курильщика!) Врачи советуют людям, которые много говорят, отказаться от курения или хотя бы ограничить его.

4.3.2 Концентрация

Интенсивность речи свидетельствует о напряженном мышлении. Важно, чтобы сохранялась видимость легкой речи. (Но при случае не повредит, если слушатель станет свидетелем поиска оратором лучшей формулировки. Это даже вносит момент напряжения, не обязательно связанный со смущением.

«Докучливые мысли – как навязчивые комары», так однажды сказал Буш.

Удастся ли избавиться от вредных дополнительных мыслей – это вопрос концентрации на главном. Некоторых ораторов поток дополнительных мыслей уносит далеко: в любом пункте своего доклада они ненароком перескакивают с пятого на десятое. Речь распадается на отдельные нити; беспомощный слушатель оказывается в лабиринте.

В этой связи следует указать на значение импровизации. В середине речи как будто с глаз внезапно спадает пелена; появляется внезапная мысль, обретается осознанное преставление, и мы формулируем его в порядке импровизации. Известнейшим примером являются «перуны Мирабо» (23 июня 1789 г.), которые способствовали разжиганию Французской революции.

Совсем нередко и в обычной речевой практике в середине речи вдруг на ум приходит неожиданное решение проблемы.

Дамашке пишет: «Отдельные трудности, которые мучают при подготовке и кажутся не поддающимися полному преодолению, часто молниеносно проясняются и решаются сами собой во время доклада. Слово, которое произносят, оказывает то же самое действие не только «вовне», но и «внутри». Если во время речи открываются ворота новых знаний и появляются вереницы новых мыслей, то для оратора это самое счастливое событие.

Можно вновь и вновь вставлять мысли, которые не предусмотрены в конспекте, но которые нужно *держать в запасе* во время речи; однако импровизации нельзя буйно разрастаться в докладе. У некоторых импровизирующих ораторов мысли появляются только так, но в речи отсутствует связность. Все идет вперемешку, без разбора. Один насмешник сказал: «Господин Х говорит сегодня на тему: «Что мне придет на ум».» Итак, правило гласит: важные новые возникающие мысли вставлять в речь, а второстепенные дополнительные соображения безжалостно исключать. Иначе речь наверняка будет слишком длинной.

Профессор Бей пишет о риторике при проведении конгрессов: «Чистейшее captatio benevolentiae (обеспечение благосклонности) является для любого оратора тратой истекающего времени речи. Противоположностью является бестактность в отношении всех участников, и прежде всего в отношении следующего оратора. Ход заседания в опасности из-за одного человека, который не знает меры.» И он продолжает: «Всегда имеет смысл использовать секундомер, секрет не велик.»

4.3.3 Речевое мышление вместо чтения текста

Тот, кто рабски привязан к рукописи, может стать хорошим лектором, но никогда не будет хорошим оратором. Слушатели ждут речи с размышлением, а не чтения текста, даже если оратор спотыкается при построении предложений или строение слов у него грамматически неправильно (Хайнц Кюн).

Свободное владение речью означает владение речевым мышлением. Доклад – это не пересказ сочинения на известную тему. Во время речи мы пробегаем глазами ближайшие ключевые слова, но не смотрим в конспект постоянно, как прикованные. Даже в случае самой детальной разработки доклада мы должны действовать, как при импровизации.

Не следует объявлять оратором того, кто поступает как более или менее хороший чтец текста. «Нужно видеть лица слушателей, когда мнимый оратор поднимается на трибуну и кладет на кафедру тяжелый манускрипт. Можно быть уверенным, что публика не слушает речь, а со скукой следит, как медленно изменяется отношение прочитанных листов манускрипта к еще непрочитанным» (Довифат).

У слушателей антипатия к читаемому тексту речи. Поэтому Тухольский иронически рекомендует: «Лучше всего, если ты свою речь прочитаешь. Еще больше порадует каждого, если читающий оратор после каждого четвертого предложения подозрительно посмотрит поверх очков, проверяя, все ли еще тут».

(Президент Германии фон Гинденбург почти всегда читал свои речи с листов. При этом однажды он закончил речь так: «Да здравствует наше любимое немецкое отечество, ура-ура». Страница кончилась. Пауза. Переворачивает страницу. Всматривается. А затем провозглашает третье «ура», которое стояло на новой странице.

Мы не должны поступать так, как будто слушатель неграмотен. Слушатель хочет личного контакта с оратором, флюидов доклада, формулируемого в данный момент.

¦ *Поэтому правило гласит: мы говорим наполовину свободно.*

Карло Шмид пишет о Курте Шумахере, который в течение многих лет был председателем Социал-демократической партии Германии: «Перед ним всегда лежала рукопись, но я никогда не видел, чтобы он читал текст. Он всегда говорил о написанном, исходя из мысли данного мгновения, но эта мысль всегда была законченной и всегда была контролируемой; она была так сказать *мелодией,* отвечающей *основному аккорду,* который был записан в рукописи».

Это меткое сравнение: «мелодия, отвечающая основному аккорду». Конспект ключевых слов является аккордом, словесным выражением мелодии. Всего-навсего прочитанной речью убедить трудно.

Депутат Христианско-социального союза доктор Йегер однажды сказал: «Тот, кто не умеет говорить, так же неуместен в парламенте, как слепой в кино.» Но даже не все опытные политики способны высказать мысли в свободной речи, как, например, того требует регламент бундестага. Люди читают «опасные», очень ответственные места, конечно, лишь для того, чтобы не рисковать, так как одно необдуманное слово может привести к тяжелым последствиям. Оппоненты и толпы лазутчиков-журналистов часто только и подстерегают момент, когда оратор допустит lapsus linguae (ошибку в речи), оговорку, чтобы использовать как следует.

В дословном произнесении формулировок нуждаются только правительственные заявления, протоколы и годовые отчеты. Для научных циклов лекций предлагается обдумать следующее:

• Каждая отдельная лекция является лишь звеном в цепи, однако с точки зрения риторики будет полезно, если Вы ее отшлифуете индивидуально.

• Даже при дословной отделке речи лучше всего произносить ее как можно свободнее.

• Полезно время от времени предлагать слушателям четкие обобщения. При известных условиях содержание излагают в новом словесном оформлении.

• Особенно важно цитировать дословно; если нужно – медленно, позволяя слушателям записать.

• Хорошо делают, если после каждого большого отрывка дают студентам возможность задать вопросы и устроить дискуссию. Зачастую к способности восприятия обучающихся предъявляют завышенные требования; например, им предлагают слушать лекцию в течение 45 или даже 90 минут – не предоставляя возможности задать вопросы и углубить понимание материала. Сегодня форма, придаваемая лекции, оправдана, если она определяется личными флюидами – признак, которого нет у книг.

Чем свободнее произносится речь, тем лучше. Вероятно, те, кто слышал лекцию философа Эрнста Блоха, не смог устоять перед своеобразной колдовской силой его речи. Существенно: слушатели ощущают волнующее рождение его формулировок.

¦ *Правилом должна быть свободная речь по ключевым словам.*

Оратор работает с конспектом ключевых слов, как артист цирка с сеткой: в крайнем случае не произойдет ничего страшного. Если речь большая, даже опытным ораторам опасно отказываться от ключевых слов. И лучшая память иногда капризна, как примадонна. Иногда свидетельства самой хорошей памяти отвергаются, подобно показаниям родственников перед судом. То же, что для актера – суфлер, для оратора – ключевое слово. Суфлер помогает только в случае необходимости, то же подсказывает и ключевое слово. Но суфлер не поможет плохо подготовленному актеру; в одном критическом отзыве о драматическом спектакле читаем: «Вчера вечером суфлер прочитал нам новую пьесу. К сожалению, пару раз его перебили персонажи, которые находились на сцене…» В речевом мышлении можно упражняться. По сути процесс заключается в следующем: еще не произнеся до конца последнее предложение, читают следующее ключевое слово. Это быстрое чтение *с заблаговременной фиксацией нужного слова,* при котором зрительный контакт со слушателями прерывается лишь на очень короткое время.

Кратковременная память воспринимает информацию, которая формируется в виде предложений, пока взгляд опять направлен на слушателей. Хотя доклад должен излагаться ровно, все же ему противопоказано холодное совершенство. Как часто мы ощущаем тот холодный навык, с которым произносятся речи.

Слушатели должны почувствовать целиком и полностью, что стоит за словами.

Оратор оберегает своих слушателей от риторических завитушек, громких фраз, пустословия, избитых оборотов. Его речь должна быть четкой и ясной. Многие ораторы крайне осторожны в своих формулировках. Их предложения, как каучук. Они высказываются слишком «растяжимо». Они не делают четкой констатации, а охотно оставляют лазейки. Разнообразные «если» и «но», «можно бы» и «хотелось бы», «может быть» и «в известной мере» легко ведут к риторической эквилибристике. По этому поводу Буш едко высказался: «Очень многие трудности улетучиваются благодаря милому словечку «может быть».

4.3.4 Обмолвка

Никто не может избежать обмолвок полностью. Из-за мелких грамматических неправильностей не стоит вносить поправок. Обмолвки случаются даже у лучших ораторов.

Вот Вы оговорились: «Берлин и Гамбург насчитывает вместе свыше четырех миллионов жителей.» Дамашке по праву считает: «Разумные слушатели сказали бы оратору: да мы верим: ты знаешь, что два подлежащих требуют множественного числа. А если ты этого не знаешь, то нам это тоже безразлично: нам нужно от тебя не грамматических навыков, а мыслей! Дальше!» В этом случае справедливо высказывание специалиста по эстетике Вишера: «И бородавочки не очень важны, коль у речи щечки красны». И если Вы допустили существенную ошибку, и зрители смеются, то лучший рецепт: смейтесь вместе с ними.

По большей части обмолвки – результат недостаточной сосредоточенности на деле: когда начинают болтать механически.

Один молодой актер в конце сентиментальной пьесы должен броситься на сцену и, приняв величественную позу, сказать: «Этим кинжалом я освобожу тебя!» Но он заучил этот текст «до потери сознания» и в волнении произнес новую версию: «Этим кинжалом я заколю тебя!» Подобное искажение допустил вице-президент бундестага Томас Делер (май 1962 г.). Громким смехом отреагировал Боннский парламент на обмолвку: «Я заседаю завершение» (вместо «я завершаю заседание» – *прим. перев.)*. На партийном мероприятии в Виттене председательствующий хотел в приветствии снабдить оратора Густава Хей-немана двойным докторским титулом и от волнения запутался: «…Итак, мы приветствуем среди нас доктора Густава Густава Хейнемана». Родилось суперимя: вместо «доктор доктор» отныне звучало «Густав Густав». Но обмолвки могут также иметь глубокие причины; например, может быть так называемая «фрейдовская обмолвка».

Курт Бонди описывает такой случай в своей книге «Введение в психологию» (Франкфурт, 1967, с. 83 и далее): «Председатель общества незадолго до начала собрания его членов узнал, что кассир присвоил значительные суммы денег. Он открыл собрание словами: "Дамы и господа, к сожалению, я должен сообщить вам, что очень злое дело *отсвинячили».* Присутствующие лишь удивленно взглянули на оратора. Когда позже обратили его внимание на слово «отсвинячили», он не мог об этом вспомнить. По поводу обмолвки мы могли бы хорошо сказать, какой действовал бессознательный механизм. В сознании председателя возник конфликт: желание выразить гнев и сказать, что произошло настоящее свинство, сталкивается с противодействием – не употреблять такое слово, как «свинство» как слово бранное. Вследствие этого конфликта слово «свинство» вытеснено. Вытеснить означает сдвинуть в подсознание. Оратор не может вспомнить об этом слове. По Фрейду (психоаналитик, 1856-1939), вытесненное слово, как содержание сознания, продолжает динамически действовать в подсознании: оно обладает силой и стремится к освобождению. Такое объяснение дается тому, что председатель оговорился в замаскированной, компромиссной, неизвестной ему самому форме.

4.3.5 Особые приемы ораторского искусства

Прежде всего назовем *цезуру.* Существуют *предшествующая* и *последующая* цезуры. Цезура означает, что после некоторого высказывания дальнейшее произнесение речи задерживается. Оба вида цезур стимулируют напряжение и повышение эмоциональности речи.

«Сделать паузу – означает только разъединить сцепление, а не выключить мотор» (Веллер). Но слово «пауза», собственно, является неправильным выражением. Пауза мертва и пуста, цезура полна жизни, деятельна.

Последующая цезура является разновидностью созидательной паузы после изложения длинной цепочки мыслей. Слушателю то и дело дается время для обдумывания сказанного. Смысл паузы также может заключаться в удовлетворении потребности в кратковременной «передышке». Важным словам дается возможность оказать воздействие. Слушателю нужно время для обдумывания.

Предшествующая цезура представляет своего рода задержку речи и в особой мере способствует созданию напряжения. Многие ораторы присоединяют к готовому предложению слово «и» – далее следует цезура – а уж затем приводят новый козырь. Неопытный оратор слишком редко применяет цезуру как средство воздействия, потому что ошибочно думает, что такая остановка

разрушает связность речи.

Переход. Когда переходят от одной большой части речи к следующей, то хорошо поступают, обращаясь к слушателям с личным замечанием.

(Нужны переходы!) Например, «Возможно, теперь вы спросите, какое значение имеет для нас сегодня это изменение ситуации. Поэтому я хочу вам сказать мое мнение об этом…» Искусство плавного перехода требует большой тщательности и большой тренировки. Хороший переход – связующее звено между комплексами мыслей. Как сварка необходима при изготовлении автомобиля, как с помощью клепки соединяются части корпуса судна, так хорошее переходное предложение связывает отдельные части вашей речи в оставляющее приятное впечатление единое целое (Симмонс).

¦ *Внезапный переход от веселого тона к серьезному является хорошим средством воздействия.* Подумайте о том, что в большинстве случаев забавные высказывания, которые мы делаем, имеют серьезную подоплеку.

Возможности повышения эмоционального накала в ходе доклада предоставляют: предшествующая цезура (смотри «речь с двоеточием»), последующая цезура (позволяет оказывать продолженное воздействие высказывания путем подчеркивания смысла с помощью мимики и жестов), повышение темпа в предложении – замедление темпа, повышение громкости, ее снижение.

Некоторое количество материала, который можно использовать в речи, у оратора всегда должен быть в резерве. Иные ораторы обладают способностью показывать, что знают больше, чем могут сказать. Но когда своими знаниями хотят похвастаться, это производит неприятное впечатление. Иным трюком является сознательное предъявление к слушателям повышенных требований: «…Вы все знакомы с трактатами Фомы Аквинского по естественному праву» – а в зале нет и трех слушателей, знакомых с ними. Это нечестно, создавать у многих слушателей комплекс неполноценности, чтобы представить себя в надлежащем свете.

4.3.6 Помехи произнесению речи (актерская лихорадка)

«В испуге происходит многое, чего даже и не было» (Буш).

Ридерс Дайджест (январь 1950) дал следующую милую, если не утрированную, формулировку: «Мозг – великолепная штука. Он начинает работу в момент твоего рождения и не прекращает ее до тех пор, пока ты не поднимешься, чтобы произнести речь».

Мы всегда называем помехи произнесению речи «актерской (стартовой) лихорадкой». Это выражение впервые появилось у

артистов, потому что эта самая лихорадка начинается при выступлении в свете сценических осветительных установок. Помехи произнесению речи являются очень «естественным» делом. Даже у опытного оратора, британского министра иностранных дел Антони Идена перед каждым выступлением была стартовая лихорадка. Марк Твен сообщает, что во время первого выступления в качестве оратора у него было чувство, что рот набит хлопком. Дизраэли рассказывает о настроении перед первой речью: он предпочел бы скакать в кавалерийской атаке, чем подняться на трибуну.

Первое публичное выступление Бебеля в 1864 г. было полным провалом. От стыда ему хотелось провалиться сквозь землю.

Причиной стартовой лихорадки в большинстве случаев является недостаток уверенности в себе. Это «опасение оказаться несостоятельным и не получить признания большинства», по выражению Веллера. Следствием является психический стресс и нервный срыв. Какие есть средства против стартовой лихорадки?

• Мы готовимся к речи основательно, насколько это возможно.

• Во время пробной речи полностью ставим себя в ситуацию реального случая.

• Мы просим пару хороших друзей сесть впереди в зале. Когда видишь перед собой людей, которым доверяешь, то чувствуешь себя уверенно.

• Перед началом речи снимаем напряжение. Полезно позволить себе немного праздности, можно использовать занятия, действующие как отдых. Не забывайте прогулки. Но есть надо мало! Успокаивающе действуют двадцать глубоких вдохов незадолго перед началом выступления.

• Непосредственно перед началом речи мы говорим подчеркнуто медленно и спокойно.

Стартовая лихорадка – совершенно нормальная промежуточная стадия для любого начинающего оратора. Опыт учит, что стартовая лихорадка медленно, но постепенно ослабевает по мере увеличения речевой практики.

Стартовая лихорадка проходит, а остается, может быть, у любого оратора, известное напряжение перед произнесением речи, и оно безусловно необходимо для живой манеры речи.

А теперь вы следуете всем моим советам – и все же кровь приливает к голове, пульс бешеный. «О, лучше бы мне провалиться сквозь землю». Вы остановились посреди Вашего доклада. Ко всему прочему еще и Ваши ключевые слова устраивают злую игру в прятки или вдруг больше не желают поддаваться расшифровке. Обычно появляется вымученный стиль

речи, даже у Гете во время знаменитого выступления на открытии горного предприятия в Ильменау. Слушателей охватило сочувствие и неловкость. Возможно, некоторые проявляли, как это бывает, откровенное злорадство, особенно если речь политическая.

Итак, имеем более или менее драматическую паузу, за которой следует невнятное бормотание. Что нужно делать в действительности? На самом деле ситуация намного безобиднее, чем представляется, потому что слушатели ведь не знают, что собственно Вы хотите сказать. В Вашем распоряжении есть два средства, которые помогут Вам:

• Повторите другими словами только что сказанное. Благодаря этому ухватите нить последнего высказывания или обобщите весь отрезок речи целиком. В то время, когда Вы это делаете, потерянная мысль обычно приходит, если ранее она была хорошо подготовлена.

Если запутались, то предложение спокойно обрывают посередине и говорят, например: «Я хочу высказаться иначе – надеюсь, лучше…»

• Вы переходите к новому разделу. Пропущенный отрезок Вы можете привести позже, со словами: «Впрочем, мне нужно сказать кое-что еще…» или «Здесь мне хотелось бы еще добавить…»

4.3.7 Темп речи

Опыт показывает, что темп речи очень сильно связан со свойствами личности и поэтому зачастую с трудом поддается регулированию. Некоторые люди говорят быстрее, чем способны думать. «Он заговорил меня до смерти» – могут сказать об импульсивном знакомом, словоизвержение которого напоминает извержение лавы.

Являющийся на протяжении многих лет президентом бременского сената Ганс Кошник в общем хороший, действенный оратор, однако говорит слишком торопливо. Один остряк однажды сказал, что, например, слово «ка-зармафедеральнойпограничнойохраны» он мог бы произнести в три слога.

Депутат Герман Шмитт-Вокенхаузен («ГШВ») «превзошел» в бундестаге 60-х годов даже быстроговорящих Штрауса и Йегера; он произносил 320 слогов в минуту и приводил стенографисток в ужас. Когда он посетил съезд стенографистов в Карлсруэ, он сказал: «Собственно, я хочу лишь убедиться в том, что сегодня еще могут писать так быстро, как я говорю.»

Многие ораторы, особенно начинающие, как правило, говорят слишком быстро.

¦ *Мы не произносим речь всегда с одной и той же скоростью.*

Мы меняем темп.

Важные мысли нужно произносить медленнее и более убедительно. Но также справедливы слова: variatio delec-tat – изменение радует и оживляет.

Основной темп речи сообразуют с имеющимся поводом и содержанием речи. В случае торжественной речи он медленнее и размереннее, чем в случае воинственной речи. Далее следует подумать вот о чем: чем больше помещение, тем медленнее нужно говорить, чтобы речь «не замирала». Мы говорим плавно, не ставим себе целью «отбубнить» нашу речь в рекордное время. Хорошо подвешенный язык – еще не мера настоящего искусства речи.

В старину Маттиас Клаудиус написал своему сыну Йоханнесу: «Там, где слова слетают слишком легко и плавно, будь настороже, потому что лошадь, везущая тележку с грузом, идет медленным шагом.» Можно взять на вооружение также наглядный и образный способ, который дал Спэрджен в лекции своим кандидатам в проповедники. (В скобках курсивом названы риторические средства, которые применил Спэрджен): «Слишком медленная речь ужасна и может совсем расшатать нервы полных жизни слушателей. Ибо кто может выслушать оратора, ползущего со скоростью два километра в час? *{Образное сравнение, риторический вопрос)* Сегодня слово и завтра будет одно *(преувеличение)* - да это поджаривание на медленном огне *(сравнение),* которое может быть отрадой только для мученика *(шутка)*. Но слишком быстрая речь, гонка, неистовство, буйство *(метафорическое повышение)* также непростительны *(противопоставление предыдущему)*. Невозможно ни на кого произвести впечатление *(утверждение),* разве только что, может быть, на слабоумных, так как *(следует обоснование)* вместо упорядоченного войска слов *(образ)* к нам является толпа черни *(образное противопоставление),* и смысл полностью тонет в море звуков (образ).

4.3.8 Громкость речи .‹

Стентором звали того троянского грека, о котором Гомер рассказал, что он мог кричать громче, чем пятьдесят взятых вместе варварских воинов. Хотя сегодня мы вспоминаем о голосе Стентора, но его применение крайне редко.

¦ *Речь не должна быть шумовой атакой на барабанные перепонки.*

Но, произнося речь, мы все же говорим так громко, что нас понимают даже слушатели, сидящие позади. Громкость изменяют в зависимости от значения высказывания, но не намного.

Есть ораторы, которые более или менее сознательно

используют громкость в демагогических целях. Тогда громкость выполняет роль доказательства. В наследии одного датского пастора была проповедь, в одном месте которой стояла следующая пометка: «Здесь повысить голос, потому что аргументация неубедительна!» Большой громкости можно достичь не напряжением голосовых связок, а следующими средствами:

• Усилением потока воздуха при дыхании.

• Усилением резонанса («несущей способности»).

• Повышением четкости артикуляции.

• Замедлением темпа (подобно удлинению в процессе речи временного масштаба с помощью «лупы времени»).

С помощью силы звука, делая его громче или тише, выделяют самое важное. Имеется возможность «повышения эмоционального напряжения в пиано».

Тот, кто кричит и бранится, по большей части не прав. В области права он больше теряет, чем приобретает.

В этой связи еще одна констатация. Часто в большом помещении раздается обращенное к оратору: «Громче!» В течение короткого времени оратор выполняет это требование, однако в большинстве случаев уже очень скоро он опять допускает ошибку слишком тихого произнесения речи.

4.3.9 Поведение при произнесении речи

Постоянным прихожанином одной бременской церкви был старый мастер-ремесленник. Хотя он был почти глух, но тем не менее каждое воскресенье он садился на первую скамью перед кафедрой. Пастор во время проповеди увлеченно жестикулировал руками, кистями рук, корпусом тела и говорил для этого слушателя особенно громко. В один прекрасный день проповедник воскликнул: «Но это поистине замечательно, что Вы так прилежно посещаете мои богослужения. Надеюсь, Вы поняли все, что я сказал?» «Господин пастор, – ответил старик, – с пониманием обстоит так, что я не понял ни слова, но мне очень нравится на Вас смотреть!» Эта история показывает, что если мы ораторы, то у нас не только слушатели, но и зрители. Правда, лишь глухие, как бременский мастер-ремесленник, рады чрезмерной жестикуляции оратора. Все ораторские выразительные средства, основанные на телодвижениях, такие как поза, жестикуляция рук и мимика – мы вместе с Вилли Хеллпах называем поведением при произнесении речи.

Лучше всего, когда поза спокойна, а жесты оратора свободны и упруги, а не небрежны и вызывающи.

¦ *Естественное напряжение, в котором находится оратор при произнесении речи, должно передаваться слушателям*

непосредственно, с помощью языка телодвижений.

Спэрджен констатирует: «Многие проповедники нагибаются вперед удобно и небрежно, как будто свешиваются с перил моста и болтают с каждым, кто внизу проплывает на лодке. Мы поднимаемся на кафедру не для собственного удовольствия, но чтобы совершать очень серьезную работу, и наше поведение должно соответствовать этому». Последнее высказывание справедливо для любого оратора. Не изображайте ветряную мельницу во время бури.

Хороший оратор не является ни непоседой, ни соляным столбом. Когда слушатель видит перед собой метущуюся фигуру, у него возникнет ощущение настоящего головокружения. Оратор также не копирует часовых, неподвижно стоящих перед Букингемским дворцом.

Жестикуляция: когда мы наблюдаем дружескую беседу двух южан, то ужасаемся, как дают они волю жестам – говорят «руками и ногами». В наших холодных краях эти анатомические отклонения находятся в большей степени под контролем. Но даже и у нас ораторы размахивают руками и наносят удары кулаками, ведут воздушный бой с невидимым врагом или хватаются за волосы, подобно ваг-неровским героям. «Кажется, что некоторые ораторы занимаются боксом», – считает Спэрджен. Мы не подражаем оратору, который как на аукционе угощает безвинную кафедру такими ударами, что стоящий на ней стакан с водой испуганно подпрыгивает.

Хрущев, произнося речь в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, даже снял туфлю и дубасил ею по кафедре с целью энергичного подчеркивания своих мыслей, дав повод Вернеру Финку для замечания, что нельзя от *неизбранного* свободно властителя ожидать, чтобы он проявил себя *избранным.* С помощью туфли Хрущев даже приблизительно не достиг эффекта, который произвел столь же склонный к динамичным поступкам Мартин Лютер, расколов однажды во время проповеди в Айзенахе кулаком трехдюймовую доску, по сообщению Спэрджена.

Этих дурных привычек легко избежать, если держать свой темперамент в узде. Куда же деть руки? Лучше легко положить их на кафедру, не удерживая все время в одном и том же положении. Некоторые ораторы потирают руки, как будто радуются тому, что одурачили делового партнера.

Но теперь позитивное о жестикуляции: она может и должна сопутствовать ходу мыслей. Жесты должны быть скупыми, только тогда они действенны. Шаблонных фигур жестикуляции не существует. Имеются, пожалуй, жесты приглашающие, отвергающие, повелительные, вопросительные.

¦ *Оживленной жестикуляцией чаще пользуются, чтобы подчеркнуть свои слова. С помощью пальцев можно пояснить нюансы.*

Жестикуляцию постоянно применял во время произнесения речей министр экономики Шиллер. Он постоянно будто взмахивал воображаемой мухобойкой. Карло Шмид сообщает о главе оппозиции Курте Шумахере: «Он остался фехтовальщиком, каким он мне показался при первой встрече тридцать лет назад, да, даже показалось, что его жестикуляция стала еще интенсивнее, еще выразительнее, полной жизни, еще более подчеркивающей сказанное словами. Как могли говорить эти руки! Быстрые, как рапира, свободно бросаемые справа налево, будто они раздирают некую завесу; пальцы, узко сложенные вместе, будто дело заключается в проведении хитроумной операции; или, наоборот, пальцы широко растопырены веером, как бы разрывающие сеть – эти руки, всегда движущиеся, как пламя, которое пожирало этот могучий дух».

С жестами оратору нужно быть осмотрительным и стараться, чтобы они не бросались в глаза; он *не актер*. Нервные и резкие движения вызывают ощущение неловкости.

Обратите как-нибудь внимание вот на что: у многих ораторов карманы брюк – магнитное притяжение для левой руки. Кажется, что уверенность в себе внезапно усиливается, как только рука окажется в кармане. Для публики это не лучшее зрелище. Также некрасиво засовывать пальцы в прорези жилета для рук, как будто идет болтовня с соседом через ограду сада. Август Бебель осуждал эту дурную привычку у такого выдающегося оратора, как Лассаль. Если уж есть потребность спрятать свои руки, то в качестве убежища для них используйте карманы пиджака, как это практиковал на высшем уровне американский президент Кеннеди.

Писатель Петер Хэртлинг отозвался о Гельмуте Шмидте: он «…склонен, используя динамичные, сильные жесты из арсенала выразительного языка телодвижений, удивить своих слушателей. Он никогда не подавляет. Он хочет покорить их» (см. «Писатель подвергает испытанию тексты политиков», 1967)*. На возможное несоответствие между словом и жестом обратил внимание английский исследователь поведения Десмонд Моррис: «Если политик пальцем прокалывает воздух в то время, когда он говорит о мирном сосуществовании, то нам следует верить движению его руки, а не тому, что он говорит».

Президент бундестага Герстенмайер в свое время (ноябрь 1962 г.) опубликовал ответ на жалобу относительно жеста министра Штрауса, который, делая заявление перед бундестагом,

засунул руки в карманы: «… нет правового положения, которое бы разрешало или запрещало федеральному министру или другому оратору перед бундестагом засовывать свои руки в карманы пиджака или брюк. Здесь вопрос такта… (и) воспитания…, которые нельзя регулировать нормативно…» Можно быстро отвыкнуть от плохих привычек. Многие часто пожимают плечами, качают ногой, кивают головой, снимают и надевают очки или поглаживают воображаемую бороду. Нужно только сказать себе об этом, а потом контролировать себя.

Многие во время доклада ходят, заложив руки за спину, как преступник на ежедневной прогулке по тюремному двору. Нередко ораторы издают чмокающие звуки, как будто они попутно едят вкусный компот.

¦ *Мимика: она столь же важна, как и движения рук. В особой степени в разговоре участвуют глаза.*

Тот, кто выступает с непроницаемым лицом игрока в покер или окидывает окружающих затуманенным взором, едва ли завоюет сердца слушателей, хотя бы он желал им поведать еще так много умного. Еще меньшего успеха достигнет оратор, который примет вид, будто без зонтика попал под сильный град.

Глаза тоже говорят. Оратор не должен равнодушно глядеть поверх людей или пристально смотреть в потолок. Любой слушатель должен почувствовать, что его увидели. Бросают иногда взгляд даже на отдельного слушателя, если заметно его особое участие. Этот контакт глаз желательно укрепить. Беглого взгляда недостаточно. Нужно не забыть ни одну группу слушателей, их медленно обводят взглядом и потом взляд то и дело направляют в задние ряды.

Иногда у оратора плохая привычка резко переводить взгляд с одной стороны зала на другую, как будто он наблюдает теннисный матч.

Мимика может быть серьезной или веселой; она всегда должна быть дружественной и никогда не нарушать меру. Никому не хочется видеть маску застывшего смеха, подобную той, что стоит на рекламе зубной пасты.

Естественно, дружелюбно, любезно: таков девиз. Один немецкий министр кратко выразился о товарище по партии и премьер-министре, который постоянно смеялся: ему нельзя участвовать в похоронах – он и там рассмеется.

¦ *В целом поведение во время произнесения речи повышает ее выразительность и налаживает контакт со слушателями.*

Основной тон связан с соответствующей ситуацией, но сдержан, как в физическом, так и в духовном отношениях. Слушатель хочет не только понять смысл слов, но и

почувствовать человеческое общение. Если мы охотно слушаем выдающихся ораторов, даже когда они, возможно, не говорят ничего нового, то причина в том, что они обладают личным обаянием, благодаря дару речи и особенно увлекающей силы их глаз и выразительности жестов.

Хайнц Кюн не случайно указывал на то, что поведение оставляет более глубокое впечатление, чем слова: «иначе как объяснить, что спонтанный жест в Варшаве, когда Вилли Брандт встал на колени перед памятником на месте разрушенного гетто, еще живет в памяти польского народа, тогда как слова давно смолкли».

4.3.10 Визуальные вспомогательные средства

Кто делает доклад, должен спрашивать себя: могу я что-либо показать слушателям? «Чтобы быть понятым, нужно говорить глазам», – полагает Гердер. Это верно, особенно сегодня, когда мы благодаря обилию оптических прелестей, стали *созерцающим человечеством.* Людвиг Райнерс прав: «Визуальные вспомогательные средства наглядны и вносят в нашу жизнь разнообразие. Картинки, таблицы, графики, схемы, рисунки, карты, наглядное представление итогов по годам и так далее – должны искусно встраиваться в речь, если представляется возможность. «Зрительный нерв в 50 раз толще слухового. То, что мы видим, запоминается намного лучше, чем то, что слышим» (Йох, Блюмель). По этой причине в наши дни так любят сопровождать доклады диапозитивами. Я рекомендую, безотносительно к предмету сообщения, будь то путешествие или научный доклад с использованием изображений, соблюдать следующие три правила:

• *Проведите отбор характерных, хорошо удавшихся снимков таким образом, чтобы последовательность зрительных образов обеспечивала повышение эмоционального напряжения.*

Мы думаем о том, что благодаря кино и телевидению сетчатка наших глаз очень избалована. Нужно показывать только хорошо удавшиеся снимки. Очень часто подбор зрительного ряда случаен и произволен. Образ следует за образом, не создавая напряжения от начала до конца по естественной кривой, не изменяя мелодии образов. Глазам ни в коем случае нельзя пресыщаться. Профессор Берг пишет: «Успех часто обусловлен теми многочисленными снимками, которые благоразумно не показаны. Pars pro toto (часть представляет целое) – мудрость, которую настойчиво можно рекомендовать всем докладчикам».

Значит, также справедливо: *меньшее* может подходить *больше.*

• *Изображения комментируйте кратко и точно, связывая текстом одну картинку с другой.*

Так, некоторые ораторы, очевидно, полагают, что смогли бы без особого труда комментировать зрительный ряд, используя импровизацию.

Следствие этого – плохие комментарии, в которых все предоставлено случаю. Подготавливайте, используя ключевые слова, сопровождающие текст, который затем произносите в свободной речи. Даже если в комментарии к слайдам значительный объем занимает импровизация, то предварительно обдумайте, *что* достойно упоминания, *где* можно вставить короткий рассказ, *как* сделать хороший переход от одной картинки к другой. Комментарий к изображениям – это возможность *ответственного разговорного тона.* Текст литературно прорабатывается и излагается в занимательной форме, что никоим образом не исключает серьезного и поучительного второго плана.

Текст не должен быть скучным. Говорим кратко. Указываем на детали, которые зритель мог пропустить. На выразительных картинах задерживаемся несколько дольше. Как уже сказано, не следует обсуждать каждое изображение, а заранее прокомментировать небольшую серию картин, чтобы зритель мог внимательно их просмотреть. Если хотят дать подробный комментарий, то хорошо делают, если включают свет, потому что голос в темном помещении производит прямо-таки мистическое впечатление.

Я настоятельно не советую делать следующее: сначала показать картины, а потом делать доклад. Должно быть все наоборот. После того, как показаны картины, самый хороший доклад воспринимается тяжело. Слово – плохой конкурент зримому образу.

Еще последнее указание: мы говорим так громко и четко, что нас слышит каждый. Часто бывает, что комментатор, увлеченный картиной, адресуется только к полотну экрана, то есть обращает свою речь в неправильном направлении. Задние ряды не понимают ни слова или же, когда оратор быстро оборачивается, понимают только половину предложения.

• *Готовьте доклад с диапозитивами так, чтобы не возникало сбоев в их подаче и речь не прерывалась.*

Желательно тщательно продумать технические детали. Это выявит необходимость *мелких работ.* Технические сбои всех видов нарушают атмосферу и разрушают коммуникацию. Мы знаем такие случаи: только хотят показать диафильмы, как выясняется, что соединительный шнур электрического подключения слишком короток; проекционный аппарат установлен слишком далеко, изображение не соответствует

экрану; три диапозитива вставлены неправильно, и различить изображение можно лишь стоя на голове; нельзя отыскать выключатель света и так далее. Любая, даже кажущаяся незначительной, техническая ошибка оказывается возмутителем спокойствия.

Некоторые ораторы начинают обстоятельно заниматься наладкой аппаратуры уже после приветствия. Следует все обдумать заранее! Необходимо также провести пробу: как действует договоренность с демонстратором диапозитивов о последовательности показа диапозитивов. Эта договоренность предусматривает подачу слайдов малозаметными сигналами. Лучше всего договориться о кратких сигналах постукиванием (или световыми знаками), которые означали бы «следующий диапозитив». Возможно, Вы возразите: «Да ведь это все мелочи.» Мелочи – да, незначительные – нет. Успех оратора очень часто зависит от незаметных привходящих обстоятельств.

4.3.11 Критика речи

В одной южно-немецкой деревенской церкви кандидат теологии обычно читал свою пробную проповедь. Потом церковный служка объявлял, как прошла проповедь. И этот «глас народа» имел наготове три оценки. Если духовная речь удавалась, то служка говорил: «Господь был милостив!» При посредственном результате служка отзывался: «Ведь был очень тяжелый текст!» Если же кандидат терпел полную неудачу, то служка утешал его словами: «Но Вы так хорошо подобрали псалмы!» Перед нами надежная форма передачи информации путем косвенного высказывания. Не сказано ничего – и тем не менее сказано все.

Мы даем себе отчет о действии нашей речи на слушателей. Мы просим друзей сообщить критические замечания, разбираемся в причинах осечки. Мы никогда не должны падать духом из-за неудачи вначале. И у великих ораторов случались плохие старты.

Однако «неприятности такого рода возбуждают силы разума» (Буш).

Назовем главные критерии критики речи: объективность, ясность, наглядность, рациональность структуры, последовательность изложения, хорошее введение, повышение накала речи к ее окончанию, требуемая громкость, гибкое изменение темпа и соответствующее ситуации поведение оратора во время речи.

Опытный оратор постоянно оттачивает технику речи. *Никакая речь не является хорошей настолько, чтобы ее нельзя было улучшить.*

Заключительные замечания

Тот, кто проработал все главы этой книги, возможно, вздохнет: «… И нужно думать обо всем этом? Да я за деревьями не вижу леса!» Конечно, *все* продумать невозможно. На практике многое можно упростить; опытные ораторы некоторые вопросы решают иначе, чем рекомендуется здесь.

Каждый должен обрести свой индивидуальный опыт и не полагаться на опыт других.

Начинающий оратор спросит: «Что применить мне сегодня или завтра в моих «риторических буднях»?» Упражнения, продуманные упражнения; после каждого ораторского выступления продуманный отчет самому себе: это простое основное правило, которое ведет к прогрессу в обучении.

Польский пианист Падеревский однажды выразился так: «Если я не упражняюсь *один* день, это замечаю я, если не упражняюсь в течение *двух* дней, это замечают мои критики, если я пропускаю *три* дня, это замечает публика.» Может быть, это преувеличение. Но то, что хочет этим сказать Падеревский, справедливо и для оратора: постоянное упражнение – секрет успеха.

Цель любого оратора – создание на основе общих риторических правил совершенно индивидуального, особенного стиля речи.

Для этого есть много путей. Эта книга хотела бы лишь указать общее направление и служить проводником. Она никоим образом не позволяет охватить все существенное, тем более «в сочиненных правилах». Бельгийский политик Пауль Генри Спаак однажды написал: «Я слышал ораторов, которые говорили намного лучше, чем я, предложения которых были построены лучше, чем мои, которые выражались легче, непринужденнее, и которые все же никогда не ценились как выдающиеся ораторы. У них отсутствовало самое существенное: тот необъяснимый дар излучения, который создает атмосферу».

Постоянное сознание, что употребленное слово может стать злоупотреблением, что оно служит *добру и злу,* может противодействовать сотворению кумиров.

Альбрехт Гоэс сообщает для размышления: «За слово приходится страдать, за дьявольское искажение слова. Приходится изведать, как люди в слове не понимают себя, делают себе больно, способны сбить себя с толку. Еще хуже: как они не понимают друг друга в лучших воззрениях, как они от слова к слову все более отдаляются, как они в конце концов больше не способны видеть себя и как из слов, будто колючие заросли перед замком спящей красавицы, вырастает зло: стены, тюрьмы, казематы. Именно переговоры могут напомнить и то и дело

напоминают нам о древней беде человеческих сообществ: о вавилонской путанице языков».

Тот, кто пытается употреблять речь как можно более правдиво и с пользой для людей, обдумает эти границы использования слова.

В своей прощальной речи в качестве премьер-министра Хайнц Кюн следующим образом описал свою «риторическую позицию» в зачастую нервозных буднях демократических дискуссий: «Я в эти двенадцать лет моей службы ни о ком не думал враждебно – ни о ком среди моих друзей, ни о ком среди моих оппонентов.

Меня все же угнетало бы, если бы некое убеждение было подавлено только оттого, что оно не нравится моим друзьям, и я чувствовал бы себя жалким, отказавшись от спора с противником, который мне кажется необходимым ради истины. Но из жизненного опыта я часто вижу и хочу это повторить: в действительности истина состоит из многих частичных истин, которые нужно воспринять от всех участников спора, а не искать только у себя самого. Высказывание Паскаля о том, что истина лежит только по эту сторону Пиринеев, а ложь – по другую, в жизни нигде не оправдывется. Только это не означает, что в споре не нужна бойцовская стойкость. Жизнь – это крепкий орешек, который не расколешь, положив между подушками. Демократия живет конфликтами».

Литература

Аннушкин В.И. Риторика: Учебное пособие. Хрестоматия. Пермь, 1994.

Аристотель. Риторика //Античные риторики/ Сост. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.

Безменова Н.Л. Очерки по теории и истории риторики. -М., 1991.

Горелов И.Н. и др. Умеете ли вы общаться? – М., 1991.

Граудина Л.К., Миськевич Т.Н. Теория и практика русского красноречия. – М., 1989.

Иванова С.Ф. Специфика публичной речи. – М., 1978.

Кохтев Н.Н. Риторика: Учебное пособие. 8-11 кл. – М., 1994.

Карнеги Дэйл. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. – М., 1994.

Лосева Л.М. Как строится текст. – М., 1980.

Львов М.Р. Риторика: Учебное пособие для учащихся 10-11 классов. – М., 1995.

Никитина В.И. Русская речь: Учебное пособие. 8-9 кл. -М., 1995.

Сопер ПЛ. Основы искусства речи. – М., 1992. *Смелкова З.С.*

Азбука общения. – Самара, 1994.

Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте

Аденауэр Конрад (1876-1967), федеральный канцлер ФРГ в 1949-1963; в 1946-66 – председатель Христианско-демократического союза.

Адлер Виктор (1852-1918), один из организаторов и лидеров австрийской Социал-демократической партии.

Александр I Павлович (1777-1825), российский император с 1801. Проводил либеральные реформы. Присоединил к России Грузию (1801), Финляндию (1809), Бессарабию (1812), Азербайджан (1813), б. герцогство Варшавское (1815). В 1813-14 после Отечественной войны 1812 возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав.

Апеллес, древнегреческий живописец, 4 в. до н. э. Выражение «черта Апеллеса» означает высокое совершенство, достигнутое упорным трудом.

Барток Бела (1881-1945), венгерский композитор, пианист, музыкальный фольклорист. Предлжил методику музыкального воспитания.

Бевин Эрнст (1881-1951), один из лидеров Лейбористской партии Великобритании.

Бебель Август (1840-1913), один из основателей и руководитель Германской Социал-демократической партии.

Брандт Вилли (р. 1913), председатель Социал-демократической партии Германии с 1964. Федеральный канцлер ФРГ в 1969-74.

Бриан Ариствд(1862-1932), неоднократное 1909-31 премьер-министр Франции **и** министр иностранных дел.

Болдуин Стэнли (1867-1947), премьер-министр Великобритании в 1923-24, 1924-29, 1935-37; консерватор.

Буш Вильгельм (1832-1908), немецкий поэт и художник. Юмористические циклы рисунков сопровождал стихами.

Валленштейн Альбрехт (1583-1634), полководец, имперский главнокомандующий в Тридцателетней войне 1618-48. По обвинению в измене убит своими офицерами.

Верлен Поль (1844-1896), французский поэт-символист.

Вильгельм Второй Гогенцоллерн (1859-1941), германский император и прусский король в 1888-1918. Свергнут Ноябрьской революцией 1918.

Вольдемарас Августинас (1883-1942), литовский политический деятель. В 1918 – глава литовского буржуазного правительства.

Вольтер (наст, имя Мари Франсуа Аруэ) (1694-1778),

французский писатель и философ-просветитель.

Гауптман Герхард (1862-1946), немецкий писатель. Глава немецкого натурализма.

Геббельс Йозеф (1897-1945), один из главных немецко-фашистских военных преступников. С 1933 во главе пропагандистского аппарата фашистской Германии. В 1945 после вступления советских войск в Берлин покончил жизнь самоубийством.

Гейне Генрих (1797-1856), немецкий поэт и публицист, критик, мастер лирической и политической поэзии.

Геншер Ханс Дитрих (р. 1927), вице-канцлер и министр иностранных дел в правительстве ФРГ с 1974.

Гердер Иоганн Готфрид (1744-1803), немецкий философ и писатель-просветитель. Пастор в Риге (1764-69), в Веймаре с 1776. Друг И. Гете.

Гессе Герман (1877-1962), швейцарский писатель.

Гете Иоганн Вольфганг (1749-1832), немецкий писатель, основоположник литературы нового времени, мыслитель и естествоиспытатель.

Гинденбург Пауль фон (1847-1934), президент Германии с 1925, ген. фельдмаршал 1914.

Гитлер (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889-1945), главный немецко-фашистский военный преступник, главарь (фюрер) фашистской Национал-социалистской партии (с 1921), глава германского фашистского государства.

Гладстон Уильям Юарт (1809-1898), премьер-министр Великобритании 1868-74, 1880-85, 1886, 1892-94. Лидер Либеральной партии с 1868.

Голль Шарль де (1890-1970), президент Франции в 1958-69. Премьер-министр в 1944-январь 1946 и в 1958. Имя Г. связано с победой над фашистскими агрессорами.

Гомер, легендарный древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности преписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и др.

Горгий (ок. 483 – ок. 375 до н. э.), древнегреческий софист. С его именем связывают зарождение риторики и изобретение риторических фигур.

Грасс Гюнтер (р. 1927), немецкий писатель. **Грильпарцер Франц** (1791-1872), австрийский писатель.

Гримм братья Якоб (1785-1863) **иВильгельм** (1786-1859), немецкие филологи, основоположники германистики как науки о языке и литературе.

Гумбольт Вильгельм (1767-1835), немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Развил

учение о языке как непрерывном творческом процессе.

Дантон Жорж Жак (1759-1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев (рев.-дем. буржуазии). Казнен Революционным трибуналом.

Демосфен (ок. 384-322 до н. э.), афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки (Речи Д. против македонского царя Филиппа – филиппики). После захвата Греции принял яд.

Дессуар Макс (1867-1947), немецкий философ-идеалист и психолог. Ввел термин парапсихология.

Джемс (Джеймс) Уильям (1842-1910), американский философ-идеалист, психолог, один из основателей прагматизма.

Джонсон Линдон (1908-1973), 36-й президент США (1963-69) от Демократической партии. Правительство Д. начало агрессивную войну во Вьетнаме.

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804-1881), премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874-80, лидер Консервативной партии, писатель.

Жорес Жан (1859-1914), руководитель Французской социалистической партии, реформист. Основатель газеты «Юмани-те» (1904). Убит в канун 1-й мировой войны.

Идеи Антони, лорд Эйвон (1897-1977), премьер-министр Великобритании в 1955-57, консерватор.

Кант Иммануил (1724-1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Профессор университета в Кенигсберге. Иностранный почетный член Петербургской АН. (1794).

Карл Великий (742-814), французский король с 768, с 800 – им-ператор, из династии Каролингов. Его завоеваниями создана огромная империя, распавшаяся после смерти.

Карлейль Томас (1795-1881), анг. публицист, историк, философ. Выдвинул концепцию «культа героев» – единственных творцов истории.

Карнеги Дейл (1888-1955), известный американский специалист ораторского искусства и человеческих отношений, автор популярных книг: «Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично» и др.

Квинтилиан (ок. 35 – ок. 96), римский оратор и теоретик ораторского искусства. Сохранился трактат «Об образовании оратора» – курс античной риторики с обозрением греческой и римской литературы.

Келлер Готфрид (1819-90), швейцарский писатель, писал на немецком языке.

Кеннеди Джон Фицджералд (1917-1963), 35-й президент

США (1961-63) от Демократической партии. Убит в Далласе.

Кестнер Эрих (1899-1974), немецкий писатель.

Киплинг Джозеф Редьярд(1865-1936), английский писатель. Романы, рассказы о жизни мальчика Маугли среди зверей «Книга джунглей» (1894). Лауреат Нобелевской премии (1907).

Клейст Генрих фон (1777-1811), немецкий писатель. **Клопшток Фридрих Готлиб** (1724-1803), немецкий поэт.

Конфуций (ок. 551 – 479 до н.э.), древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства – философско-этического учения, одной из китайских религий.

Кьеркегор Серен (1813-1855), датский теолог, философ-идеалист, писатель, предшественник экзистенциализма.

Ларошфуко Франсуа де (1613-1680), французский писатель-моралист.

Лассаль Фердинанд (1825-1864), немецкий социалист, руководитель Всеобщего германского рабочего союза. (1863-75).

Лафонтен Жан де (1621-1695), французский писатель. Басни Л. на русский язык переводили М.В. Ломоносов, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков и др.

Лессинг Готхольд Эфраим (1729-1781), немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик Просвещения, основоположник немецкой классической литературы.

Лилиенкрон Детлев фон (1844-1909), немецкий писатель.

Линкольн Авраам (1809-1865), 16-й президент США (1861-65), один из организаторов Республиканской партии (1854), выступившей против рабства. Убит.

Лихтенберг Георг Кристоф (1742-1799), немецкий писатель-сатирик, литературный, театральный и художественный критик эпохи Просвещения, ученый-физик. Иностранный почетный член Петербургской АН (1794).

Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945), премьер-министр Великобритании, один из видных лидеров Либеральной партии.

Люксембург Роза (1871-1919), деятель германского, польского и международного рабочего движения. Убита.

Лютер Мартин (1483-1546), деятель Реформации в Германии. Основатель лютеранства. Перевел на немецкий язык Библию.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866-1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929-31 премьер-министр.

Мендес-Франс Пьер (р. 1907), премьер-министр Франции в

1954-55.

Марк, в христианстве ученик Павла, автор Евангелия, вошедшего в канонический текст Нового завета.

Мёрике Эдуард Фридрих (1804-1875), немецкий писатель-романтик. Лирика в народном духе, сказки.

Микеланджело Буонарроти (1475-1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт эпохи Возрождения.

Мирабо Оворе Габриель Рикети (1749-1791), граф, деятель Великой французской революции. Был избран депутатом в Генеральные штаты 1789 от 3-го сословия.

Мольтке (Старший) Хельмут Карл (1800-1891), граф (1870), германский фельдмаршал и военный теоретик.

Монтень Мишель де (1533-1592), французский философ-гуманист. В кн.: «Опыты» рассматривает человека как «самую большую ценность».

Моро Альдо (1916-1978), лидер итальянской Христианско-демок-ратической партии. В 1963-68 и в 1974-76 премьер-министр Италии. Убит террористами.

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769-1821), французский император в 1804-14 и в марте-июне 1815. Благодаря победоносным войнам расширил территорию империи. В 1812 потерпел поражение в России, отрекся от престола (1814). Последние годы провел на о. Св. Елены пленником англичан.

Никсон Ричард Милхаус (р. 1913) 37-й президент США в 1969-74 от Республиканской партии. В 1973 правительство Никсона подписало соглашение о прекращении войны во Вьетнаме. Вынужден был уйти в отставку.

Ницше Фридрих (1844-1900), немецкий философ и филолог, один из основателей «философии жизни».

Оствальд Вильгельм Фридрих (1853-1932), немецкий физико-химик и философ-идеалист.

Падеревский Игнацы Ян (1860-1941), польский пианист, композитор. Премьер-министр и министр иностранных дел в Польше в 1919.

Папа римский Пий XII (1876-1958), папа (с 1939), занимал реакционную позицию, благоприятствовал фашистским режимам.

Паскаль Блез (1623-1663), французский религиозный философ, писатель, математик и физик.

Перикл (ок. 490 – 429 до н.э.), афинский стратег (главнокомандующий), вождь демократической группировки, руководитель ряда военных кампаний во время Пелопонесской войны. Умер от чумы.

Песталоцци Иоганн Генрих (1746-1827), швейцарский педагог-демократ, основоположник теории начального обучения.

Петен Анри Филипп (1856-1951), французский маршал (1918), глава капитулянского правительства во время оккупации Франции немецко-фашистскими войсками. В 1945 приговорен к смертной казни (заменена пожизненным заключением), г

Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708-1778), премьер-министр Великобритании в 1766-68.

Питт Уильям Младший (1759-1806), премьер-министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806.

Платон (428 или 427-348 или 347 в. до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа.

Плиний Старший (23 или 24-79), римский писатель, ученый.

Протагор из Абдеры (ок. 480-ок. 410 до н. э.), древнегреческий философ.

Расин Жан (1639-1699), французский драматург, представитель классицизма.

Роллан Ромен (1866-1944), французский писатель, музыковед, общественный деятель.

Рузвельт Франклин Делано (1882-1945), 32-й президент США (с 1933) от Демократической партии (4 раза избирался на этот пост). Велика роль в создании антигитлеровской коалиции в период 2-й мировой войны.

Руссо Жан Жак (1712-1778), французский писатель **и** философ.

Савонарола Джироламо (1452-1498), настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Осуждал гуманистическую культуру, папство, призывал **к** аскетизму. Организовал сожжение произведений искусства. В 1497 отлучен от церкви и казнен.

Сенека Луций Анней (ок 4 до н. э.-65 н. э.), римский политический деятель, философ и писатель. Воспитатель Нерона; по его приказу покончил жизнь самоубийством.

Свифт Джонатан (1667-1745), английский писатель-сатирик и политический деятель.

Сократ (470/469-399 до н. э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода поиска истины.

Спаак Поль Анри (1899-1972), один из лидеров Бельгийской социалистической партии (с 1944); в разные годы министр иностранных дел **и** премьер-министр. В 1957-61 генеральный секретарь НАТО.

«Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879-1953), один из руководящих деятелей КПСС. С 1922 Генеральный секретарь ЦК КПСС. С 1941 председатель СНК СССР **и** ГКО, нарком обороны, Верховный главнокомандующий, один из организаторов антигитлеровской коалиции. Культ личности Сталина осужден.

Стивенсон Эдлай (1900-1965), один из лидеров Демократической партии США, дипломат.

Талейран (Талейран-Перигор) Шарль Морис (1754-1838), французский дипломат, министр иностранных дел в 1797-99; 1814-15 глава французской делегации на Венском конгрессе. Один из выдающихся дипломатов.

Твен Марк (наст, имя Сэмюэл Клеменс) (1835-1910), американский писатель.

Тухольский Курт (1890-1935), немецкий писатель-публицист. Песни на слова Т. пел Эрнст Буш.

Филипп II (ок. 382-336 до н. э.), царь Македонии с 359. Отец Александра Македонского. К 338 полностью подчинил Грецию.

Фихте Иоганн Готлиб (1762-1814), немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма.

Фокион (397-317 до н. э.), афинский полководец, стратег. Поддерживал македонских царей, Филлипа II и Александра Македонского. Обвинен в измене и казнен.

Фокс Чарлз Джеймс (1749-1806), политический деятель Великобритании. Неоднократно входил в правительство.

Фома Аквинский (1225 или 1226-1274), философ, теолог, систематизатор схоластики. Доминиканец.

Фонтане Теодор (1819-1898), немецкий писатель.

Франклин Бенжамин (1706-1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции 1787. Исследователь атмосферного электричества.

Фрейд Зигмунд (1856-1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа.

Хрущев Никита Сергеевич (1894-1971), советский партийный государственный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС 1953-64. Одновременно председатель СМ СССР 1958-64; член Президиума ЦК 1952-64. Освобожден от всех должностей в 1964.

Цезарь Гай Юлий (102 или 100-44 до н. э.), римский диктатор. Полководец. Подчинил Риму заальпийскую Галлию. Опираясь на армию, добился единовластия. Стал монархом. Убит в результате заговора.

Циранкевич Юзеф (р. 1911), председатель СМ 1947-52,1954-70. Председатель Государственного совета ПНР в 1970-72.

Цицерон Марк Туллий (106-43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель. Сохранилось 58 судебных и политических речей, 19 трактатов по риторике, политике, философии и более 800 писем.

Чемберлен Невилл (1869-1940), премьер-министр

Великобритании в 1937-40, консерватор. С 1922 многократно входил в правительство.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965), премьер-министр Великобритании в 1940-45,1951-55. В годы 2-й Мировой войны правительство Ч. пошло на союз с СССР в рамках антигитлеровской коалиции. После войны Ч. один из инициаторов холодной войны.

Швейцер Альберт(1875-1965), немецко-французский мыслитель, протестанский теолог и миссионер, врач, музыковед и органист.

Шейдеман Филипп (1865-1939), один из лидеров Социал-демократической партии Германии.

Шекспир Уильям (1564-1616), английский драматург и поэт. Гуманист эпохи позднего Возрождения.

Шеридан Ричард Бринсли (1751-1816), английский драматург. Политический оратор.

Шефтсбери Антони Эшли Купер (1671-1713), граф, английский философ, эстетик и моралист.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759-1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения; основоположник немецкой классической литературы.

Шмидт Хельмут (р. 1918), федеральный канцлер ФРГ с 1974.

Шопенгауэр Артур (1788-1860), немецкий философ-иррациона-лист.

Шоу Джордж Бернард (1856-1950), английский драматург, общественный деятель.

Штраус Франс Иозеф (р. 1915), председатель Христианско-со-циального союза с 1961. Политический деятель.

Штреземан Густав (1878-1929), германский рейхканцлер (август-ноябрь 1923) и министр иностранных дел (с августа 1923).

Шумахер Курт (1895-1952), председатель Социал-демократической партии с 1946.

Эббингауз (Эббиигхауз) Герман (1850-1909), немецкий психолог, представитель ассоцианизма. Вывел забывание как функцию времени.

Эдисон Томас Алва (1847-1931), американский изобретатель, организатор и руководитель первой американской промышленной исследовательской лаборатории. Автор свыше 1000 изобретений.

Эйлер Леонард (1707-1783), математик, механик, физик, астроном. В 1727 переехал в Россию. В 1741-66 работал в Берлине. Автор свыше 800 работ по математике, физике, оптике, баллистике, кораблестроению и др.

Эйнштейн Альберт (1879-1955), физик-теоретик. Создал теорию относительности. Автор трудов по квантовой теории света, вывел понятие фотона. Лауреат Нобелевской премии (1921).

Эйхман Карл (1906-1962), немецко-фашистский военный преступник. Казнен.

Энценсбергер Ханс Магнус (р. 1929), немецкий писатель.

Эрхард Людвиг (1897-1977), федеральный канцлер ФРГ в 1963-66. Председатель Христианско-демократического союза в 1966-67.

Эттли Клемент Ричард (1883-1967), премьер-министр Великобритании в 1945-51. Лидер Лейбористской партии в 1935-55.

Ясперс Карл (1883-1969), немецкий философ, психиатр.